

Валерий Антонов

Путь Хайдеггера.
Том 28.
Путеводитель по
GA 99 - 100

Валерий Антонов
Путь Хайдеггера. Том 28.
Путеводитель по GA 99 - 100
Серия «Путь Хайдеггера», книга 28

*<https://litres.ru/73977394>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Первое на русском языке систематическое переложение двух заключительных томов «Чёрных тетрадей» Хайдеггера (GA 101: Winke I–II, 1957–1959; GA 102: Vorläufiges I–IV и Furchen, 1963–1970). В отличие от перевода, данная книга представляет собой аналитическую реконструкцию и герменевтическую адаптацию предельно герметичных записей позднего Хайдеггера — от учения о событии (Ereignis) и поставе (Ge-Stell) до тавтофазии и «не-поэтического обитания». Введение содержит разбор ключевых терминов, сопоставление с оригиналами и открытое признание неизбежных натяжек при передаче хайдеггеровского языка. Для философов, студентов и всех, кто впервые подступает к позднему периоду мышления Хайдеггера.

Содержание

Введение.	11
1. Почему не перевод и не пересказ?	12
2. Отличие данного изложения от GA 99–100.	14
3. Языковая специфика и пределы перевода.	17
4. О структуре тома 28.	20
5. О статусе «Чёрных тетрадей» и их жанре.	22
6. Для кого этот путеводитель?	24
7. Замечание о переводческой стратегии.	25
Аналитическая реконструкция содержания тома 99: скрытые особенности и дискуссионные аспекты.	27
0. Вводное замечание о методе реконструкции	27
I. Жанрово-архитектоническая специфика.	28
1. Обратная нумерация как событийный жест	28
2. Параграфы, зачёркивания, графические элементы, отточия, обрывы как семантические операторы.	30
3. Самодельные указатели как герменевтический лабиринт.	32
II. Язык, сказание, собеседование, тишина (дополнение скрытых особенностей).	33
4. Глагольное vs. именное как событийная грамматика	33

III. Событие, рас-своение, кротость (дополнение скрытых особенностей).	35
5. Приставка *er-* как событийный морфологизм	35
IV. Вторая тетрадь: мостки, измерение, прохождение (дополнение).	36
6. Steg (мостки) как Singularetantum и уязвление истории	36
V. Отношение, после-мышление, ремесло (дополнение).	38
7. Handeln vs. Tun: невидимое действовање	38
VI. Забвение, λήθη, не-продуманное, alétheia (дополнение).	39
8. Мать Λήθη и подавленная генеалогия истины	39
VII. Техника, о-стов, махинация, психотехника (дополнение).	40
9. Психотехника как завершение антропологии	40
VIII. Политическая и теологическая провокации (дополнение).	41
10. Критика ветхозаветного монотеизма как прообраза диктатуры	41
IX. Общий итог: скрытая структура тома 99.	42
GA 99: Anmerkungen XVI–XX (Schwarze Hefte)	43
– Замечания XVI–XX (Чёрные тетради).	

О сказании (Sage) обычая (Brauch)	44
Сказание о собеседовании	49
Полевой путь	52
Четыре тетради (v. H.)	55
О предполагании (Vermuten)	58
Сбытие (Seyt) / Событие (Seyn).	62
Малое, широкое, редкое, терпкое, не-броское: вещь.	64
О внезапности поворота.	65
Предполагать различие в рас-своение.	66
Сравнение: слух и зрение.	69
Знание.	71
Близость.	73
Предварительное.	74
Освобождение мышления.	76
Вещь (Ding).	78
Чтение и слушание.	82
О не-броском.	84
Собеседование и язык.	85
Борьба за власть над землёй.	88
О писании и неслышании.	90
О ясном и отчётливом.	91
Ясное и отчётливое.	94
О предполагающем мышлении.	96
Сокрытие и хранение.	98
Надпись и стиль.	101

Вспоминающее мышление.	104
По-двигать.	106
Четыре тетради как надпись.	107
Эпоха поворота.	110
Забвение различия и щажение.	111
V.H. (Четыре тетради).	113
Внезапность поворота.	114
Мир-сфера.	117
Vier Hefte [Четыре тетради — стихотворение].	118
Структура и обратный порядок.	122
Стиль как добротность.	123
Падение языка и пустота болтовни.	125
Близость и безмолвие.	126
Вынос и событие.	127
Уныние и предположение.	129
О сообщении и безмолвии сказания.	131
Изумление и не-броское.	134
Онтологическая дифференция.	137
Критика двадцатилетней болтовни.	140
Мышление как сказание различия.	142
Невозможность сообщения.	146
Со-бытие как указание.	150
Ядро Сбытия и зерно мышления.	153
Ἐόν: присутствующее.	154
Мир как скрепа	157
I–IV.	160

Сказание четырёх тетрадей.	162
Совпадение в сказании.	164
Тишина и у-держание.	167
Не-сказанная неизбежность.	169
Соответствия.	171
Поворот и то же самое.	172
То же самое и своеение.	174
Четверица мира-существа.	176
Свободное и непринуждённость.	178
Четверица — не число.	179
Земля и опасность её существа.	180
Свободное и сбережение.	182
Поворот забвения.	183
У-тайнивание и исцельное.	184
Человек в оставлении.	185
Мир и раннее.	186
Самостное и то же самое.	187
«Само-по-себе» присутствующего.	188
Чтобы мы стали сознать забвение Сбытия.	190
Шаг назад человека и промах божественности.	192
Простое мира.	194
Тишина и настраивание.	195
Тишина тишит со-бытие в мир.	199
Язык как пра-весть пра-дела.	201
Обитание и привычка.	203
Простое и складка.	205

Повторение простого.	206
Бытие и иметь.	208
Мировая веретено.	210
Экстатическое вот-бытия.	211
Четверица мира не объединена.	213
Мышление как сказание различия.	215
Тишина со-бытийствует слово.	217
Вопросы об истине языка.	218
Мышление как памятование со-бытия.	219
Язык — собеседование мира.	220
Со-бытие приносит мир.	222
Что есть бытие? — Что Сбытие есть.	223
Вспоминание как возвращение.	224
Сбытие мыслить — иное.	226
Что есть, если различие ещё не недостаёт?	227
Ἀλήθεια и поворот.	229
Непринуждённость — более не человеческая установка.	231
Кольцо четверицы.	232
Вещевание.	234
Язык как ковчег Сбытию.	235
Мышление: стоять в игре-ветра зеркала тишины.	237
Язык: в одном — игра тишины и звучание скорлупы.	238
Вспоминающее мышление есть пред-строящее.	240
Сущее как вещь.	241

Пред-стройка строит пашню для равнин мира.	243
Что значит ясно мыслить Сбытие?	244
Мир и ясность.	247
Тишина и существо просветлённого.	248
Открываемость в абсолютном идеализме и открытость вот-бытия в со-бытии.	249
Критика гегелевского прочтения.	252
Сравнение: Аристотель и Фома.	254
Шеллинг.	255
Спор — дело.	257
Тишина нуждается в не-покое воления.	258
Со-бытие как событийствующее обеспечение забвения.	260
Событийно со-бытие различает то же самое.	261
О-стов и запустение.	263
Смерть со-бытийствовала охранению.	266
Существо техники.	268
Τέχνη.	270
Присутствующее как предмет.	272
О-стов и эксплуатация.	275
Присутствующее.	276
Вот-бытие — совершенно иное.	279
История бытия, просвет бытия.	280
Язык как дом бытия.	283
Внезапность со-бытия различия.	284
Мировая-история.	286

Время-пребывание – существовать – мир-овать – присутствовать.	287
Различие и различённое.	289
Раз-личие и дистинкция.	292
Мир, в-хождение со-бытия.	294
Со-бытийствование.	295
Мир: ни трансцендентен, ни трансцендентален.	296
Мир-существо Сбытия.	297
Только забвение различия.	299
Ясность мира.	301
Конец ознакомительного фрагмента.	304

Валерий Антонов

Путь Хайдеггера.

Том 28. Путеводитель по GA 99 - 100

Введение.

Путеводитель по граниту не-сказанного: между переводом, реконструкцией и событием мысли.

Настоящий том представляет собой **аналитический путеводитель** по двум томам Полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера — GA 99 («Замечания XVI–XX. Четыре тетради I–II», 1947–1950) и GA 100 («Бдения I–II. Ноктюрно I», 1952–1957). Это издание следует логике, заложенной самим автором «Чёрных тетрадей»: оно не столько «излагает», сколько пытается *событийно* ввести читателя в пространство письма, где смысл порождается не только сказанным, но и тем, *как* это сказано: разрывами, умолчаниями, обратной нумерацией, дефисными написаниями и самодельными указателями.

1. Почему не перевод и не пересказ?

GA 99 и GA 100 принадлежат к числу тех текстов Хайдеггера, которые он сам осознанно держал вне публичного пространства. Эпиграф к «Примечаниям IV» — «*Qui me non nisi editis novit, non novit*» (Лейбниц) — прямо указывает: публикации не дают знания о мыслителе. Эти тетради — не черновики и не дневники в психологическом смысле. Это **рабочее пространство мышления**, где бытие (*Seyn*), событие (*Ereignis*), различие (*Unter-Schied*) и язык как сказание (*Sage*) не описываются, а *совершаются*.

Традиционный перевод, стремящийся к терминологической однозначности и синтаксической гладкости, здесь неизбежно **разрушал бы само событие текста**. Причины:

Дефисные написания (*Ver-Hältnis*, *Ent-sagen*, *Unter-Schied*) не являются орфографической причудой. Дефис принудительно замедляет чтение, обнажая этимологические слои: *Halt* (держание) в *Ver-Hältnis*, *Sage* (сказание) в *Ent-sagen*.

Вариативность написания (*Freyheit* vs. *Freiheit*) сигнализирует о различении: событийная свобода спая — метафизическая свобода воли.

Графические элементы (стрелки, линии, рамки) — не

украшения, а топографические метки, показывающие не последовательность, а соседство понятий.

Поэтому в данном путеводителе мы отказываемся от иллюзии «нейтрального перевода». Вместо этого предлагается **аналитическая реконструкция** с сохранением ключевых немецких терминов и их дефисных форм, сопровождаемая развёрнутым комментарием.

2. Отличие данного изложения от GA 99–100.

Наш «Путеводитель» принципиально отличается от немецкого Gesamtausgabe по ряду параметров.

→ **Функция**

GA 99–100 — это дипломатическое воспроизведение рукописей с указанием пагинации, зачёркиваний и отточий. Наш том — не замена оригиналу, а **введение в его событийную архитектуру**. Мы не переводим слово за словом, а реконструируем *ход мысли*, сохраняя при этом ключевые термины.

→ **Отказ от иллюзии понятности**

Хайдеггер прямо указывает в GA 100: «*мои сочинения совершенно непереводимы*». Любая попытка сделать их «понятными» в обычном смысле была бы искажением. Поэтому мы предлагаем **комментированный парафраз**, а не линейный перевод.

→ **Выделение скрытых особенностей**

В GA 99–100 разбросаны методологические указания, которые в оригинальном издании не собраны в систему:

обратная нумерация стихотворения «Vier Hefte» (IV → I) как *в-хождения* (Einkehr);

приставка *er-* (*er-äugen, er-eignen*) как событийный морфологизм;

Steg (мостики) как *Singularetantum* — единственное число, указывающее на единственность перехода;

критика ветхозаветного монотеизма как «прообраза всех человеческих диктаторов»;

различие *Handeln* (невидимое действие) и *Tun* (видимое деяние).

Мы собираем эти «скрытые особенности» в тематические блоки, чего нет в оригинальном издании.

→ **Дискуссионные аспекты**

В каждом разделе мы формулируем вопросы, которые сам Хайдеггер оставляет открытыми:

не является ли обратная нумерация насильственной по отношению к читателю, привыкшему к линейному аргументу?

не подменяет ли автор философскую аргументацию эстетическим откровением (например, через рисунок Вольфа Хубера)?

не ведёт ли различие *Handeln* и *Tun* к парадоксу отсутствия ответственности перед лицом исторических катастроф?

Эти вопросы — не риторические, а событийные; они при-

глашают к *со-мышлению*, а не к пассивному усвоению.

3. Языковая специфика и пределы перевода.

В европейских переводах позднего Хайдеггера сложились устойчивые, но часто обманчивые эквиваленты. Покажем наиболее проблемные случаи.

→ *Ereignis*

Традиционно: «событие», «событие-присвоение».

Проблема: теряется этимологическая связь с *er-äugnen* — «со-очивать», «взглянуть на кого-то, сделав его своим».

Наше решение: оставляем как *со-бытие* с дефисом, комментируем взглядовую природу.

→ *Gelassenheit*

Традиционно: «отрешенность», «раскованность», «отпущенность».

Проблема: слишком пассивное или мистическое.

Наше решение: *раскованность* как активное отпускающее позволение, «высочайшая сила, которая не действует

как причина» (GA 100).

→ *Ver-Hältnis*

Традиционно: «отношение».

Проблема: теряется *Halt* (держание, опора, остановка).

Наше решение: *вер-держание* (дефис обязателен). Это отношение, которое не связывает готовые термины, а само учреждает пространство встречи, удерживая противоположности без их снятия.

→ *Fuge*

Традиционно: «фуга», «шов», «сочленение».

Проблема: музыкальный жанр (фуга) совершенно неуместен; «шов» предполагает предварительное разделение.

Наше решение: *снай* (как столярное соединение, где различные части пригнаны друг к другу без остатка, не теряя своей самости).

→ *Ent-sagen*

Традиционно: «отказываться».

Проблема: негативное значение.

Наше решение: *от-сказывать* — сказание, которое отказывается от пропозиционального высказывания, но не от речи; более строгая форма сказания.

Важно: в нашем Путеводителе эти термины **не унифицируются** искусственно. Напротив, мы показываем, как одно и то же слово может менять написание в зависимости от того, идёт ли речь о событийном или метафизическом смысле.

→ *Freyheit* (с у) — свобода как свойство самого события, спай.

→ *Freiheit* (с еі) — метафизическая свобода воли, свойство субъекта.

4. О структуре тома 28.

Книга построена как **двучастный** путеводитель, соответствующий двум томам GA.

Часть I: GA 99 — «Четыре тетради I–II» (1947–1950)

Центральные темы:

запустение (*Verwahrlosung*) как форма забвения в эпоху техники;

вещь (*Ding*) как событийное средоточие, отличное от предмета;

мир (*Welt*) как четверица (*Geviert*) земли, неба, смертных и божественных;

со-бытие (*Ereignis*) и пра-весь (*Urkunde*) языка;

мостики (*Steg*) как *Singularetantum* — единственный переход через бездну;

критика ветхозаветного монотеизма как структуры тирании;

различение *Handeln* (невидимое действовање) и *Tun* (видимое деяние, подлежащее моральной оценке).

Часть II: GA 100 — «Бдения I–II. Ноктюрно I» (1952–1957).

Ключевые блоки:

критика эпохи постава (*Ge-Stell*) как способа раскрытия истины, при котором всё сущее предстаёт как запас (*Bestand*);

фундаментальное различие: представляющее мышление (Vor-stellen) → от-сказывающее мышление (Ent-sagen);
понятия: спай (Fuge), раскованность (Gelassenheit), последний Бог (der letzte Gott), смерть как «гора-утаение бытия» (Gebirg des Seyns);

размышления о Сезанне (гора Сент-Виктуар как символ преодоления-превращения забытости различия);

атомный век и запуск спутника как знак того, что земля «окружена поставом».

Каждая часть снабжена **тематическими указателями**, составленными на основе авторских Stichwortverzeichnisse, но с аналитическими комментариями и отсылками к дискуссионным аспектам.

5. О статусе «Чёрных тетрадей» и их жанре.

GA 99–100 — часть обширного корпуса из 34 «Чёрных тетрадей», создававшихся с октября 1931 до начала 1970-х годов. Жанровое разнообразие этого корпуса показательное: «Размышления» (Überlegungen) — более аналитические; «Примечания» (Anmerkungen) — фрагментарные; «Бдения» (Vigiliae) и «Ноктюрно» (Notturmo) — с оттенком ночной сосредоточенности; «Знаки» (Winke) — намёчные и не прямые; «Предварительное» (Vorläufiges) — сознательно незавершённое.

Каждое заглавие задаёт определённую тональность. «Vigiliae» — бдения перед праздником, время ожидания и сокрытия. «Notturmo» — ночная музыка, мышление, обращённое к тому, что не выносимо при дневном свете публичности.

Хайдеггер сам составил указатели для большинства тетрадей (исключая «Размышления XV»). Это означает, что он рассматривал эти записи не как случайные наброски, а как связное целое, требующее инструментов навигации. Указатели являются частью текста, а не внешним дополнением — они превращают чтение в лабиринт, где каждая отсылка ве-

дѣт в новыѣ лабиринт.

6. Для кого этот путеводитель?

Том адресован не только специалистам по феноменологии и герменевтике, но и тем, кто впервые сталкивается с поздним Хайдеггером и «Чёрными тетрадами». Мы исходим из того, что **понимание здесь не равно информации**. Путеводитель не даёт готовых ответов на вопрос «что хотел сказать автор?», а скорее вводит в те *событийные операторы* (разрывы, умолчания, обратную нумерацию, дефисы, графические элементы), без которых GA 99–100 остаются глухими.

Как пишет сам Хайдеггер в GA 99:

«Четыре тетради суть гранит не-сказанного. Полевой путь — его язык».

Настоящая книга — попытка сделать этот «полевой путь» проходимым, не превращая его в асфальтированное шоссе метафизической терминологии. Путеводитель не заменяет хождения; он лишь указывает на тропы, которые каждый должен пройти сам — или не пройти.

7. Замечание о переводческой стратегии.

В отличие от всех существующих переводов «Чёрных тетрадей» на европейские языки (английский, французский, итальянский), мы сознательно сохраняем:

→ **дефисные написания** — *Un-ter-Schied, Ver-Hältnis, Ent-sagen, Her-vor-rufen*;

→ **архаичные формы** — *Seyn, Seyt, Freyheit, Wahrnis*;

→ **графические отсылки** — *V.-H., W., Sst, U.* (не-сказанное).

Это не филологическое кокетство и не дань оригиналу. Дефис останавливает автоматическое чтение, заставляя *слышать* этимологические слои, которые в гладком переводе исчезают без следа. Русский язык, в отличие от английского или французского, допускает подобную дефисацию без грамматического насилия.

Однако мы отдаём себе отчёт в том, что любая реконструкция, которая не учитывает несемантических операторов (зачёркиваний, нажима пера, цвета карандаша, расположения текста на странице), остаётся слепой к главному — к тому, что Хайдеггер называет «сказанием различия»

как событию, а не информации. Поэтому данный путеводитель предлагается не как окончательная интерпретация, а как приглашение к собственному в-хождению.

Путь остаётся в пути. Путеводитель не заменяет хождения.

Аналитическая реконструкция содержания тома 99: скрытые особенности и дискуссионные аспекты.

0. Вводное замечание о методе реконструкции

Том 99 не поддаётся линейному пересказу. Его содержание не столько «излагается», сколько **совершается** в пространстве письма, где смысл порождается не только тем, *что* сказано, но и тем, *как* это сказано: разрывами, умолчаниями, обратной нумерацией, графическими элементами и самодельными указателями. Поэтому любая реконструкция, которая не учитывает этих **несемантических операторов**, остаётся слепой к главному — к тому, что автор называет «сказанием различия» как событию, а не информации.

I. Жанрово-архитектоническая специфика.

1. Обратная нумерация как событийный жест

«IV – I» – это не просто техническая странность. В обычном тексте нумерация ведёт от основания к выводам, от причины к следствию, от начала к концу. Обратный порядок в стихотворении «Vier Hefte» (IV. Мир, III. Зерно, II. Боль, I. Свет) имитирует эсхатологический разворот времени, где конец (просвет забвения) оказывается тем, к чему всё время шли, но что никогда не было «впереди» в хронологическом смысле.

Это не ход мысли от основания к выводам, а **в-хождение (Einkehr)**: читатель не движется от посылок к заключению, а погружается в мир, чтобы затем, через боль и томление света, оказаться у робкого ожидания просвета. Обратная нумерация, таким образом, является **двигательной инструкцией**: мыслить нужно не поступательно, а возвратно, входя в то, что всегда уже было близко, но оставалось не-броским.

Дискуссионный аспект: Не является ли эта обратность **насильственной** по отношению к читателю, привыкшему к

линейному аргументу? Возможно, автор сознательно создаёт барьер, чтобы отсеять тех, кто ищет «информацию», и оставить только тех, кто готов к событийному в-ходу.

2. Параграфы, зачёркивания, графические элементы, отточия, обрывы как семантические операторы.

В издании эти элементы воспроизводятся по возможности точно. Они не случайны и не являются дефектами рукописи. Это **семантические операторы** (термин, который можно ввести для анализа «Чёрных тетрадей»): знаки, которые не несут содержания, но **модифицируют способ присутствия содержания**.

Зачёркивания – не исправление ошибки, а жест уязвления (*Verwindung*): слово или фраза не отменяется, а проводится через уязвление, оставляя след.

Отточия («...») – не указание на пропуск, а **визуализация молчания**: пауза, в которой не-сказанное приходит к своему слову.

Обрывы (прерванные строки) – имитация разрыва (*Riß*), который не есть ошибка, а есть само существо различия.

Графические элементы (стрелки, линии, рамки) – не украшения, а **топографические метки**: они показывают не последовательность, а соседство (*Nachbarschaft*) поня-

тий, их игру-зеркала.

Дискуссионный аспект: Воспроизводя эти элементы в печатном издании, издатель берёт на себя ответственность за их интерпретацию. Но не является ли это **превращением события в факсимиле**? Возможно, подлинное чтение должно было бы происходить с оригиналом, где чернила, нажим, цвет карандаша тоже имеют значение.

3. Самодельные указатели как герменевтический лабиринт.

Автор составил указатели для большинства «Чёрных тетрадей» (исключая «Размышления XV»). Это **не просто справочный аппарат, а герменевтический жест**: автор возвращается к собственным записям, часто спустя годы, и создаёт инструмент навигации. Но указатели не упрощают доступ, а **усложняют его**, потому что:

они отсылают не к «темам», а к **событийным узлам** (например, «Забвение различия» отсылает на десятки страниц, где это понятие не разъясняется, а варьируется);

они составлены **самим автором**, то есть являются частью текста, а не внешним дополнением;

они превращают чтение в **лабиринт**: чтобы понять одно место, нужно пройти по всем отсылкам, но каждая отсылка ведёт в новый лабиринт.

Дискуссионный аспект: Не является ли это **мистификацией** – созданием ложной глубины? Или, напротив, это **акт честности**: автор показывает, что его мысль не может быть схвачена в линейном изложении, только в кружении по следам.

II. Язык, сказание, собеседование, тишина (дополнение скрытых особенностей).

4. Глагольное vs. именовое как событийная грамматика

Автор утверждает, что язык должен стать «более глагольным», а именовое (существительные) есть «окаменения», которые должны расплавиться. Это не призыв писать одними глаголами, а **онтологическая грамматика**:

Именовое фиксирует сущее как предмет, оно *окаменывает* событие.

Глагольное указывает на длящееся присутствие, на время-пребывание.

В этом смысле такие неологизмы, как *weltet* (мир-ует), *dingt* (вещевает), *stillt* (тишит), являются не поэтическими вольностями, а **грамматическим событием**: они превращают имена обратно в действия.

Дискуссионный аспект: Работает ли это в немецком языке, но теряется ли в переводах? В русском, например, «мир-ует» звучит архаично и может быть воспринято как

стилизация, а не как философский термин. Это ставит вопрос о **принципиальной непереводимости** таких текстов.

III. Событие, рас-своение, кротость (дополнение скрытых особенностей).

5. Приставка *er-* как событийный морфологизм

Серия глаголов: *er-äugen* (о-зирать), *er-blicken* (о-зирать), *er-lichten* (про-светлять), *er-eignen* (со-бывать), *er-blitzen* (вспыхивать). Приставка *er-* в немецком часто означает **достижение состояния**, завершение действия. Автор использует её не грамматически, а **событийно**: эти глаголы обозначают не действия субъекта, а свершения события, в котором субъект оказывается уже захвачен.

Дискуссионный аспект: Не является ли это **тайной феноменологией**? Гуссерлевское «er-fahren» (опыт-овать) тоже содержит *er-*. Но автор дистанцируется от феноменологии: событие не есть интенциональный акт.

IV. Вторая тетрадь: мостки, измерение, про- хождение (дополнение).

6. Steg (мостки) как Singularetantum и уязвление истории

Раньше автор употреблял *Stege* во множественном числе (для обозначения разных путей). Теперь — только **единственное число**, причём как **Singularetantum** (слово, имеющее только единственное число). Это означает, что мостки **единственны**. Не существует множества мостков; есть только один переход через бездну.

Одновременно автор признаёт, что все прежние попытки (включая «Вклады») были **рецидивами метафизики**. Даже полемика с Гёльдерлином теперь оставлена. Мостки — это место, где **собственное забывание забвения** сказывается. Искусство (рисунок Вольфа Хубера) здесь не иллюстрация, а **со-бытийствование**: мысль приходит из рисунка, а не из философской традиции.

Дискуссионный аспект: Не является ли это **апелляцией к авторитету искусства**? Не подменяет ли автор фило-

софскую аргументацию эстетическим откровением?

V. Отношение, после-мышление, ремесло (дополнение).

7. Handeln vs. Tun: невидимое действие

Tun (деяние) – видимое, производящее эффекты, подлежащее моральной и политической оценке. Это сфера техники, махинации, публичности.

Handeln (действие) – невидимое, не имеющее последствий в горизонте махинации. Оно готовит **со-обитание мира**, но никогда не может быть представлено как «поступок».

Мышление как ремесло (Handwerk) есть такое действие: оно идёт событию **под-руку** (an die Hand). Рука здесь — не метафора, а **событийный орган**: не человек владеет рукой, а рука принадлежит событию.

Дискуссионный аспект: Не приводит ли это к **парадоксу отсутствия ответственности**? Если мышление не имеет воздействия, то можно ли его оправдать перед лицом исторических катастроф? Автор, вероятно, ответил бы: ответственность есть категория деяния (Tun), а не действия (Handeln).

VI. Забвение, λήθη, не- продуманное, alétheia (дополнение).

8. Мать Λήθη и подавленная генеалогия истины

Автор вводит мифологему: **Λήθη** (забвение) есть мать **Ἀλήθεια** (несокрытости). Alétheia *забывает* свою мать — это её существо. Это радикальный разрыв с платоновской традицией, где истина понимается как припоминание (anamnesis) забытого.

Здесь истина не припоминает, а **забывает источник**. Это не трагедия, а **необходимость**: если бы alétheia помнила о своей матери, она не могла бы быть несокрытостью.

Дискуссионный аспект: Не является ли это **формой гносеологического пессимизма**? Истина не может знать своего происхождения. Но это не пессимизм, а **смирение перед событием**.

VII. Техника, о-стов, махинация, психотехника (дополнение).

9. Психотехника как завершение антропологии

Автор утверждает, что в о-стове человеческое присутствующее становится **состоянием (Zustand)**. Психология превращается в психотехнику — науку управления состояниями. Это **техническое завершение антропологии**: человек перестаёт быть субъектом и становится ресурсом среди ресурсов.

Дискуссионный аспект: Предвосхищает ли автор современные дискуссии о «нейроуправлении», «биополитике», «человеке как капитале»? Возможно, да, но без понятийного аппарата этих дискурсов.

VIII. Политическая и теологическая провокации (дополнение).

10. Критика ветхозаветного монотеизма как прообраза диктатуры

Это не случайный выпад, а **событийный диагноз**: структура «единственный бог, не терпящий других богов» есть структура **тирании**. Неважно, идёт ли речь о Яхве, о диктаторе или о философском абсолюте — это одна и та же событийная форма.

Автор не называет имён, но «вклад в теологию Ветхого Завета» звучит как **один из самых радикальных текстов о монотеизме в XX веке**.

Дискуссионный аспект: Почему автор не опубликовал это при жизни? Возможно, из-за риска быть понятым как антисемит (хотя критика направлена на структуру власти, а не на этнос). Или из-за того, что сам считал эту мысль ещё не-продуманной.

IX. Общий итог: скрытая структура тома 99.

Том 99 можно понять как **спираль обратного времени**:

Внешний слой – обратная нумерация (IV → I), которая ведёт от мира к просвету.

Средний слой – отточия, обрывы, графические элементы, которые **моделируют разрыв**.

Внутренний слой – указатели, которые замыкают текст в **лабиринт самоссылок**.

Главный философский вывод: **истина не даётся в ясности, а робко ждёт просвета**, который никогда не наступает как событие, но всегда уже случился как забвение.

Главный языковой вывод: **философия не может быть написана**; она может быть только **на-писана (in-schrift)** – оставлена как след, по которому нужно идти, не достигая цели.

Главный спорный вопрос: **можно ли после этого вообще что-либо публиковать?** Автор публикует, но публикует как «не-публикацию» (надпись, а не книгу). Это парадокс, который делает «Четыре тетради» одним из самых самознательных текстов о пределах философского письма.

GA 99: Anmerkungen XVI–XX (Schwarze Hefte) – Замечания XVI–XX (Чёрные тетради).

Четыре тетради I
[1947].

Происхождение из обычая и ремесло в мышлении, и возвращение/вхождение в мир

Но ясность возникает только в момент победы. (Кёрнер — Шиллеру, 25 апреля 1797 г.)

Как часто, однако, победитель становится слеп и упёрт?

О сказании (*Sage*) обычая (*Brauch*)

Сказание обычая как мышление в ином стиле.

Сказание (*Sage*) — это не передача информации и не поэтическое повествование, а событийный способ явления языка, в котором впервые обретает голос то, что обычно остаётся сокрытым. В контексте позднего мышления речь идёт о переходе от метафизического представления к мышлению, которое не оперирует причинами и основаниями, а внимает самой «сути дела» (*Sache*). Такое мышление требует иного стиля — не аргументативного, не диалектического, а удерживающегося в несказанном.

«Обычай» (*Brauch*) есть прежде-имя различия (*Unterschied*).

Это имя не следует понимать в обиходном смысле привычки или обыкновения. Здесь «обычай» означает то, что «пользует» (*brauchen*) и «при-надлежит» к существу языка, направляя его в несокрытость мира. Как прежде-имя различия, он указывает на то различие, которое не есть ни логическая дистинкция, ни онтологическая дифференция между сущим и бытием, а есть исходное рас-своение (*Enteignis*) и событие мира.

Сказание со-бытийствует собеседованию различия.

Er-eignis — событие-присвоение, в котором сущее и бытие не просто соотносятся, а обретают своё исконное «собственное» (*Eigenes*). Сказание не создаёт собеседование как нечто внешнее; оно со-бытийствует ему, то есть даёт ему свершиться в пространстве языка. Собеседование различия — это не беседа лиц, а то «между», где различие говорит само.

Собеседование есть обыч-ающее собрание языка, к которому приходит не-сказанное, чтобы в нём оставаться не-сказанным.

Ungesprochene — не то, что ещё не высказано, а то, что по своему существу не может быть переведено в однозначное высказывание. Не-сказанное не есть недостаток речи; напротив, оно есть её скрытое изобилие. Собрание языка не исчерпывается произнесённым; оно включает в себя молчание, умолчание и то, что остаётся на грани произносимости.

Того самого языка, к которому приходит обычай, избегает со-бытие.

Здесь обнаруживается парадоксальное отношение: то, что делает язык возможным как событие, одновременно ускользает от него. Со-бытие не становится предметом языка, но именно благодаря этому ускользанию язык сохраняет свою свободу. Иначе говоря: событие не подлежит тематизации,

но всякая подлинная речь уже происходит в его горизонте.
Язык внутри сущего всегда сохраняет характер средства.

В горизонте метафизики язык понимается как орудие коммуникации, как медиум передачи мыслей. Здесь уже господствует присутствие представления как цель говорения. Под *Gegenwärtigung* подразумевается то, что заставляет отсутствующее стать присутствующим в акте представления — например, когда мы говорим о столе, мы «имеем его в виду» как присутствующий образ. Представление задаёт цель: сделать не-наличное наличным. Присутствие покоится в напоре присутствующего — в той настойчивости, с какой вещи и факты выдвигаются в поле внимания. Присутствующее же противится со-бытию смерти. Смерть здесь мыслится не как биологический конец, а как событие, которое не может быть представлено; она выламывается из присутствования и потому исключается языком, ориентированным на наличное.

Собеседование есть начальное собрание со-бытия.

Начальное — то, что не выводится из чего-либо иного и не является результатом развития. Собрание (*Versammlung*) — центральный жест мышления, противоположный аналитическому рассеянию. Собеседование не добавляется к со-бытию извне; оно есть способ, каким со-бытие изначально собирает себя в языке.

Собеседование воз-страиивает существо языка в местность мира.

Ortschaft — не географическое место, а смысловое то-пос, в котором мир становится событийно присутствующим. Язык не просто отражает мир, но возводит его существо в некую «местность», где оно может обитать.

Говорение друг с другом мыслящих говорит из собеседования.

Это ключевой поворот: даже диалог философов — не исходное явление. Исходно — само собеседование языка и различия. Мыслящие могут лишь вторично черпать из него. Собеседование не состоит в том говорении, которое осуществляют люди; напротив, человеческое говорение есть лишь осколок или след этого более изначального собеседования.

Собеседование как язык обычая есть властвующее послание со-бытия в его рас-своении.

Geschick — не судьба в фаталистическом смысле, но то, что посылается событием в историческое бытие человека. *Enteignen* — процесс, посредством которого нечто перестаёт быть «своим» в смысле собственности субъекта и возвращается в свободное пространство события. Собеседование не просто говорит о рас-своении; оно само есть способ, каким рас-своение осуществляется.

Собеседование есть между, внутри которого мыслящие, говоря друг к другу, совершают сказание.

Zwischen — не пустота между субъектами, а событийная середина, которая одна только и делает возможным подлинное касание мысли к мысли. В этом между сказание не производится мыслящими, а совершается через них. В данном пункте автор (Хайдеггер) эксплицитно фиксирует решение: собеседование не является ни формой, ни содержанием человеческой речи, но тем измерением, в котором речь только и может стать событийной.

Сказание о собеседовании

Сказание следует за собеседованием и так хранит язык, к которому оно приходит.

Исходное отношение здесь обратно привычному: не собеседование возникает из сказания как его продукт, но сказание вторично — оно следует, отвечает, откликается. Хранение (*wahren*) — не пассивное сохранение, а деятельное блюдение, позволяющее языку оставаться тем, что он есть. Язык, о котором идёт речь, не совпадает с системой знаков; это язык как событие мира, куда «приходит» само сказание.

Сказание оставляет позади собеседование и укрывается в языке, которого собеседование избегает.

Этот парадокс описывает круговое отношение: сказание происходит из собеседования, но чтобы быть подлинным, оно должно оставить собеседование позади как нечто уже свершившееся. Укрытие (*sich bergen*) — не бегство, а способ пребывания в истоке. Собеседование «избегает» того языка, в который укрывается сказание, потому что собеседование всегда ещё держится в стихии обмена и ответа, тогда как язык тишины не терпит такой двойственности.

Вымышленное и записанное собеседование служит формой, чтобы представить живость совместного говорения.

Когда философ создаёт диалог как литературный жанр (от Платона до современных форм), он стремится показать не столько содержание, сколько саму динамику мысли. Такое говорение простирается от поверхностной болтовни (*Gerede*) — где слова лишь проносятся мимо — до обязательного объяснения и «освобождения себя для решений». В последнем случае язык перестаёт быть описанием и становится поступком. Здесь совершается важный поворот: даже самое глубокое записанное собеседование остаётся формой, а не существом дела; оно представляет (*darstellen*) живость, но не есть она сама.

Сказание собеседования есть сказание, которое говорит в между обычая как существо языка, рас-сваивающее округ со-бытия.

Zwischen (между) — не промежуток, требующий заполнения, а событийная середина, где только и возможно подлинное говорение. Обычай здесь — не привычка, а то, что «пользует» язык, направляя его в несокрытость. Существо языка (*Wesen der Sprache*) не есть некая скрытая сущность за наличными высказываниями; оно проявляется именно как это рас-сваивающее (*enteignend*) действие. Рас-сваивая округ со-бытия (*Bezirk des Er-eignisses*), язык лишает событие статуса владения или предмета и возвращает его в свободное пространство.

Существо собеседования есть тишина мира.

Stille — не отсутствие звука и не психологическое молчание. Тишина есть событийный покой, в котором мир не представлен, а присутствует как самодостаточное свершение. Всякое подлинное собеседование, если оно достигает своей цели, приводит не к шуму мнений, а к этой тишине. Мир здесь — не сумма сущего и не космос, но четырёхчастное (*Geviert*) неба, земли, смертных и божественных, собранное в языке. Тишина мира есть то, что даёт собеседованию быть, а не только происходить.

Мир есть раз-личная середина различия.

Unter-schiedliche Mitte — средоточие, которое само удерживает различие, не снимая его. В диалектике середина часто примиряет противоположности; здесь же она, напротив, держит их в различии. Мир не есть нечто нейтральное, лежащее «между» сущим и бытием; он есть само событие их различения.

Полевой путь

Полевой путь — не вымышленное собеседование, а язык мышления: послание внезапности поворота.

В данном пункте автор эксплицитно вводит центральную метафору позднего периода. *Feldweg* — не литературный жанр и не аллегория; это образ того, как мысль движется, не прокладывая заранее известной дороги. Внезапность (*Jähe*) означает, что поворот (*Kehre*) — переход от забвения бытия к событию различия — совершается не постепенно и не в результате накопления знаний, а единым, невыводимым образом. *Послание* (*Geschick*) указывает на то, что этот поворот не производится человеком, а посылается ему событием.

Путь в свободное внезапности поворота.

Freie — свободное не как произвол, а как открытое пространство, где ничто не навязывается, где удерживание (*Schonen*) и высвобождение идут вместе. Войти в это свободное — значит перестать искать причины и основания и научиться пребывать в том, что само себя дарит.

Собеседование есть собрание со-бытийствующего собрания рас-сваивающего обычая в мир-ующий различие.

Ereignenden Sammlung — собрание, которое не объеди-

няет разрозненные элементы по заранее заданному правилу, но само со-бытийствует с тем, что собирает. Мир-ующий (*weltend*) — глагольная форма, означающая, что мир не есть неподвижная структура, а действие, событие. Различие здесь начинает звучать как динамическое рас-сечение и вместе с тем связывание.

Собеседование в смысле полевого пути — не форма говорения. Оно есть со-бытие мирского существа языка.

Это решительное размежевание с любой формальной или риторической трактовкой. Собеседование не есть способ что-то сказать; оно есть то, что делает язык событийным. Послание со-бытия говорит само — человек лишь внимает ему, если ему это удаётся.

Всё историческое отпало.

Historische — не история как событийный процесс, а историография как способ представления прошлого через причины, следствия и нарративы. Когда говорит само послание со-бытия, нужда в таком представлении исчезает. Остаётся только то, что было, но как присутствующее, а не как факт.

В собеседовании говорит дело. Оно есть спор раз-личия.

Sache — не предмет исследования, а то, что само себя ставит на обсуждение. Спор (*Streit*) не есть конфликт, требующий разрешения; он есть изначальная напряжённость, в ко-

торой только и может проявиться различие. Без спора различие остаётся плоской дистинкцией; со спором оно становится событием.

Мыслящие собеседования приносят то, что грядёт: прибытие рас-своения; мир: поворот забвения различия.

Ankunft — прибытие, которое не планируется и не вычисляется. Мыслящие не производят будущее; они приносят его как то, что уже идёт к ним навстречу. Рас-своение (*Enteignis*) есть обратная сторона события-присвоения (*Er-eignis*): не владеть миром, но быть отпущенным в него. Мир как поворот забвения — здесь, в заключительном тезисе, автор фиксирует радикальное решение: мир не противостоит забвению, а есть сам поворот, которым забвение оборачивается своей противоположностью. Забвение различия не есть потеря, которая когда-то будет восполнена; оно есть способ бытия мира, его изначальная тишина.

Четыре тетради (v. Н.)

Четыре тетради — это гранит не-сказанного. Полевой путь — его язык.

Vier Hefte — не просто сборник заметок и не черновик для будущих публикаций. Здесь автор вводит жанровое самоопределение: «гранит» (*Granit*) указывает на твёрдость, неподатливость, устойчивость к выветриванию времени. Не-сказанное (*Ungesprochene*) обретает в этих тетрадях не пластичную, а кристаллическую форму — форму, которая сопротивляется произвольному пересказу и интерпретации. Полевой путь как язык этого гранита означает, что само движение мысли (путь) и есть то, что говорит, а не содержание, которое можно было бы извлечь и перенести в иную среду.

Не-сказанное сберегает своё обыч-ающее собрание. Оно остаётся и в таком пребывании становится не-предписанным.

Sparen — сберегать не как утаивать, а как бережно откладывать, оставлять в запасе. Обыч-ающее собрание (*brauchende Versammlung*) есть способ, которым не-сказанное само себя собирает, не нуждаясь во внешнем порядке. Пребывание (*Bleiben*) здесь не есть статическое нахождение; оно есть дящееся событие. Не-предписанное (*Unbefohlene*)

— то, что не дано в виде приказа, инструкции или доктрины; его нельзя ни исполнить, ни нарушить, потому что оно не предъясняется как требование.

Сказание обычая есть послушание не-предписанному.

В этом тезисе совершается решительный поворот: послушание (*Gehorsam*) не есть подчинение внешней власти. Оно есть внимательное вслушивание в то, что никогда не приказывает. Сказание обычая — не свободное творчество, но и не рабское следование. Оно есть точное, благодарное движение мысли в том пространстве, где нет предписаний, но есть не-предписанный порядок.

В не-предписанном существо воли уязвлено.

Verwunden — уязвлено, ущемлено, но также и «излечено» (по игре слов с *verwunden* — ранить, и *verwinden* — преодолеть, перебороть). Воля, понимаемая метафизически как стремление к господству и полаганию, здесь теряет свою власть. Она не уничтожена, но ранена — то есть выведена из своего всевластного состояния. Автор фиксирует здесь решение: мышление после поворота не заменяет волю чем-то другим, но даёт ей уязвление, которое и есть её исцеление от самой себя.

Не-предписанное есть тайна забвения различия.

Ratsal — не загадка, которую можно разгадать, и не ми-

стерия, в которую посвящают. Это тайна, которая остаётся тайной и при раскрытии. Забвение различия не есть простая потеря памяти; оно само событийно. Тайна забвения в том, что оно не устраняется знанием, но может быть только удержано в не-предписанном.

Имя «обычай» хранит мышлению, что оно в со-бытии мыслит рас-своение.

Имя не описывает, а хранит: оно даёт мышлению ориентир, не превращаясь в термин. Когда сказано «обычай», мышление уже предохранено от соблазна понимать со-бытие (*Er-eignis*) как нечто присваивающее, обретающее собственность. Напротив, со-бытие мыслится как рас-своение (*Enteignis*) — отпускание, потеря того, что казалось «своим».

О предпологании (*Vermuten*)

Что есть предпологание? Собира́ть в расположе́ние не-броское.

Vermuten здесь не имеет ничего общего с гипотетическим суждением, которое могло бы быть подтверждено или опровергнуто в будущем. Скорее, это изначальная форма мысли, которая не ждёт фактов. *Muot* — древневерхненемецкое слово, означающее «мужество», «настроенность», «расположение духа». В отличие от обыденного психологического настроения, здесь расположение есть то, что собирает мысль в её сосредоточенности на сокровенном. Не-броское (*Unscheinbare*) — то, что не бросается в глаза, не выделяется, не стремится к эффекту. В обычной познавательной установке мы ищем яркое, значительное, бросающееся в вызов; предпологание же обращается к тому, что всегда уже есть, но остаётся незамеченным именно из-за своей простоты и близости.

Сияние не-броского сродни тихому свету различия.

Unter-Schied — написание через дефис призвано подчеркнуть не только отделение, но и то между, которое соединяет, рассекая. Тихий свет — не ослепляющая вспышка очевидности, а мягкое свечение, которое не отменяет тьму, но поз-

воляет различить очертания. Не-броское не сияет само по себе; оно становится видимым только в этом свете различия. Автор здесь совершает поворот: свет не противопоставлен тьме, но свет различия включает в себя и тьму как условие всякого проявления.

Предположение постоянно отрешается от всякой находки и всё же никогда не впадает в пустое сомнение.

Находка (*Fund*) — результат целенаправленного поиска, тот предмет, который можно предъявить и зафиксировать. Предположение отказывается от такого обладания, потому что то, к чему оно стремится, не может быть найдено как вещь среди вещей. Но это отрешение не ведёт к радикальному сомнению по образцу Декарта, где всё поставлено под вопрос в поисках несомненной опоры. Пустое сомнение остаётся в пределах того же самого — оно всё ещё хочет найти опору, просто пока не нашёл. Предположение же с самого начала движется иначе.

Оно предполагает: копает руду охранения События — извлекает на свет.

mutet — от *mutare* (менять) или от *sich vermuten* (осмеливаться). Здесь обыгрывается связь с добычей полезных ископаемых. Руда — не готовый продукт, не чистое золото; она требует усилия, обработки, терпения. Охранение (*Wahrnis*) — не пассивное сохранение, а деятельное блюение истины

события. *Seyn* — написание, указывающее на событийное, не-метафизическое понимание бытия как различия. Предполагающий извлекает на свет не «факты» о событии, но само событие в его сокрытости, которое никогда не может стать полностью явным, но может быть выведено из чистой потаённости.

Предположение внимает пра-вести События: это и есть посылающий язык.

Ur-Kunde — пра-весть, исходное свидетельство, которое не подтверждается ничем внешним, ибо само есть первое и последнее основание. Внимать (*wahr-nehmen*) — буквально «принимать за истинное», но не в смысле согласия с утверждением, а в смысле вступления в отношение. Посылающий язык (*geschickliche Sprache*) — язык, который не производится субъектом, а посылается событием. Человек не говорит на этом языке; он внимает ему и, внимая, становится говорящим.

В предположении охранение События очевидно. Оно есть его весть, не нуждающаяся в свидетелях.

Offenkundig — очевидно, явно, не требует доказательств. Эта очевидность, однако, не есть очевидность математической истины или чувственно данного факта. Это та очевидность, которая даёт себя знать только в акте предположения и нигде более. Свидетели нужны там, где есть сомнение и

спор; здесь же весть события говорит сама за себя, и тот, кто её слышит, не может и не должен её кому-то передавать как доказательство. Автор фиксирует здесь решение: предположение выводит мысль из юрисдикции публичной верификации и возвращает её в её собственное, одинокое и вместе с тем всеобщее пространство.

Сбытие (Seyt) / Событие (Seyn).

Сбытие: уязвление не-продуманной, потому что забытой, дифференции в со-бытие различия.

Проводится важное различие написаний. *Seyn* — событие бытия, понятого не метафизически, а из поворота. *Seyt* (вариант *Scyt*) — событие, то, что совершается, но не как процесс, а как единичное, внезапное свершение. *Verwindung* — уязвление, но также преодоление-через-уязвление: не отбрасывание забвения, а его исцеляющее ранение. *Differenz* (онтологическая дифференция между сущим и бытием) была забыта не случайно — забвение принадлежит её существу. Со-бытие (*Ereignis*) различия есть то, во что эта дифференция уязвлено переходит, теряя свою жесткую разделительность.

Различие определяется не из дифференции, а из со-бытия мира.

Дифференция — это инструмент метафизики, различие же есть событийное поле, где мир себя являет. Дифференция становится опытно постижима в своём существе как забвение только из со-бытия, т.е. из отказа (*Verweigerung*). Отказ — не простое отсутствие, а активное утаивание, которое позволяет явлению быть. Различие мыслимо только из разли-

чия (*Unter-Schied*), где дефис указывает на рассекающее-собирающее между. Различие есть рас-своение (*Enteignis*) в не-сказанное мира: мир не присваивается языку, но отпускается в свою безмолвную событийность.

Дифференция принадлежит к $\delta\upsilon$ (сущему) и его двусмысленности.

В греческом начале $\delta\upsilon$ означает и присутствующее, и присутствие как таковое. Эта двусмысленность — не недостаток, а изначальное богатство. Однако метафизика использует эту двусмысленность и тем самым упраздняет её в онто-теологии — учении, которое сводит бытие либо к высшему сущему (Богу), либо к общему признаку всех сущих. Автор фиксирует здесь решение: дифференция становится соблазнительным знаком (*verfängliches Zeichen*) забвения различия; она манит мысль, но уводит от подлинной задачи.

Малое, широкое, редкое, терпкое, не-броское: вещь.

Перечисление определяет не свойства вещи среди других свойств, а саму событийность вещного бытия. *Ding* — не предмет, противостоящий субъекту, и не атомарная единица. Вещь есть то, что собирает мир в единичное присутствие. Охранение (*Wahrnis*) События — активное блюдение, которое не сохраняет неизменным, но удерживает в событийной открытости. Сбытие: поворот забвения различия. Поворот не отменяет забвение, но обращает его, так что забвение начинает светить своим собственным, тёмным светом.

О внезапности поворота.

В повороте впервые и только совершается в-хождение мира.

Kehre — не смена направления в уже существующем пути, а само установление пути как такового. *Ein-kehr* — вхождение, но также возвращение домой. Мир не есть нечто, в которое входят; мир есть само это событие вхождения. Поворот и вхождение — одно.

Время-пребывание близости.

Weile — не хронологическая длительность, а то время, которое дарит себя, когда его не исчисляют. Близость (*Nähe*) — не малое расстояние, а то, что даёт расстоянию быть расстоянием. Время-пребывание есть способ, которым близость длится.

Мир. Со-бытие различия. Послание тишины слова.

Три слова, разделённые точками, не перечисляют разные вещи, но называют одно и то же с разных сторон. Послание (*Geschick*) — то, что не производится, а приходит. Тишина слова — не беззвучие, а то, благодаря чему звук может быть слышим как звук.

Предполагать различие в рас-своение.

Предполагать мир к языку. Пред-полагать расположение для Сбытия.

zu-muten — пред-полагать, требовать, притязать. Расположение (*Gemüt*) — не эмоция, а настроенность мысли, её способность быть тронутой событием. Пред-полагание есть принесение расположения в дар событию, а не извлечение из него.

Язык есть пра-весть мира.

Ur-Kunde — то, что свидетельствует из первого истока, не нуждаясь в подтверждении. Язык не сообщает о мире; он есть само свидетельство мира о себе.

Пра-весть: 1) со-бытийствующее, про-светляющее сбережение различия; 2) свидетельствующее охранение.

Про-светляющее (*lichtende*) — не создающее свет из тьмы, а открывающее просвет, в котором нечто может появиться. Сбережение (*Bergung*) — спасение, укрытие, сохранение. Первый аспект: событие собирает различие в просвет. Второй: оно свидетельствует о себе как об охранении.

Мышление: сведущность пра-вести.

Kundschaft — не абстрактное знание о, а интимное знакомство с, способность ориентироваться в том, что само себя не раскрывает полностью.

Мышление: сказание различия.

Сказание не высказывает суждения о различии; оно даёт различию голос, оставаясь само в тени.

Сказывать: приносить к языку мир, который приходит к нему.

Мир не создаётся языком; мир приходит к языку, и сказывание есть не творение, а услужение этому приходу.

Мышление: настраивать на мир. Настраивать в щажение. Настраивать: давать слышать в слух тишины.

Stimmen — настраивать, как настраивают музыкальный инструмент, но также и «быть верным», «соответствовать». Щажение (*Schonung*) — не пассивное сохранение, а бережное обращение, которое не навязывает свою волю. Давать слышать (*Gelören lassen*) — не передавать информацию, а открывать слух как орган принадлежности к тишине.

Мышление: иметь-слышание: иметь в слухе тишину слова различия.

Gehörhaben — перфект от *hören*, но с префиксом *ge-*, указывающим на завершённое, ставшее состоянием. Иметь-слышание — не способность, которую можно упражнять, а дар, который либо есть, либо нет.

Сравнение: слух и зрение.

Когда мы понимаем слух и зрение как дальние чувства, то дело здесь не столько в восприятии удалённого, сколько в том, что нечто как нечто удалённо присутствует, т.е. возникло из дали близости — присутствие.

Fernsinne (Хайдеггер пишет слитно, играя с *Fernsinne*) — дальние чувства в отличие от осязания и вкуса. Обычно их ценят за способность схватывать удалённое. Здесь же совершается поворот: важна не удалённость, а само событие удаления. Близость не противоположна дали; даль возникает из близости как её модус.

«Иметь» в смысле перфекта (τέλεον — ἐντέλής).

Греческие термины указывают на завершённость, полноту, то, что дошло до своего конца. Иметь — не обладать, а быть в состоянии завершённого свершения.

Слышание мира — поворот зрения в слух.

Зрение — метафора метафизики: созерцание, эйдос, теория. Слух — метафора мышления события: внимание, послушание, ответ. Поворот — не отказ от зрения, но его превращение, так что видеть начинает означать слышать тишину.

Иметь: имущество собирания-урожая. Сведущий сведущести.

Lese — сбор винограда, урожая. Имущество не как собственность, а как накопленное знание, которое не отчуждается. Сведущий — тот, кто владеет сведущестью, но не господствует над ней.

Знание.

Знание (*vidi*, οἶδα, ὅδα) есть иметь-случившееся лик вида присутствующего.

Латинское *vidi* (я видел) и греческие формы перфекта от *horáō* указывают: знание есть результат свершившегося видения. Лик (*Angesicht*) — не субъективное восприятие, но то, что поворачивается к нам как лик. Вид (*Aussehen*) — эйдос, идея, форма. Присутствующее даёт себя знать, являя свой лик.

Иметь-случившееся: возвратившийся из зрения в смысле схватывания.

Знание не остаётся в акте зрения; оно возвращается из него, неся с собой то, что было увидено. Схватывание (*Fassens*) — не насильственное овладение, но понимающее удержание.

В повороте, со стороны человека, знание становится вспоминающим мышлением.

Здесь автор вводит новое определение: *Andenken* — вспоминающее, вспоминающее мышление. Не память о прошлом, а возвращение мысли к истоку, который никогда не был настоящим. Со стороны человека — поворот не про-

изводится человеком, но человек в нём оказывается, и тогда его знание перестаёт быть представлением и становится воспоминанием.

Близость.

Близость: приближающее приближение рас-своения различия в не-сказанное.

Nahende (приближающее) — то, что само приближается; *Nähern* (приближение) — акт приближения. Рас-своение не удаляет; оно приближает, отдаляя. Не-сказанное — цель и исток этого приближения.

Принадлежать-слухом к близости: собраны, слыша её, в её окрестность.

Gehöret — образование от *hören* с приставкой *ge-*, указывающей на собранность. Окрестность (*Gegend*) — не местность вокруг чего-то, а открытое пространство, в котором близость может быть близостью.

Окрестность: освобождающее пребывание-в-дали в различии.

Entweilen — пребывание, но с приставкой *ent-*, указывающей на удаление. Быть в окрестности — значит быть далёким, но так, что эта даль и есть способ пребывать вблизи.

Предварительное.

Предварительное есть пред-слышащее. Пред-слышащее есть близость.

Vor-Hörige — то, что принадлежит слуху заранее, до всякого актуального слушания. Близость даёт себя слышать не после, а до.

Как близость остаётся забытой в τῷ γὰρ αὐτό... (в присутствии присутствующего друг к другу).

Ссылка на неполный греческий фрагмент (возможно, имеется в виду *Парменид*, фр. 8 или *Аристотель*, *Метафизика*). Присутствие присутствующего (*Anwesen des Anwesenden*) — метафизическая схема, где одно сущее находится «при» другом. В этой схеме близость как таковая не мыслится.

Как на это «при» — совместное-прибывающего — ещё нет близости. Это «при» присутствует лишь сначала в ἀλήθεια и даже не как это.

«При» (*Bei*) — предлог, означающий совместное присутствие. *Zunächst* — сначала, поначалу. *Alétheia* (несокрываемость) — греческое слово для истины, но здесь оно указывает на более ранний, ещё не метафизический опыт. Автор

фиксирует решение: даже в самом начале западной мысли близость уже была упущена, она присутствовала только как возможность, да и то не в качестве самого «при».

Близость как собственное забвение (рас-своение в тайну).

Забвение близости не есть потеря; оно есть способ, каким близость себя осуществляет. Рас-своение в тайну (*Rat* — совет, тайна, загадка) — не затемнение, а углубление события.

Предварительное в-хождения в то же самое различия.

Selbe — то же самое, в отличие от *Gleiche* (одинаковое, однообразное). То же самое предполагает различие внутри себя; одинаковое стирает различие.

Не вечное возвращение одинакового (предельное опустошение присутствия), а внезапное в-хождение в то же самое.

Полемика с Ницше. Вечное возвращение — последняя форма метафизики, где время подчинено постоянству. Внезапность (*jäh*) — не хронологический момент, а качество события, которое не выводимо из предшествующего.

Поворот забвения различия. То же самое: мир как рас-своение в различие.

Освобождение мышления.

Освобождение мышления из представления (т.е. из метафизики и её институций: наук, искусства, культуры, историзма, техники) совершено, как только оно в качестве воспоминания в-истолено в сведущестъ пра-вести мира.

Eingelöst — в-истолено, обменено на ценность. Метафора денежного обращения: мысль как монета, которая была выпущена из обихода представлений и вложена в сведущестъ пра-вести. Освобождение не есть разрушение институций; оно есть их покидание, оставление их в их значимости, но без подчинения им.

В каком смысле мышление впервые ищет искомое? Искать: быть на следу; после-следить, про-слеживать по следу со-бытия мира. Искать: потому что забыто — но забвение оставляет след в ἀλήθεια.

Искомое (*zu-Suchende*) — то, что не дано в наличии. След — не знак, указывающий на отсутствующее, а само присутствие отсутствия. Забвение не уничтожает; оно оставляет след, по которому мысль может идти.

В мышлении События высочайшая критика (истины, не только познания, не только разума) едина с глубочайшим свидетельствованием для пра-вести События.

Критика здесь — не отрицание, а различение, установление границ. Свидетельствование — не сообщение фактов, а бытие-свидетелем того, что само себя не высказывает.

Оба остаются позади неизбежного мышления: что сообщается учение (о чём?); что человек пересоздаётся для этого учения или для других целей. Всему предшествует, что истина События взывает в существе человека.

Учение (*Lehre*) — систематическое знание, которое можно передать. Пересоздание человека — проект воспитания, политики, религии. Всему этому предшествует взывание (*anspricht*) — обращение, которое не есть приказ и не есть предложение, а есть само событие, в котором существо человека оказывается уже затронутым.

Вещь (Ding).

Вещь есть рас-сваивающее собрание мира в время-пребывающее. Золото её добротности.

Вещь не есть предмет, противостоящий субъекту, и не есть единичный носитель свойств. В данном определении автор вводит радикально иное понимание. *Enteignende Versammlung* — рас-сваивающее собрание: вещь не присваивает мир, не сводит его к себе, но, напротив, отпускает мир в его событийность, собирая его при этом в единичное пребывание. *Weilige* — то, что имеет время-пребывание (*Weile*), не хронологическую длительность, а качественное длящееся присутствие. Добротность (*Gediegenheit*) — не моральное качество, а металлургический термин: чистота, плотность, неразбавленность примесями. Золото вещи — её способность быть целиком тем, что она есть, не распадаясь на функции и свойства.

У-слобие и повод. Нет ничего безусловного.

Be-dingnis — игра слов: *Bedingnis* (условие, обстоятельство) и *Ding* (вещь). Вещь не есть условие в кантовском смысле — она не делает возможным нечто другое. Скорее, она есть «со-вещное» условие, которое само зависит от вещи. Повод (*Anlaß*) — не причина, а то, что даёт событию

случиться, не будучи его основанием. Итоговая формула: нет ничего безусловного — критика всякого абсолюта, будь то Бог, субстанция или трансцендентальное Я. Всё существует только в событийной зависимости от вещей мира.

Вещь есть охранение собственности мира.

Eigentum — собственность, но не как юридическое владение, а как то, что собственно, исконно принадлежит миру. Мир не владеет собой; он нуждается в вещи, чтобы быть охранённым. Охранение (*Wahrnis*) — деятельное блюдение, не консервация, а удержание в открытости.

У-словлено: одарённое вещами есть мир.

Be-dingt — снова игра: то, что обусловлено вещью, и одновременно то, что имеет вещный характер. Мир не предшествует вещам как их основание; он сам есть дар, который получает себя только через вещи. Без вещей нет мира; но и без мира вещи не были бы вещами.

Вещь: собственность (-tum: стояние и у-держание).

Суффикс *-tum* (как в *Eigentum*, *Königtum*) указывает на стояние, положение, удержанность. Стояние (*Stand*) — не статика, а достоинство, место. У-держание (*Ver-Halt*) — то, что себя удерживает и тем самым даёт себя слышать как паузу, как молчание.

Истинно-властвующее место. Охранение различно со-

своенного.

Wahrwaltende Stätte — место, которое истинно-властвует, то есть управляет, но не как господство, а как блюдение истины. *-heit* — суффикс абстрактных существительных, указывающий на состояние. *Vereignet* — со-своенное, то, что приведено к своему собственному через событие. Охранение различно: оно не смешивает, но и не разделяет; оно держит различное в различении.

В собственности совершилось забвение различия.

Это ключевой тезис. То, что мы называем собственностью (мира, вещи, события), не есть нечто, что можно помнить или забыть. Забвение — не потеря памяти, а способ, каким собственность себя осуществляет. Вещь помнит мир, забывая различие; и именно это забвение и есть её вещьность.

Вещь и близость.

Вещь не находится на расстоянии от нас, которое можно измерить. Она есть близость — не малое расстояние, а событие, в котором расстояние впервые становится возможным.

Вещь (ни общее, ни особенное; ни абстрактное, ни конкретное).

Отрицательные определения освобождают вещь от традиционных категорий. Общее — род, понятие; особенное

— индивидуальный случай. Абстрактное — мысленная конструкция; конкретное — чувственно данное. Вещь не подпадает ни под одну из этих пар. Она единична, но не как экземпляр рода; она конкретна, но не как объект восприятия.

Вещь: собственность: при-игра. Мирское при-игры.

Bei-Spiel — пример, но буквально: при-игра, то, что играет «при» чём-то. Игра здесь не случайность, а событийный способ бытия, в котором ничто не фиксировано. Мирское при-игры — мир играет себя в вещи, и вещь есть эта игра.

Чтение и слушание.

Когда мы читаем, мы слышим глазами; это слышание слышит острее, слышит непрерывнее.

Здесь совершается поворот от обычного понимания чтения как визуального восприятия знаков. Чтение — не распознавание букв, а внутреннее слушание того, что несёт письмо. Глаза становятся органом слуха. Острота и непрерывность — свойства слуха, перенесённые на зрение.

Становится ли от этого сказанное читаемого существенно более слышимым?

Не при механическом чтении вслух, а при внутреннем слышании глазами. Сказанное (*Gesprochene*) письменного текста может быть слышимее, чем устная речь, потому что оно очищено от случайных интонаций и жестов.

Говорит ли поэтому записанное собеседование громче, внятнее, потому что оно говорит тише?

Парадокс: тишина письма делает голос собеседования громче. Устная речь часто заглушает себя собственным шумом; письменное слово молчит, и в этом молчании сказанное может прозвучать чище.

Но какое собеседование является записанным? Только то,

что записано? Только то, что как можно точнее подражает устному собеседованию?

Автор ставит под вопрос обычное представление о записи как копировании речи. Если запись только подражает, она остаётся вторичной и никогда не достигает существа собеседования.

Или записанное собеседование говорит на другом языке? Говорит ли оно иначе? Говорит ли оно язык как собеседование мира?

Поворот: письмо имеет свой собственный язык, не сводимый к устному. Этот язык может быть ближе к собеседованию мира, потому что он не обременён ситуативностью и жестом.

Но как многое остаётся незаписанным! Не есть ли это живое в говорении — мелодия и ритм? весь жест озвучивания? Тем не менее —

Возражение: живая речь обладает тем, чего нет в письме. Автор не отвергает этого, но оставляет вопрос открытым («Тем не менее —»). Мелодия и ритм могут быть утрачены, но письмо обретает нечто иное: устойчивость, тишину, способность к многократному слышанию без искажения.

О не-броском.

В каком смысле над не-броским тяготеет самый соблазнительный видимость? Как только ты называешь его, ты уже ему подвержен, и имя «не-броское» принадлежит к похвальному словам!

Парадокс самореференции. Не-броское (*Unscheinbare*) — то, что не бросается в глаза, не стремится к эффекту. Но как только мы даём ему имя, оно перестаёт быть не-броским. Имя уже «похвально», уже привлекает внимание. Автор фиксирует решение: нельзя тематизировать не-броское, не предав его; его можно только хранить, не называя.

Не-броское наиболее сохранено в не-понятном, которое никогда не становится понятным, потому что оно требует принадлежать к делу, к различию.

Не-понятное (*Unverständliche*) — не то, что может быть понято позже, после дополнительных усилий. Оно принципиально не переводимо в понятие. Понять — значит свести к чему-то знакомому, известному. Но различие не позволяет себя свести; оно требует не понимания, а принадлежности. Можно только быть при деле, входить в различие, но не «понимать» его как объект.

Собеседование и язык.

Собеседование есть собеседование языка. Язык есть прав-
весть мира.

Язык не есть средство для собеседования; собеседование
есть способ, каким язык себя осуществляет. Пра-весть (*Ur-
Kunde*) — исходное свидетельство, которое не требует под-
тверждения.

Собеседование есть сведущестъ пра-вести. Собеседова-
ние раз-ведывает пра-весть.

Сведущестъ (*Kundschaft*) — не знание о, а знакомство с,
интимная ориентированность. Раз-ведывать (*erkunden*) — не
исследовать аналитически, а выведывать, выспрашивать, ид-
ти по следу.

Собеседование есть пред-земье ландшафта вечера.

Vorland — пред-земье, прибрежная низменность, область
перед чем-то. Ландшафт вечера (*Landschaft des Abends*) —
Запад как вечерняя земля, где день западной мысли склоня-
ется к закату. Собеседование есть область, где этот вечерний
ландшафт впервые становится обитаемым.

Собеседование есть окрестность раз-личия. Собеседова-
ние языка обретает местности ландшафта.

Gegend — окрестность, но также и область, край. Собеседование не создаёт местности; оно обретает их, находит уже существующие, но сокрытые.

Язык есть земное небо земли.

Земля (*Erde*) не противопоставлена небу; небо есть то, что земля может иметь как своё собственное, земное небо. Не трансцендентная сфера, а имманентная возвышенность.

Язык говорит. Он говорит собеседование мира. Мир есть со-бытие раз-личия. Мир есть собеседование раз-личия.

Тождества, не сводимые к логической эквивалентности. Мир не имеет другого языка, кроме собеседования; раз-личие не имеет другого события, кроме мира.

Мир мир-ует рас-сваивая.

Weltet — глагольная форма: мир не есть, он мир-ует, совершается как мир. Рас-сваивая (*enteignend*) — отпускающая всё от себя, не присваивая.

Земля есть пашня мира.

Acker — пашня, возделанное поле. Мир не парит над землёй; он укоренён в ней как в своей обработанной почве. Земля не просто материал; она — место, где мир растёт.

Мируя, рас-сваивает она человеческое-существо в не-

броское щажения.

Menschenwesen — существо человека, не его акцидентальные свойства. Щажение (*Schonung*) — бережное обращение, не навязывающее себя.

Мируя, рас-сваивает она божественное-существо в сокровенное решения: святое.

Gottwesen — существо божественного. Решение (*Entscheidung*) — не выбор между альтернативами, а событие, в котором святое отделяется от несвятого. Сокровенное (*Verborgene*) — то, что не может быть выведено на свет полностью.

Мируя, со-бытийствует она предварительное пред-бывшего, в-хождения в то же самое.

Vorherigen — пред-бывшее, то, что было раньше, но не в хронологическом смысле. В-хождение (*Ein-kehr*) — возвращение домой через поворот.

Святое есть полнота божественной-славы.

Götter-Herrlichkeit — не множественность богов языческого пантеона, но божественная слава как качество, не принадлежащее ни одному богу исключительно.

Борьба за власть над землёй.

Мы можем предполагать, что одновременно с поворотом забвения упрочивается возможность полного раздробления земли.

Поворот забвения — событие мышления, которое не остаётся только в мысли. Оно имеет обратную сторону: техническое господство над землёй достигает своей крайней возможности — раздробления планеты на ресурсы, территории, объекты управления.

Что со-бытие рас-сваивается в сокровенность не-сказанного.

Поворот и раздробление — не причина и следствие. Они происходят одновременно, как две стороны одного события. Со-бытие уходит в сокровенность, оставляя землю беззащитной перед раздроблением.

Борьба за власть, которая представляет нововременное человечество с его изделиями, есть борьба за устройство этой власти — кем? для чего?

Gemächte — изделия, создания, с оттенком чего-то сделанного, неорганичного. Власть не есть нечто, что кто-то захватывает; она есть способ представления человечества са-

мому себе. Вопросы «кем? для чего?» остаются открытыми — не потому, что ответа нет, а потому, что эти вопросы уже исходят из метафизических допущений.

Это борьба за земное правление, которое, однако, сначала представляется лишь в расширяющемся соответствии национальным, страновым и народным правительствам, но ни из своего завершённого метафизического существа, ни тем более из поворота забвения.

Erdregierung — правление над землёй как целым. Политические формы (нации, страны, народы) — только поверхностное явление. Существо этой борьбы метафизично, но сама метафизика не знает своего существа. Поворот забвения — то, что могло бы прояснить это существо, но остаётся непредставимым в горизонте обычной политики.

О писании и неслышании.

Отказаться от писания — значит остаться неуслышанным. Это необходимо для сказания мышления.

Парадокс: автор, который пишет, знает, что его писанием отказывается от писания в каком-то более глубоком смысле. Быть неуслышанным (*ungehört*) — не неудача, а условие подлинности. Сказание мышления не требует аудитории; оно говорит, даже когда никто не слышит, и именно тогда оно говорит чище.

Есть ли глагол только словом деятельности или словом тишины? — тишания в рас-своение в раз-личии?

Verbum — латинское «слово», но также глагол как часть речи. Традиционная грамматика определяет глагол как слово деятельности (*Tätigkeitswort*). Автор предлагает иное: глагол как слово тишины, но не как обозначение безмолвия, а как действие тишания (*Stillens*) — деятельного успокоения, которое не прекращает движение, но переводит его в иной лад. Тишание совершается как рас-своение в раз-личие.

О ясном и отчётливом.

Говорит ли собеседование поясняя или обещает оно ясное? Ясное мира.

lautus (лат.) — вымытый, чистый, великолепный. *Lautere* — ясное, но не в смысле логической ясности, а в смысле чистоты, незамутнённости, благородства. Обещает (*verspricht*) — не даёт сейчас, но даёт надежду; собеседование как обещание, а не как отчёт.

Пояснение двусмысленно:

Первый смысл: про-яснение (*Aufklären*) в ясность (*Klare*) господствующей само-собой-разумеемости (*Selbstverständlichkeit*) — просвещение в духе метафизики, которое делает всё понятным и привычным. Второй смысл: говорение из ясного (*Lauteren*) продуманного (*Gedachten*), которое остаётся непонятным для само-собой-разумеемого. Автор фиксирует решение: нужно различать два типа пояснения, и только второй соответствует делу мышления.

Очищает ли собеседование в ясное? или только объясняет в видимость ясного? или поясняет двусмысленным образом?

Läutern — очищать, как очищают металл от примесей. Объяснение (*erklären*) создаёт видимость (*Anschein*) ясности,

но не даёт ясности. Двусмысленное пояснение — то, которое остаётся между ними.

При этом возникают ещё две возможности: либо всё приводится только к кажущейся ясности, либо это ясное лишь затрагивается, чтобы быть указанным целиком в ясное.

Кажущаяся ясность (*Scheinklarheit*) — обман. Указание (*gewiesen werden*) — не описание, а жест, отсылающий к чему-то, что само себя не даёт.

Простое объяснение шаг за шагом покидает ясное; но, с другой стороны, ясное совместимо с ясным, ибо ни одно не заменяет другое.

Klare и *Lautere* не исключают друг друга. Можно иметь очищенное ясное, не теряя простой ясности. Но простое объяснение, если оно идёт до конца, оставляет ясное (*Lautere*) позади.

Поэтому оба принадлежат к собеседованию: Пояснение как говорение из ясного в это ясное. Объяснение как прояснение достопамятного.

Denkwürdige — достопамятное, то, что достойно мысли. Про-яснение не устраняет тайну, а делает её видимой как тайну.

Но оба, даже вместе, не есть собеседование.

Собеседование остаётся иным, чем сумма своих способов. Оно не может быть сведено ни к пояснению, ни к объяснению.

Ясное и отчётливое.

Как соотносятся ясное и отчётливое? Отчётливое есть черта очищенного языка. Отчётлив язык (не как выражение, а в собеседовании), когда он хранит ясное, т.е. полновеликое, добротное раз-мечание в сокровенном единстве своего многообразного.

Deutliche — отчётливое, внятное. *Geläuterten Sprache* — очищенный язык, освобождённый от шума и случайностей. Полновеликое (*vollprachtige*) — обладающее полным величием, не урезанное. Раз-мечание (*Deuten*) — не интерпретация, а показывание, указание.

Отчётливое состоит не в однозначности, так что слову придаётся только одно значение, а в том, что в добротном избытии своего словесного существа мирски говорит собеседование.

Полемика с требованием однозначности в науке и позитивной философии. Однозначность — смерть языка, потому что она убивает избытие (*Fülle*). Мирски говорит собеседование — то есть говорит так, как говорит сам мир: многозначно, но не произвольно.

Различное не есть отчётливое; оно есть вычисляющее отсечение отчётливого, его ограничение на обособленное од-

ностороннее значение и в этом смысле — не-отчётливое.

Distinkte — различимое, дискретное. Метафизика и наука оперируют различённым, которое всегда отсекает что-то. Это отсечение (*Beschneidung*) — операция, подобная хирургической или финансовой (отрезать лишнее). Результат — не-отчётливое, потому что многозначность, составляющая отчётливость, утрачена.

Отчётливо то, что свидетельствует о себе из собрания своей многозначности и как это собрание про-светляюще укрывает различие.

Итоговое определение. Отчётливое не есть простое; оно есть собрание, которое не смешивает, а держит вместе. Про-светляюще укрывает — не прячет от света, а даёт свету быть таким, чтобы укрытие оставалось укрытием. Различие не является в ясности; оно укрыто, и отчётливость есть способ этого укрывания.

О предполагающем мышлении.

Кто мыслит предполагающе, тот отваживается сказать непонятное непонятно. Так сохраняется до-мышляемое.

Предполагающее мышление (*vermuten*) не стремится перевести непонятное (*Unverständliche*) в понятное, ибо такая операция была бы его уничтожением. Непонятное здесь — не то, что временно непонято из-за недостатка информации, а то, что по своему существу не может стать предметом понимания в обычном смысле. Сказать непонятное непонятно — значит не навязывать ему чуждую форму ясности, но дать ему прозвучать в его собственной, непривычной для слуха, событийности. До-мышляемое (*Zu-Denkende*) — то, что только ещё предстоит мысли, что не дано в наличии, но дарит себя как задача. Сохраняется (*gewahrt*) — не как музейный экспонат, а как живое, дышащее присутствие того, что ускользает от фиксации.

Предполагаемое недоказуемо. Неужели поэтому оно неистинно? Не-истинно всецело в смысле «без-истинного»?

Хайдеггер здесь совершает решительный поворот: он не защищает предполагаемое от обвинения в неистинности, а переворачивает само понятие истины. Доказуемость — критерий истины в науке и метафизике, начиная с Платона и

Аристотеля. Предполагаемое уклоняется от этого критерия. Но означает ли это, что оно *unwahr* — не-истинно? Или же оно *un-wahr* — без-истинно, то есть пребывает вне самой диспозиции «истина/ложь»? Вопрос остаётся открытым, но его постановка уже подрывает власть традиционного понятия истины.

Сокрытие и хранение.

Собеседование языка укрывает тишину слова: тишину — в раз-личии.

Тишина (*Stille*) не есть нечто, что можно выразить. Собеседование не разрушает тишину, но укрывает её — то есть хранит как сокрытое. Укрывание не есть отрицание; это способ присутствия того, что не может быть явлено иначе. Тишина не находится где-то вне речи; она есть то, в чём речь пребывает, и раз-личие (*Unter-Schied*) есть место этого пребывания.

Собеседование не сообщает, не болтает.

Обыденная речь служит либо передаче информации (*mitteilen* — делить с другим), либо пустому обмену словами (*ausplaudern* — выбалтывать). Собеседование же не имеет содержания, которое можно было бы сообщить, и не стремится заполнить паузу. Оно есть событие, а не коммуникация.

Собеседование укрывает, как красота укрывает бога.

Красота не есть атрибут бога, который можно было бы увидеть. Красота — покров, за которым бог присутствует, оставаясь сокрытым. Собеседование есть такой же покров

для мира. Не за счёт того, что скрывает нечто лежащее за ним, а тем, что само укрывание и есть способ явления.

Собеседование хранит мир. Охранение же есть, поскольку оно со-бытийствует!

Wahr — охранение, истина как событие, а не как соответствие. Хранение не есть действие субъекта по отношению к объекту; оно само есть событие. Истина «есть» не как свойство, а как свершение. Восклицательный знак подчёркивает радикальность этого тезиса: охранение не нуждается в основании; оно само есть то, что даёт основание всему остальному.

Собеседование есть надпись пра-вести мира.

Inschrift — надпись, нечто начертанное, что остаётся, когда говорящий ушёл. Надпись не передаёт содержание; она есть свидетельство того, что событие произошло. Автор отсылает к примечаниям (IV, 110–116; VI, 16, 21), где эта тема развёртывается подробнее.

Собеседование говорится самим пра-вечным существом языка. Мируя, оно говорит из четверицы мира.

Язык не есть орудие, которым пользуется человек. Пра-вечное существо языка (*ur-kundliche Wesen*) говорит само себя в собеседовании. Четверица (*Vierung*) — четырёхчастность мира (земля, небо, смертные, божественные), не как

структура, а как событие. Собеседование не говорит *о* четверице; оно говорит *из* неё.

Собеседование как событийное встречаение прихода-к-языку и принесения-к-языку забвения различия.

Здесь вводится двойное движение. С одной стороны, забвение различия приходит к языку (само собой, не по приглашению). С другой стороны, собеседование приносит его к языку (активно, но не насильственно). Встречение (*Begegnen*) — не субъект-объектное отношение, а событие, в котором обе стороны равноучастны.

Надпись и стиль.

Собеседование как надпись события языка. Хранящее, сберегающее собеседования хранит себя само, когда оно не выступает в форме «собеседований».

Ирония: подлинное собеседование не может быть представлено в жанре диалога или беседы. Как только оно принимает форму «собеседования» (литературного жанра), оно рискует потерять свою событийность. Самосохранение собеседования — в его уходе от форм, которые могли бы его объективировать.

Отсюда произрастает стиль сказания различия, т.е. мышления.

Gedeiht — произрастает, как растение из почвы. Стиль не изобретается и не выбирается; он вырастает из дела, из того, о чём идёт речь. Автор фиксирует решение: стиль сказания различия не есть литературный приём; он есть способ бытия самого мышления. Отсылка к примечанию VI, 19.

Его добротность определяется из существа языка, т.е. из пра-вечного собеседования языка.

Добротность (*Gediegenheit*) — чистота, неразбавленность, верность своему существу. Мышление добротное, когда оно

не примешивает к делу чуждые цели (познавательные, практические, эстетические), а остаётся в стихии пра-вечного собеседования.

Сказание надписи говорит из собеседования языка, которое хранит себя в не-сказанное мира.

Надпись — не запись устной речи. Она говорит из собеседования, которое само себя сохраняет, уходя в не-сказанное. То, что написано, отсылает к тому, что никогда не будет написано.

Формальные собеседования (полевой путь) суть лишь предварительные упражнения собственного собеседования, чьё сказание остаётся в не-броском четырёх тетрадей.

Здесь автор иерархизирует собственные тексты. «Полевой путь» — литературное собеседование, формальное, учебное. «Четыре тетради» — не-броское, лишённое внешней эффектности, но именно там происходит подлинное сказание. Предварительные упражнения (*Vorübungen*) необходимы, но они не замещают собственного дела.

Стиль произрастает в почве дела; он есть дело-ость дела; языко-ость сказания.

Sach-Heit и *Sprach-Heit* — неологизмы, образующие абстрактные существительные от *Sache* (дело) и *Sprache* (язык). Дело-ость — не свойство дела, а само событие, в котором

дело становится делом. Языко-ость сказания — не качество языка, а способ, каким сказание собирает себя в языке.

Вспоминающее мышление.

Однажды вспоминая, сказание мышления говорит однажды внезапности поворота в забвении различия.

Einstig — однажды, некогда, но не в хронологическом смысле. Это «однажды» принадлежит событию, а не времени-измерению. Вспоминая (*andenkend*) — не оглядываясь на прошлое, а возвращаясь мысли к истоку, который никогда не был настоящим. Внезапность поворота не есть момент в последовательности; она есть качество события, которое не выводимо из предшествующего.

Пред-однажды внезапности; вспоминая; не вспоминая.

Voreinst — пред-однажды, то, что было до всякого «однажды», но не как прошлое. Воспоминание (*Erinnerung*) — психологический акт возвращения к прошлому опыту. Вспоминающее мышление (*andenkendes Denken*) не имеет дела с опытом; оно есть событие, а не репродукция.

После-однажды внезапности; вспоминая, не пред-сказание.

Dereinst — после-однажды, то, что придёт, но не как будущее в линейном времени. Пред-сказание (*Voraussage*) —

экстраполяция на основе известных законов. Вспоминающее мышление не предсказывает, потому что внезапность поворота не подчиняется закономерности.

Но: щадя внезапность поворота как местность со-бытия.

Schonend — щадя, бережно относясь. Не анализируя, не объясняя, не предсказывая, а давая быть. Местность (*Ortschaft*) — не пространственное место, а событийный топос, где со-бытие совершается.

По-двигать.

По-двигать: снабжать путём; двигаться, снабжать себя путём; про-ходить тропу. | движение.

Be-wegen — автор разлагает слово *bewegen* (двигать) на *be-* (приставка, указывающая на снабжение, доведение до состояния) и *Weg* (путь). Двигать не значит перемещать тело из точки А в точку Б. Двигать значит давать путь, быть снабжённым путём. Движение (*Bewegung*) перестаёт быть физической категорией и становится событийной: это хождение по тропе, которая не предзадана, а прокладывается в самом хождении. Автор фиксирует терминологическое решение: мышление не есть деятельность; оно есть по-двигание, пребывание в пути, который не ведёт к заранее известной цели, но сам и есть цель.

Четыре тетради как надпись.

Четыре тетради суть надпись собеседования языка. Сказание мира. — Только: мир.

В этом лаконичном утверждении автор определяет жанровую и событийную природу «Четырёх тетрадей». Они не являются трактатом, не излагают учение и не сообщают информацию. *Inscript* — надпись, нечто начертанное, что не нуждается в публичном оглашении и не ищет читателя. Сказание мира не говорит о мире; оно есть мир, поскольку мир есть событие языка. Тире и уточнение «Только: мир» отсекают любую репрезентативную интерпретацию.

Надпись есть строительный камень; строящий, выросший камень.

Baustein — не кирпич, который можно использовать где угодно, а камень, который вырастает из самой постройки и для неё. Строящее (*bauend*) здесь не есть деятельность по отношению к материалу; это способ бытия надписи, которая сама себя строит. Камень не изготовлен, он вырос — из почвы дела, из языка, из события.

Строящее — в однажды вспоминающем.

Строительство надписи совершается не в настоящем, а в

том особом времени, которое автор обозначает как *einstig* — однажды вспоминающее. Это время не линейно; оно есть событие, в котором прошлое, будущее и настоящее собираются в неразличимости. Вспоминающее мышление (*andenkendes Denken*) не оглядывается назад, но возвращается к истоку, который никогда не был утерян, но всегда уже удерживается.

Надпись поэтому как письмо не есть: культурный вклад, творческое достижение, произведение, публикация, сообщение, свидетельство, выражение.

Автор последовательно отрицает все категории, в которых метафизика и эстетика описывают отношение мысли к письму. Культурный вклад предполагает институцию культуры, в которую можно внести вклад. Творческое достижение предполагает субъекта-творца. Произведение (*Werk*) — категория эстетики от Канта до Гегеля. Публикация — рыночная и медиальная категория. Сообщение — коммуникативная. Свидетельствование — юридическая или религиозная. Выражение — психологическая. Надпись не подпадает ни под одну из этих рубрик.

Такие перспективы слишком коротки; они не достигают надписного, потому что все они происходят из метафизики.

Метафизика здесь понимается не как одна из дисциплин, а как способ мышления, который всегда уже предполагает различие между сущим и бытием, субъектом и объектом,

формой и содержанием. Надписное ускользает от этих различий. Оно не может быть «настигнуто» никакой перспективой, которая остаётся внутри метафизического горизонта.

Надпись остаётся событием языка; она, возможно, покрывается и опустошается говорением и писанием. Она остаётся, таким образом защищённая, охранением *S* (т.е. поворотом забвения различия).

Verwüstet — опустошается, как земля после войны или запустения. Обычное говорение и писание не просто игнорируют надпись; они активно её покрывают и опустошают. Но именно эта угроза служит защитой: надпись остаётся нетронутой именно потому, что её не видят. *S* здесь — сокращение для *Seyn* или *Seyt* (событие/сбытие). Охранение (*Wahrnis*) поворота забвения — не сохранение неизменного, а деятельное блюдение того события, в котором забвение поворачивается к себе.

Только если надпись удаётся, письмо есть свободный дар.

Glückt — удаётся, случается, выпадает как счастье. Недостаточно написать; письмо должно удаться как событие. Свободный дар (*freie Gabe*) — не то, что дарится свободно, а то, что дарится как свобода. Письмо становится местом, где свобода не провозглашается, а дарится.

Эпоха поворота.

Эпоха — пред-полагать расположение для С. (пред-полагать: добывать из со-бытия. Пред-на-мечать приношение).

Epoche здесь не исторический период, а греческое *epoché* — остановка, воздержание от суждения. Но автор переосмысляет это понятие: эпоха есть акт пред-полагания (*zumuten*) — притязательного требования, которое адресовано расположению (*Gemüt*). Расположение — не чувство, а настроенность мысли, её способность быть тронутой событием. *Erbringen* — добывать, как добывают руду из земли. *Zu-erwinken* — пред-на-мечать, дать знак, подмигнуть в направлении приношения (*Bracht* — то, что принесено, урожай, дар). Эпоха есть не пауза, а напряжённое ожидание и добывание.

Забвение различия и щажение.

Забвение различия со-своило человека в существо щажения рас-своения.

Человек не владеет собой. Он со-своен (*vereignet*) забвению различия — то есть приведён к своему «собственному» (*Eigenen*) через событие, которое отчуждает его от привычного само-понимания. Существо человека (*Menschenwesen*) есть щажение (*Schonung*) — бережное отношение, которое не навязывает себя. Рас-своение (*Enteignis*) — отпускание, потеря собственности в пользу события.

Отказ выноса сокрыто в себе со-бытийствует; но со-бытийствование есть отпускание в восстание вы-ветривания присутствия.

Austrag — вынос, раз-решение, но также и спор, который выносится на суд. Отказ (*Verweigerung*) — активное утаивание. Со-бытийствование отпускает человека в восстание (*Aufstand*) — не политический бунт, а онтологическое выступление, выходение из себя. *Auswitterung* — вы-ветривание, испарение, то, что высвобождается в воздух. Присутствие (*Anwesen*) не есть стабильное бытие; оно выветривается, как запах.

В отпускании совершается укрытие этого со-бытийство-

вания в отпущенном. — В окрестности не-сокрытости восстаёт про-тив-стояние и пре-ступление.

Отпущенное (*Losgelassene*) — то, что отпущено из удерживания. В нём укрывается само со-бытийствование. Окрестность (*Gegend*) не-сокрытости (*Unverborgenheit*) — то, что греки называли *alétheia*. В этой окрестности восстают *Gegen-Über* (про-тив-стояние, предметность) и *Überstieg* (пре-ступление, трансценденция). Метафизика начинается здесь.

Существо человека остаётся через отказ в удержании в пользу разумного живого-существа. ζωή (φύσις) и λόγος (Λόγος). Даже присутствие этого существа укрывается, и оно является почти как присутствующее среди других в про-тив-стоянии, которое ищет убежище ещё в ψυχή.

Человек удерживается (*Vorenthalt*) от своего существа; он отдан в распоряжение разумного живого-существа (*vernünftigen Lebe-wesens*) — традиционного определения человека как *animal rationale*. Греческие термины *zōē* (жизнь) и *physis* (природа, вырастание), *logos* (слово, разум) указывают на истоки этого определения. Даже присутствие этого существа укрыто; оно является как одно из присутствующих среди других, ища убежище в *psychē* (душе). Метафизика человека как душевно-разумного живого существа есть укрытие его событийного существа.

V.H. (Четыре тетради).

V.H. есть печать для у-держания. Путь к у-держанию труден, пока мир, пока вещь, пока мир-вещь должны оставаться не-продуманными. Поэтому у-держание остаётся сначала не-названным.

Ver-Hältnis — у-держание, отношение, но буквально: то, что удерживает себя в себе. Печать (*Siegel*) — не украшение, а знак подлинности и завершённости. Четыре тетради не описывают у-держание; они служат его печатью. Но путь к у-держанию труден, потому что три фундаментальных понятия — мир, вещь, мир-вещь (*Welt-Ding*) — остаются не-продуманными (*ungedacht*). Пока они не продуманы, у-держание не может быть названо. Оно остаётся без-ымянным, и это умолчание не есть недостаток, а условие подлинности.

Внезапность поворота.

Поворот внезапен. (Внезапность со-бытийствуется: крутой и не-деланный падение в сберегаемой рас-своении.)

Jäht — глагол от *jäh* (внезапный). Поворот не происходит постепенно; он есть внезапность. *Ungemachte* — не-деланный, не-сработанный, не-искусственный, в противоположность *gemacht* (сделанному, искусственному). Падение (*Einfall*) — не катастрофа, а событие вхождения. Сберегаемая рас-своение — рас-своение, которое не уничтожает, а сберегает.

Поворот забвения; забвение в себя поворотное. Поворачивающее в со-бытии (возвращение отказа в рас-своение. Вповорачивание этого как охранение). Поворот как в-хождение мира.

Забвение не есть пассивное состояние; оно имеет структуру поворота (*kehrig* — способное поворачивать). Поворачивающее (*Kehrende*) в со-бытии — возвращение (*Rückkehr*) отказа не к чему-то внешнему, а в само рас-своение. Вповорачивание (*Ankehr*) этого возвращения есть охранение (*Wahrnis*). Поворот есть в-хождение (*Einkehr*) мира — мир не где-то вне; он входит в себя, поворачиваясь.

В повороте забвения поворачивает само забвение в своё

собственным образом со-бытийствовавшее охранение.

Забвение не исчезает в повороте; оно поворачивается и становится тем, чем оно есть: охранением. Не охранение приходит на смену забвению; забвение само становится охранением.

В повороте — не простое переворачивание.

Umdrehung — механический оборот на 180 градусов, который оставляет всё тем же, только перевёрнутым. Поворот не есть переворачивание; он есть событийная трансформация, в которой меняется само существо того, что поворачивается.

Забвение различия поворачивается в различие забвения. Этот поворот есть в-хождение мира.

Забвение различия и различие забвения — не одно и то же. Первое: мы забыли различие. Второе: само различие есть способ, каким забвение себя осуществляет. Поворот из одного в другое и есть в-хождение мира.

Поворот не пред-сказывается здесь как грядущее; он говорится как то, что покоится в со-бытии — в существе времени как местности различия (забвения).

Автор решительно отказывается от эсхатологической интерпретации. Поворот не есть событие, которое когда-то

произойдёт. Он уже покоится в со-бытии. Время здесь понимается не как последовательность, а как местность (*Ortschaft*) различия. Забвение не есть потеря времени; оно есть способ, каким время пребывает в своём существе.

Внезапности и эпохи — не последовательности; они покоятся в со-бытии мира.

Внезапности (*Jähren*) и эпохи (*Epochen*) не следуют друг за другом. Они сосуществуют в со-бытии мира, как различные измерения одного события.

Мир-сфера.

Широчайшая ширь, крайняя внутренность, сокровеннейшее вовне, всё близко.

Welt-Kugel — мир-сфера, не как глобус, а как событийная сферичность, где нет внешнего и внутреннего в пространственном смысле. Широчайшая ширь — максимальная удалённость; крайняя внутренность — максимальная интимность; сокровеннейшее вовне — то, что совершенно вовне, но при этом сокровенно. Эти противоположности собираются в одну точку: всё близко.

Близит ли близость, приближает ли она близость, вьёт поворот, ширит мир.

Четыре глагола в ритмическом перечислении: *nahet, nähert, windet, weitert*. Близость не есть состояние; она есть действие. Она близит (*nahen* — приближаться) и приближает (*nähern* — делать близким). Она вьёт (*winden*) поворот, как вьют верёвку или венок. Она ширит (*weiten*) мир, не расширяя его пространственно, а давая ему быть в его шири как событию. Автор завершает этот фрагмент поэтической строфой, которая в оригинале следует далее и будет рассмотрена отдельно.

Vier Hefte [Четыре тетради — стихотворение].

Weit fällt in ihre Stille: Welt IV.

(Ширь падает в свою тишину: Мир IV.)

Четвёртая строка открывает стихотворение с конца, с высшего — или глубочайшего — измерения. *Weit* (ширь) — не протяжённость, измеряемая в единицах длины, а событийная открытость, пространство возможности. Падение (*fällt*) здесь не есть потеря или катастрофа; оно есть событие вхождения: ширь не распространяется вовне, но падает внутрь — в свою собственную тишину. Тишина (*Stille*) не противоположна звуку, но есть то, что делает возможным всякое звучание. Мир, обозначенный римской четвёркой, не есть сумма сущего; он есть это падение широты в её собственное безмолвие. Автор фиксирует: мир не есть нечто, что можно охватить взглядом; мир случается как это падение.

Im Acker rauscht das gelbe Korn. III.

(На пашне шумит жёлтое зерно. III.)

Третья строка спускается от космической широты к земной конкретности. *Acker* — пашня, возделанное поле, не дикая природа, а место труда и заботы. *Rauscht* — шумит, ше-

лестит, но также и стремится, как поток. Жёлтое зерно — зрелость, урожай, золото земли. В отличие от безмолвного падения широты, здесь есть звук — шелест. Но этот звук не нарушает тишину мира; он принадлежит ей. Пашня есть то, где мир почвенно присутствует. В античном мышлении пашня была бы метафорой *physis* — вырастания; здесь она скорее указывает на *Erde* (землю) как на один из четырёх углов четверицы (*Geviert*).

Jäh tritt der Schmerz in seinen Wind II.

(*Внезапно боль вступает в свой ветер II.*)

Вторая строка вводит то, что обычно вытесняется из философии: боль (*Schmerz*). Однако боль здесь не психологическое состояние и не физическое страдание. Внезапность (*jäh*) — та же, что и внезапность поворота. Боль *вступает* (*tritt* — шагает, вступает, как на сцену) в *свой* ветер. Ветер не есть нечто внешнее, что дует на боль; ветер принадлежит боли, как её собственная стихия. Боль обретает своё пространство движения, свою динамику. В отличие от тишины мира и шума зерна, здесь — ветер, нечто невидимое, но осязаемое. Автор решается назвать боль не как нечто, что нужно преодолеть или унять, но как событийную силу, имеющую свой собственный ветер.

Drangvoll hastet Licht ins Nicht I

(*Томительно спешит свет в Ничто I.*)

Первая строка — самая напряжённая. *Drangvoll* — томительно, с давлением, с напором, с внутренней необходимостью, которая тяготит. *Hastet* — спешит, торопится, не медлит. Свет не распространяется спокойно; он торопится, гонимый томлением. Куда? *Ins Nicht* — в Ничто. Свет торопится не к чему-то, что есть, а к отсутствию, к пустоте, к тому, чего нет. Это не есть нигилизм: Ничто здесь не просто отрицание сущего, но событийное пространство, куда свет устремляется. В античной метафизике свет просвечивает тьму, превращая её в видимое. Здесь свет ищет не тьму, а Ничто — то, что даже не есть тьма. Автор переворачивает традиционное понимание: Ничто не есть недостаток света; свет есть томление по Ничто.

Vergessen wartet zag Gelicht.

(Забвение ждёт робко Просвет.)

Последняя строка (без римской нумерации — возможно, итог или основание) возвращает к началу стихотворения по смыслу, но не по порядку. *Vergessen* — забвение, которое во всём стихотворении было имплицитно присутствующим. *Wartet* — ждёт, но не активно, не требовательно. *Zag* — робко, несмело, с колебанием. Забвение не наступает; оно ждёт, и ждёт робко. Чего? *Gelicht* — Просвет (от *lichten* — просветлять, расчищать). Просвет — не яркий свет, а то, где свет может войти, где лес расступается, где тьма и свет встречаются на равных. Забвение ждёт не исчезновения, а просве-

та — события, в котором оно может явиться как то, что оно есть.

Структура и обратный порядок.

Стихотворение пронумеровано от IV к I — от мира к свету, от широты к томлению. Это движение не есть регресс или упадок. Напротив, автор строит стихотворение как *в-хождение* (*Einkehr*): читатель входит в мир (IV), погружается в земную конкретность (III), сталкивается с болью и её ветром (II), достигает томления света по Ничто (I) — и затем, без номера, обнаруживает, что всё это время забвение робко ждало просвета. Забвение не есть конец; оно есть то, что ждёт начала. Просвет не есть результат; он есть то, чего ждёт робкое забвение.

Хайдеггер завершает это стихотворение не как поэтическое украшение мысли, а как её необходимую форму. В отличие от аналитических выкладок предыдущих разделов, здесь мысль говорит на языке, который не может быть переведён в прозу без остатка. Римские цифры, обозначающие обратный порядок, указывают на то, что мышление не движется в линейном времени от одного к четырём, но возвращается, входит в себя, находит своё начало в конце.

Стиль как добротность.

Стиль есть добротность. Добротность есть в себя собранный и заранее очерченный рост дела.

В этом определении автор отказывается от эстетического понимания стиля как манеры, почерка или совокупности формальных приёмов. *Gediegenheit* — добротность, металлургический термин, означающий чистоту металла, отсутствие примесей, внутреннюю плотность. Рост (*Wachstum*) — не создание, не изготовление, а органическое произрастание из почвы дела (*Sache*). Заранее очерченный (*gegrenzt*) — не ограниченный извне, а получающий свою границу из самого себя, как ствол дерева, который не растёт куда попало, но имеет форму. Стиль не прилагается к делу извне; он есть способ, каким дело собирает себя и растёт.

Когда дело врастает в язык, оно достигает своей собственности, но не в средство выражения и сообщения. Это происходит повсюду только там, где нет ни дела, ни языка.

Врастание (*wachst*) — не перенос содержания в другую среду, а событие, в котором дело обретает язык как свою собственную стихию. Собственность (*Eigentum*) здесь не владение, а «своё», исконное. Средство выражения и сообщения — метафизическое понимание языка, восходящее к Аристо-

телю (язык как знак душевных состояний). Там, где язык понимается только как средство, нет ни дела (ибо дело не удерживается в своей событийности), ни языка (ибо язык не достигает своего существа как пра-весть мира).

Для мышления в забвении различия сообщение больше не проблема; не потому, что оно решено, а потому что оно исчезло.

Автор фиксирует решительный отказ от всей проблематики коммуникации, которая занимала центральное место в философии XX века (от Ясперса до Апеля и Хабермаса). Сообщение (*Mitteilung*) — не проблема, которую можно решить, улучшив каналы связи или устранив искажения. Она исчезла (*verschwunden*), потому что само различие между сообщающим и получающим сообщение потеряло свою значимость. Сказание собеседования принадлежит языку, а язык есть пра-весть мира — не средство, а событие. В этом событии нет «отправителя» и «получателя».

Понимает ли это тот или иной или находит неверно понятым — не касается дела.

Абсолютная индифферентность к пониманию/непониманию. Дело не терпит, чтобы его оценивали по критерию понятности. Непонимание не есть неудача; понимание не есть успех. И то и другое остаётся на поверхности, не касаясь события сказания.

Падение языка и пустота болтовни.

Всякий язык ещё падает и не покоится как каменная порода дела (не окаменение).

Язык не достигает устойчивости; он постоянно падает (*fällt*). Каменная порода (*Gestein*) — не мёртвая окаменелость, а живая твёрдость, на которую можно опереться. Но язык не становится такой породой; он всегда в движении падения. Окаменение (*Versteinerung*) было бы смертью языка; падение — не смерть, а его способ бытия.

Всякий язык падает в пустоту болтовни, которой вся пустота полна. Несмотря на это изобилие, они отрицают даже ничтожное ничто.

Gerede — болтовня, пустая речь, не имеющая дела. Пустота (*Leere*) болтовни не есть отсутствие слов; напротив, она полна слов, которые ничего не говорят. Изобилие болтовни таково, что она не оставляет места для подлинного ничто. Ничтожное ничто (*nichtige Nichts*) — не нигилистическое отрицание всего, а событийная пустота, которая одна только может быть местом для появления дела. Болтовня отрицает даже это ничто — не потому, что она против него, а потому что она его не знает и не нуждается в нём.

Близость и безмолвие.

В языке как собеседовании мира — приносить близость к языку. Когда язык приходит к языку, совершается чистая тишина.

Задача языка не в том, чтобы выражать мысли или описывать факты, а в том, чтобы приносить близость (*Nähe*) к языку. Близость здесь не есть малое расстояние; она есть событие приближения самого приближения. Язык, приходящий к языку, не есть рефлексия языка о самом себе (это было бы металингвистикой). Это есть событие, в котором язык перестаёт быть средством и становится тем, что он есть. Результат — чистая тишина (*reine Stille*), не как отсутствие звука, а как событийное безмолвие, в котором мир себя сказывает.

Есть ли такие, кто могли бы слышать её и почитать? Тишину, тихую как свет.

Вопрос остаётся открытым. Тишина тиха как свет — свет не издаёт звука, но делает возможным зрение. Слышать тишину — значит иметь слух не для звуков, а для того, что делает звуки возможными. Почитать (*ehren*) — не религиозное поклонение, а удерживание в её достоинстве.

Вынос и событие.

В мгновение, когда вынос испытан, т.е. продуман из события как охранение, он уже не может опираться на дифференцию сущего и бытия.

Austrag — вынос, разрешение, но также и спор, который выносится на суд. В метафизике вынос (дифференция между сущим и бытием) был основанием. Здесь он сам становится тем, что нуждается в основании — и находит его в событии как охранении. Испытан (*erfahren*) — не понят теоретически, а пройден как событие. Дифференция сущего и бытия — фундаментальное различие западной метафизики от Платона до Хайдеггера-раннего. В повороте это различие перестаёт быть опорой.

Однако этот опыт уже совершается в повороте.

Поворот (*Kehre*) не есть будущее событие; он уже совершается. Опыт выноса не есть достижение, которое придёт после долгой работы; он уже дан в повороте.

Теперь во всём властвует загадка; повсюду мышление идёт в не-сказанном и метафизически не-сказуемом.

Rätsel — загадка, но не требующая разгадки. Это загадка, которая остаётся загадкой и в раскрытии. Не-сказанное

(*Ungesagte*) — то, что не произнесено. Метафизически не-сказуемое — то, что не может быть высказано в терминах метафизики (сущее, бытие, причина, основание, субъект, объект).

Близость «близости» однажды-сущего; что близость сближает пред-однажды и после-однажды друг в друга и как это приближающее близит. Что эта близость властвует как широчайшее рас-своение.

Einstigen — однажды-сущее, то, чей способ быть есть «однажды», не в прошлом и не в будущем. Близость сближает пред-однажды (*Voreinst*) и после-однажды (*Dereinst*) — два модуса «однажды», которые не являются прошлым и будущим в линейном времени. Рас-своение (*Enteignis*) здесь названо широчайшим (*weiteste*) — не потому, что оно охватывает многое, а потому, что оно есть само пространство бытия.

Уныние и предположение.

Временами уныние выглядит как легкомыслие. Без уныния расположение остаётся без тяжести; как могло бы предположение без него воспарить в высоту, где ширь близости предпологается? Уныние не есть унылость; оно испытывает отчётливое.

Schwermut — уныние, но буквально «тяжёлое расположение». *Leichtsinn* — легкомыслие, буквально «лёгкое чувство». Внешне они могут быть неотличимы. Однако без тяжести (*Schewergewicht*) уныния расположение (*Gemüt*) не имеет веса, не может ни опуститься в глубину, ни подняться в высоту. Предположение (*Vermuten*) нуждается в этой тяжести, чтобы воспарить — парадокс, знакомый по аэродинамике: для взлёта нужен вес. Унылость (*Triübsinn*) — патологическое состояние, депрессия. Уныние же есть событийная настроенность, в которой испытывается (*erfährt*) отчётливое (*Deutliche*) — не ясное и не различённое, а то, что свидетельствует о себе из собрания многозначности.

Существо расположения есть воспоминание.

Gemüt не есть просто «чувство» или «настроение». Его существо — *Andenken*, вспоминающее мышление, которое не оглядывается на прошлое, а возвращается к истоку, который

никогда не был настоящим.

Вспоминание мыслит однажды, как которое мир ширится. Вспоминая, человек обитает в щажении рас-своения. Он охраняет охранение различия. В различии рас-сваивается решение последнего б[ога].

Мир ширится (*weitet*) не в пространстве, а в событии. Обитание (*wohnen*) — не физическое пребывание, а событийная принадлежность к щажению (*Schonung*) — бережному обращению. Охранение (*Wahr*) не есть свойство; оно есть событие. Решение (*Ent-scheidung*) последнего бога — не выбор между альтернативами, а событие, в котором божественное отделяется от не-божественного. *L. G.* — сокращение, которое автор расшифровывает как «последний бог» (тема, развёрнутая в «*Beiträge zur Philosophie*»).

Однажды начинается конец.

Einst — однажды, не в будущем, а в событийном времени. Конец (*Ende*) — не прекращение, а завершение, приход к своему пределу, который есть также и начало.

О сообщении и безмолвии сказания.

Если в сказании мышления нет сообщения, то оно никогда не может принести учения; если не приносится учения, то нет нужды и в том, чтобы воспитывать тех, кто его принимает. Сказание есть только просвет тишины местности различия забвения: сказание мира.

Цепочка отрицаний освобождает сказание от всех институциональных и педагогических функций. Учение (*Lehre*) требует передачи от учителя к ученику, воспитания (*erziehen*) — формирования человека в соответствии с учением. Сказание не имеет дела ни с тем, ни с другим. *Lichtung* — просвет, расчистка в лесу, где становится светло, но не потому, что туда поставили источник света. Тишина (*Stille*) просвечивает в этом просвете. Местность (*Ortschaft*) — не место в пространстве, а событийный топос.

Сообщение отсутствует, потому что сказание событийно идёт в местность со-бытия и только впервые говорит мир. Сообщение отсутствует не потому, что нет больше пространства, в которое оно могло бы говорить. Хотя это верно, но только как последнее следствие запустения и махинации, которая отказывает всему, что не её рода, в любой возможно-

сти области.

Двойное объяснение отсутствия сообщения. Первое (позитивное): сказание ушло в местность со-бытия, где сообщение не имеет смысла. Второе (негативное): современное запустение (*Verwahrlosung*) и махинация (*Machenschaft* — технически-вычисляющее отношение к миру) действительно не оставляют пространства для сообщения, но это лишь следствие, а не причина. Запустение отказывает в возможности области (*Bereichsmöglichkeit*) — не в праве говорить, а в самом пространстве, где речь могла бы быть услышана.

Поэтому не только историческая история приходит к концу, но и распадается возможность всякой традиции этой истории, прежде всего же — предающего хранения всего того, что уже совершилось как поворот забвения. Это одиночество Сбытия существенно со-мыслить в опыте поворота.

Historische Geschichte — историческая история, предмет историографии. Традиция (*Überlieferung*) — передача от поколения к поколению. Всё это распадается. Но это не катастрофа; это есть одиночество (*Einsamkeit*) Сбытия, которое должно быть со-мыслено (*mitzudenken*) — не как дополнение к опыту, а как его существенная часть.

Близость (четвёртое измерение времени) приносить к языку (т.е. в не-сказанное); не представлять ни особенное, ни общее.

Четвёртое измерение времени — не добавляется к трём (прошлое, настоящее, будущее) как ещё одна линия, а есть их событийное основание. Приносить близость к языку — значит дать языку стать событием приближения. Не представлять (*darstellen*) — не делать предметом репрезентации. Ни особенное (единичный факт), ни общее (универсальное понятие) — традиционная дилемма метафизического мышления, которая здесь преодолевается.

Изумление и не-броское.

Лишь когда некоторые изумлены в забвении различия, тогда мы испытываем не-броское простого, как которое мир мир-ует.

Verstaunt — изумлены, но не как временное состояние, а как событийная настроенность, в которой человек собран на себя. Забвение различия не есть то, о чём можно узнать; в него можно только изумиться. Простое (*Einfache*) — не то, что легко понять, а то, что не складывается из частей. Мир мир-ует (*weltet*) — не есть, а совершается как мир.

Изумлены: на себя возвращённое собрать дать прибыть тому, что однажды приблизилось: самой близости.

Verstaunt разбирается этимологически: *auf sich zurück versammeln* — собрать на себя возвращённое. Близость не есть предмет; она есть то, что однажды приблизилось и в этом приближении уже ушло.

Но достаёт ли ещё некоторых в достопоразительное? Маленькие хитрости рассеивают в знакомое.

Erstaunliche — достопоразительное (нечто большее, чем просто удивительное). Маленькие хитрости (*kleine Klugheiten*) — рациональные стратегии, научные методы, жи-

тейские мудрости. Они рассеивают (*zerstreuen*) — разбрасывают внимание по знакомому (*Bekannte*), которое не требует изумления.

Достопоразительное свидетельствует нам о не-отваженном.

Ungewagte — не-отваженное, то, на что не отваживаются, что не решаются сделать. Свидетельствует (*bekundet*) — даёт знать, но не как информация, а как событие.

Изумлённые в достопоразительное обитает мышление в щажении рас-своения.

Изумлённые — не те, кто испытывает изумление время от времени, а те, чьё существо определено изумлением. Обитание (*wohnt*) здесь — не временное пребывание, а событийная принадлежность.

Не-отваженное, не-предписанное: забвение различия.

Два имени одного и того же. Не-отваженное — то, на что не отваживаются, потому что отвага здесь не помогает. Не-предписанное — то, что не может быть дано в виде предписания, правила, закона.

Если мы называем забвение не-предписанным, оно всё ещё представляется от предписания — даже тогда, когда оно называется не-пред-писуемым.

Автор фиксирует неизбежную референциальную трудность: любой негативный термин (не-предписанное, не-пред-писуемое) всё ещё отсылает к тому, что отрицает. Забвение не есть просто отсутствие предписания; оно есть событие, которое ускользает от любой предикации, даже негативной. Язык метафизики не может его схватить; он может только указывать на него, оставляя его в его неуловимости.

Онтологическая дифференция.

Возможно, следует надеяться, что когда в следующем году давно утерянный трактат «О существе основания» снова появится, некоторые заметят, что там онтологическая дифференция названа особо, и притом не просто как дистинкция между сущим и бытием, а согласно значению «онтологический» в смысле фундаментально-онтологического (касающегося истины бытия).

Автор делает ретроспективное указание на собственные работы конца 1920-х годов. *Vom Wesen des Grundes* (1929) — трактат, где впервые систематически проводится различие между сущим (*Seiendes*) и бытием (*Sein*) как *ontologische Differenz*. Однако здесь он уточняет, что «онтологический» не означает просто относящийся к бытию как к сущему высшего рода; он означает фундаментально-онтологический — то есть касающийся *истины бытия*, а не только бытийных определений сущего. Истина бытия — это не свойство суждений о бытии, а событие, в котором бытие себя открывает.

Дифференция: различие между бытием сущего и истиной бытия и, тем самым, впервые различие между сущим бытия и истиной бытия.

Это уточнение раздвигает рамки обычного понимания он-

тологической дифференции. Недостаточно различать сущее и бытие; нужно также различать *бытие сущего* (традиционная онтология) и *истину бытия* (то, что делает само различие возможным). Далее, нужно различать *сущее бытия* (то, что принадлежит бытию как его сторона) и *истину бытия*. Автор фиксирует здесь терминологическое решение: дифференция не есть одно различие, но система различий, вращающихся вокруг истины бытия.

Возможно, наконец некоторые заметят тождество ничто и дифференции; ибо о том и другом одновременно (1929) говорится в «Что такое метафизика?» и в «О существе основания».

Was ist Metaphysik? — лекция 1929 года, где ничто (*Nichts*) вводится как отличное от сущего и от простого отрицания. Автор утверждает, что ничто и дифференция — не два разных предмета, а одно и то же, мыслимое с разных сторон. Дифференция «есть» ничто, поскольку она не есть сущее; ничто «есть» дифференция, поскольку оно не есть простое отсутствие, но событие различия.

Но о том и другом — только в развертывании вопроса «Бытия и времени» об истине бытия, которое принадлежит вот-бытию, поскольку оно в-брасывает себя в брошенность вот-бытия.

Sein und Zeit (1927) — работа, где вопрос о бытии был

поставлен через анализ *Dasein* (вот-бытия). *Entwurf* — набросок, проект, в-брасывание; *Geworfenheit* — брошенность, факт, что *Dasein* всегда уже находится в мире. Истина бытия не есть нечто, что *Dasein* может созерцать со стороны; она принадлежит *Dasein*, потому что *Dasein* есть место, где бытие себя открывает. Автор указывает на преемственность между ранней и поздней мыслью, несмотря на поворот.

Критика двадцатилетней болтовни.

Возможно, теперь наконец оставят двадцатилетнюю болтовню и приблизятся к обоим трактатам, которые остаются ещё достаточно неуклюжими, другими глазами.

Geschwätz — болтовня, термин из «Бытия и времени», означающий пустую речь, которая не касается дела, но создаёт иллюзию понимания. Двадцать лет — примерно с 1929 по 1949 год. Автор не шадит собственных критиков, которые, по его мнению, не поняли этих работ. Неуклюжие (*unbeholfen*) — признание недостатков собственного стиля, но не как повод для отказа, а как призыв к более тщательно-му чтению.

Возможно, догадаются, что со-мышление возможно только тогда, когда пред-мышляют пред-продуманному соответствующим образом, вместо того чтобы выдвигать возражения, которые уже по своему происхождению остаются позади здесь до-мышляемого и всё только оттягивают назад в прежнее.

Mitdenken — со-мышление, не просто критика или комментирование, а совместное движение мысли. *Vordenken* — пред-мышление, то есть предварительное вхождение в мысль, которая уже была продумана. Возражения (*Einwände*)

всегда исходят из горизонта того, что уже известно (прежнее, *Bisherige*), и потому не могут достичь того, что мыслится впервые. Автор фиксирует методологическое правило: понять можно только изнутри, а не из внешней позиции критика.

Мышление как сказание различия.

Если Сбытие, различие забвения, столь существенно тишина, бездейственное, столь далёкое привычному мышлению как сама близость всему ближайшему, то как же человек может быть приведён к этому без того, чтобы мы его толкали и гнали?

Wirkungslose — бездейственное, не производящее эффектов, которые можно измерить. Близость всему ближайшему — парадокс: то, что ближе всего (само бытие, событие), оказывается дальше всего от привычного мышления, которое занято ближайшими вещами. Нельзя толкать и гнать (*stoßen und treiben*) — принуждение не приводит к событию.

Есть ли это приведение делом мышления? Нет, поскольку мышление остаётся только деятельностью субъекта; да, поскольку мышление, со-бытийствуя, щадя свободное, принадлежит в со-бытие.

Двусмысленный ответ: приведение не есть дело мышления, если понимать мышление как субъективную деятельность. Но если понимать мышление как событийную принадлежность (*gehört*), то оно само уже есть приведение. Щадя свободное (*schonend die Freye*) — не манипулируя, а бережно относясь к открытому пространству.

Мышление есть сказание различия забвения и потому сказание поворота в него.

Повторение основного тезиса с добавлением: сказание не только говорит различие, но и говорит *поворот в него* — то есть способ, каким мышление входит в забвение, не преодолевая его, а поворачиваясь в нём.

Если мышление больше не представляет общее, оно не может более стремиться и к мнимому про-яснению в направлении особенного.

$\tau\acute{o} \xi\nu$ — единое, общее как род или категория. Метафизическое мышление движется между общим (понятие) и особенным (пример, случай). Мнимое про-яснение (*vermeintliche Verdeutlichung*) — иллюзия, будто можно понять особенное, подведя его под общее. Мышление различия отказывается от этой дилеммы.

Оно говорит близость.

Три слова. Не о близости, а близость. Язык здесь не референциален, а событийен.

Близость удаляет; приближает, удаляя; рас-своение.

Fernt — удаляет, делает далёким. Парадокс: чтобы приблизить, нужно удалить. Приближение через удаление — структура рас-своения (*Enteignis*): отдать, отпустить, чтобы

обрести.

Существо близости покоится в мире.

Близость не есть свойство пространства; она есть событие мира.

Ход в близость: опыт мира. Опыт троп мира.

Gang — ход, не спешное движение. *Erfahrung* — опыт, не единичное переживание, а испытание и прохождение. Тропы (*Pfade*) — не дороги, проложенные для всех, а следы, которые каждый должен найти сам.

Близость близит, приближая. Приближать: приносить близко, но так, что она приносит обратно из дали — через и поверх неё, из неё.

Приближение не есть сокращение расстояния; оно есть круговое движение: из дали и через даль вернуться к близкому. Даль не противоположна близости; она есть её условие.

Она поворачивает при-бранное обратно и в тишину.

Gegernte — при-бранное, собранное, как урожай. Поворот (*kehrt*) — ключевое событие: то, что было собрано (опыт, знание), возвращается в тишину, не исчезая, а обретая свою событийную основу.

Близость есть возвращение из в-хождения в даль во в-хождение в мировую тишину.

Ein-kehr — в-хождение, возвращение домой. Даль не есть потеря; в-хождение в даль есть необходимое движение, чтобы затем совершить в-хождение в мировую тишину.

Событийствующее возвра-чивание далёкого.

Zurück-Kehren — возвра-чивание, не простое возвращение, а поворачивание-назад, которое само событийно. Далёкое (*Ferne*) не преодолевается; оно возвращается как далёкое.

Близость приближает: она удаляет в рас-своение к непри-нуждённости вещи.

Gelassenheit — непринуждённость, отпущенность, спокойствие, ключевое понятие позднего периода. Вещь достигает своей непринуждённости, когда она отпущена из власти субъекта.

Не-приблизимое есть: близость.

Unnahbare — то, к чему нельзя приблизиться путём сокращения расстояния. Близость есть это не-приблизимое: чем больше пытаешься приблизиться, тем дальше уходишь.

Невозможность сообщения.

Сообщение в смысле публикации стало существенно невозможным по двум соображениям:

Автор перечисляет две причины, почему традиционное понимание сообщения (передача информации, публикация текстов) более не работает для мышления различия.

1. Потому что публичность требует понятного и это требование подразумевает обще-понятное.

Öffentlichkeit — публичность, сфера, где всё должно быть доступно всем. *Gemeinverständliche* — обще-понятное, то, что не требует специальной подготовки и не вызывает споров. Требование публичности убивает мышление, которое не может быть сведено к обще-понятному.

2. Затем и более существенно — потому что собеседование языка говорит не-сказанное, а это и есть различие забвения.

Вторая причина глубже: даже если бы публичность допускала трудное, само дело говорит не-сказанное (*Ungesprochene*), которое не может быть переведено в общение. Различие забвения не есть содержание, которое можно упаковать и отправить.

Здесь открывается совершенно иной обзор для мышления: что оно по существу должно войти в забвение и что только так свободное охранено для Сбытия; как же тогда ещё возможно и необходимо указание туда?

Aussicht — обзор, перспектива. Забвение не есть то, что нужно избегать; в него нужно войти (*eingehen*). Свободное (*Freie*) охранено только через это вхождение. Указание (*Weisung*) — не информация, а событийное направление, которое не может быть средством.

Всё это, конечно, так далеко от солипсизма, насколько это только возможно — и всё же и именно так близость властвует ближе всего.

Солипсизм — учение о том, что существует только одно сознание. Мышление различия не замкнуто в субъекте, оно событийно и мироздательно. Но при этом близость властвует *ближе всего (am nächsten)* — то есть в наиболее интимной, непубличной сфере.

Не следует ли здесь попытаться осуществить не прямое сообщение? Нет.

Indirekte Mitteilung — термин, связанный с Кьеркегором. Автор отвергает даже не прямое сообщение, потому что любое сообщение, прямое или не прямое, всё ещё предполагает отправителя, получателя и содержание.

Но здесь присутствует нечто вроде «опосредованно» себя-событийствующей близости не-сказанного. Она совершается в равнине свободного, внезапно и не-опосредуемо, стало быть, также и не опосредованно.

Mittelbar — опосредованно, через посредство. *Unvermittelbar* — не-опосредуемо, без посредства. Близость не может быть опосредована, но она и не есть непосредственность. Она есть событие, которое совершается *не-опосредуемо* — то есть так, что никакое посредство её не схватывает, но и прямое прикосновение невозможно.

Близость как равнина свободного. Близость как местность рас-своения. Местность равнины есть то же самое («есть»? из различия забвения).

Flur — равнина, открытое поле, неогороженное пространство. То же самое (*Selbe*) здесь берётся в кавычки и с вопросительным знаком: глагол «есть» неприменим к различию забвения, потому что «есть» — форма метафизической предикации. Автор фиксирует терминологическое напряжение: нельзя сказать «различие *есть* то же самое», потому что бытийный глагол принадлежит старому мышлению.

Близость, четвёртое как опосредующее измерение времени (мир) — она более живая, чем дух, более существенная, чем общее, более чувственная, чем все чувства: со-бытие мира.

Lebendiger als der Geist — живое здесь не противопоставляется духовному, но превосходит его, потому что дух (особенно в гегелевском смысле) всё ещё есть нечто субъективное. *Wesender als das Allgemeine* — более существенная, чем общее (род, понятие). *Sinnlicher als alle Sinne* — более чувственная, чем сами чувства (которые всегда уже преднастроены и ограничены). Четвёртое измерение времени — не хронологическое, а событийное.

Близость существа языка — четвёртое измерение как единое и первое из четверицы. Со-бытие и удаление.

Geviert — четверица (земля, небо, смертные, божественные). Близость есть единое и первое, потому что она делает возможным само различие четырёх. Удаление (*Entfernung*) — не противоположность близости, а её модус.

Со-бытие как указание.

В со-бытии лежит: событийствовать как у-казывание мира и в-казывание в него.

Zu-weisen — у-казывание, направление к чему-то. *Ein-weisen* — в-казывание, введение внутрь. Со-бытие не есть нечто, что затем указывает на мир; оно само есть указание.

Указание и пере-указание — νόμος в событийно-мировом смысле; не как правило и не как принцип упорядочивания.

Nómos — греческое слово для закона, обычая, порядка. Автор переосмысляет его: *nómos* не есть правило, навязанное извне, а событийное указание, которое исходит из самого дела. Не принцип упорядочивания, а то, что даёт порядку быть порядком.

Указание есть соединение, есть метка. μέτρον!

Fugen — соединение, но также и лад, согласованность. *Mal* — метка, знак, но также и шрам, след. *Métron* — мера по-гречески. Указание есть то, что даёт меру, не будучи само измеренным.

Со-бытие от-меряет и об-меряет; в себе оно так присутствует, не сверх того и не в последующем отношении сначала к другому.

Ermißt und bemißt — от-меряет (даёт меру) и об-меряет (охватывает мерой). Со-бытие не нуждается в дополнении (*außerdem*) и не вступает в последующие отношения к чему-то другому. Оно самодостаточно событийно.

От-мерять: со-общающее указание мира. От-мерять: достигать *мётров*.

Eignende Weisung — со-общающее указание, то есть указание, которое не отчуждается от того, на что указывает. Достигать меры — не измерять её извне, а входить в неё.

Так приходим, когда мы идём, мы, производящие.

Herstellenden — производящие, те, кто ставит перед собой цели и производит результаты. Даже в этом модусе бытия, когда мы действуем как производители, мы приходим к со-бытию — не вопреки, а через наше производство.

Когда мы значим и как? Когда мы достигаем удаления.

Gelten — значить, иметь ценность, быть в силе. Удаление (*Entfernung*) — то, что обычно противоположно близости. Парадокс: достижение удаления есть условие того, чтобы мы значили.

Близость присутствует как удаление в удалении.

Итоговая формула: близость не противоположна удале-

нию; она есть способ, каким удаление себя являет. Не близкое противопоставлено далёкому; близость есть далёкое как далёкое.

Ядро Сбытия и зерно мышления.

Ядро Сбытия становится зерном мышления.

Kern — ядро, семя, сердцевина. *Korn* — зерно, то, что может быть посеяно. Сбытие не есть нечто готовое; оно даёт себя как семя, которое должно быть посеяно на почву мышления.

Одинокó заканчивается ветер тишины в равнине сокровищницы. Борозды мира.

Hort — сокровищница, хранилище, тайное место. Ветер тишины — не противоположность буре, а её событийная основа. Борозды (*Furchen*) — следы плуга на поле мира. Мышление вспахивает, оставляя борозды, которые не исчезают после первого сезона.

Ἔόν: присутствующее.

Ἔόν: присутствующее — глагольное (verbal); греческое: во время в и в ἀλήθεια; т.е. при-времящее.

Автор обращается к греческому началу, чтобы высветить иной опыт бытия. *Eón* — причастие от *einai* (быть), то есть не имя, а глагольная форма. *Während* — во время, но также и длящееся, пребывающее. *An-während* — при-времящее, то, что присутствует как длящееся. *Alétheia* (несокрытость) есть пространство этого присутствования.

wesend: wesung (wesen) — присутствовать.

wesung — не существительное от *Wesen* (сущность), а глагольная форма: событие присутствования.

Ἔοντα: существующее: «существо»; присутствующие; «существа».

Множественное число *eónta* — присутствующие вещи, сущие. Автор ставит «существо» и «существа» в кавычки, показывая, что греческое слово не совпадает с латинским *essentia* и его производными.

Истинно-хранить колодец слова «со-бытие» — со-бытие: мир-ующее проис-хождение мира — его четверицы и их про-тив-стояния-друг-другу-над.

Wahre wahrnder — истинно-хранить, хранитель истины. Колодец (*Brunnen*) — неиссякаемый источник. Происхождение (*Her-kunft*) — не прошлое, а то, откуда мир приходит в своё событие. *Gegen-einander-Über* — против-стояние-друг-другу-над, сложное слово для обозначения отношения четырёх сфер четверицы.

Со-бытийствование и мение (*minne* — любовь, память).

Meinen — мнить, иметь в виду, но также и любить (средневерхненемецкое *minne*). Автор связывает событийствование с любовью-памятью — не сентиментальной, а событийной.

Язык: земное небо земли; мирская сфера мира.

Повторение ранее введённой формулы с добавлением «мирская сфера» (*weltische Sphäre*) — не трёхмерное пространство, а событийное поле.

Немногие подозревают что-то о мир-ующе-про-светляющей пра-силе языка. Что он станет собственностью из события.

Urgewalt — пра-сила, изначальная мощь. Собственность (*Eigentum*) здесь не владение, а то, что собственно принадлежит языку. Язык станет собственностью *из со-бытия* — то есть не через человеческое присвоение, а через событие, ко-

торое отдаёт язык ему самому.

Не-измыслимая близость его существа.

Unausdenkliche — не-измыслимая, не-домысливаемая до конца. Близость существа языка не может быть охвачена понятием.

То же самое мира и вещи; отсюда внезапность к обмену в I. ὄν.

Selbe — то же самое, не одинаковое. *Jähe zum Wechsel* — внезапность к обмену. I. ὄν — первое сущее (возможно, указание на Парменида или на первое начало в метафизике). То же самое мира и вещи требует внезапного обмена, который не есть диалектическое опосредование.

Мир как скрепа

Мир есть скрепа, в которой поворачивается четверица различия.

Angel — скрепа, петля, шарнир, но также и «скрепа» в смысле того, что соединяет подвижные части, позволяя им вращаться. Мир не есть нечто неподвижное; он есть скрепа, в которой четверица (*Vierung*) — земля, небо, смертные, божественные — поворачивается. Поворот (*sich dreht*) не есть вращение вокруг внешней оси; это вращение самой скрепы, которое и есть событие различия. Без этой скрепы четыре сферы рассыпались бы в несвязанное множество; скрепа удерживает их в различении и вместе-бытии.

Скрепа в-хождения. (Ядро Сбытия.)

Einkehr — в-хождение, возвращение домой, поворот внутрь. Скрепа не есть нечто внешнее, что связывает извне; она есть само в-хождение — событие, в котором мир возвращается к себе. Ядро (*Kern*) Сбытия (*Seyt*) — не скрытая сущность, а именно эта скрепа, это в-хождение. Автор фиксирует решение: Сбытие не имеет иного ядра, кроме своей собственной скрепной структуры.

В-хождение со-бытийствует близости.

В-хождение не приводит к близости как к результату; оно со-бытийствует (*ereignet*) близости — то есть даёт близости быть событием. Близость не есть расстояние, которое сокращается; она есть событие, совершающееся в в-хождении.

Достопамятное: то же самое мира и вещи.

Denkwürdige — достопамятное, то, что достойно мысли, что требует удержания в памяти, но не как прошлое, а как событие. То же самое (*Selbe*) мира и вещи — не их тождество, не их слияние, а их совместная принадлежность к одному событию. Мир и вещь не есть два, которые затем отождествляются; они суть то же самое с самого начала.

Памятник достопамятного.

Denkmal — памятник, то, что поставлено для воспоминания. Но достопамятное не нуждается в памятнике как внешнем знаке; оно само есть памятник. Мир и вещь, будучи тем же самым, уже суть памятник — не потому, что они напоминают о чём-то другом, а потому что они сами суть событие, которое требует мышления.

Забвение есть мир-забвение. Поворот не приносит ничего обратно, но впервые пред: охранение.

Welt-Vergessenheit — мир-забвение, не просто забвение мира, а забвение, которое принадлежит миру как его собственный модус. Поворот (*Kehre*) не есть восстановление

утраченного; он не возвращает того, что было забыто. Он впервые пред-носит (*vor-bringt*) охранение (*Wahrnis*) — то есть даёт событию быть охранением. Охранение не есть сохранение прошлого; оно есть событийное настоящее, которое никогда не было прошлым.

I–IV.

I–IV каждый раз в годах то же самое и так всем это самое себе в не-сказанную неизбежность тайны.

Римские цифры обозначают не хронологическую последовательность, а одновременность четырёх модусов того же самого. «В годах» (*in Jahren*) — не в календарных годах, а в эпохальном времени события. То же самое (*Selbe*) не повторяется; оно каждый раз есть это самое себе (*dies Selber*) — единичное, неповторимое. Не-сказанная неизбежность (*Unumgängliche*) — то, чего нельзя избежать, но что нельзя и высказать прямо. Тайна (*Ratsal*) — не загадка, а событийное сокрытие.

Мировая вещь: со-бытие раз-личия.

Welt Ding — не сумма мира и вещи, а их событийное единство. Мир не существует без вещи, вещь не существует без мира. Раз-личие (*Unter-Schied*) есть то, что их различает и соединяет в одном событии.

Вкраплены глыбы про-зора, но без исторического, без имён, без истории.

Eingestreut — вкраплены, как самородки в породе. Глыбы (*Blöcke*) — необработанные, массивные. Про-зор (*Einblick*)

— не взгляд извне, а событийное про-никновение в суть. Без исторического (*Historisches*) — не без событий, а без историографического нарратива. Без имён — не анонимность как утайка, а событийная без-именность. Без истории — история как последовательность фактов здесь не работает.

Сказание четырёх тетрадей.

Сказание четырёх тетрадей говорит в собеседовании языка. Оно не представляет и не предоставляет-ставляет.

Darstellen и *vorstellen* — два модуса репрезентации: первый — изображение, второй — представление в смысле полагания перед собой. Сказание отказывается от обоих. *Stellen* (ставить) — ключевое слово метафизики и техники (*Gestell*). Сказание не ставит ничего перед собой и не изображает ничего.

Оно в-со-бено в мѐтров мира.

Ein-geeignet — в-со-бено, приведено в свою собственность через событие. *Métron* (мера) — не количественная, а событийная. Сказание не измеряет мир; оно входит в меру мира, как входят в дом.

Сказывать есть соблюдение-меры в мѐтров событийствующего охранения.

Maß-halten — соблюдать меру, не выходить за пределы, но также и удерживать меру. Не активное измерение, а событийное пребывание внутри меры, которая сама себя дарит.

Позволять играть словам; не сдавливать. Они играют игру мира.

Spielen lassen — не контролировать, не принуждать к однозначности. Слова не инструменты; они играют. Игра (*Spiel*) — не произвол, а событийное движение, которое само себя упорядочивает. Игра мира — не метафора, а указание на способ бытия мира.

Совпадение в сказании.

Не-сказанное совпадение в сказании различия говорит отчётливее и хранительнее, чем любая дефиниция, которая необходимо выдает всё в представление.

Zusammenfall — совпадение, падение-вместе. Не-сказанное — то, что не произносится, но присутствует как условие произнесения. Дефиниция выдает (*preisgibt*) — предаёт, отдаёт во власть представления. Чем точнее дефиниция, тем дальше она от дела.

Но совпадение в том же самом остаётся мирским и противится всякой идентичности.

Совпадение — не логическое тождество, не слияние в неразличимость. Идентичность (*Identität*) — категория метафизики ($A = A$). То же самое (*Selbe*) не есть идентичное; оно включает различие внутри себя.

Из мира настраивает тишащая тишина не-сказанной неизбежности — в нём мир-ует отказ широкого предположения и далёкого знака, простой высоты и зрелого роста.

Stimmt — настраивает, как настраивают инструмент. Отказ (*Verzicht*) — не лишение, а событийное освобождение от притязаний. Далёкий знак (*ferner Wink*) — указание, ко-

торое не приближается к получателю, но остаётся далёким. Простая высота (*einfache Höhe*) — высота, не нуждающаяся в сложных конструкциях. Зрелый рост (*reifes Wachstum*) — органическое, не форсированное.

Одинокость мира определяется из тишащего со-бытийствования четверицы различия.

Einsamkeit — не изоляция, а событийная единичность. Мир одинок не потому, что он один, а потому что он не может быть замещён никаким другим. Четверица — земля, небо, смертные, божественные.

Одинокое: событийствовать сферически мир-ующее еди-нящее единое того же самого.

Sphärisch — сферически, как сфера, у которой нет внешнего и внутреннего в обычном смысле, но есть центр везде и нигде. *Einende* — единая, не унифицирующая, а собирающая в единство без уничтожения различий.

В-хождение про-зора тайны.

Einblick — про-зор, взгляд внутрь, но не субъективный, а событийный. Тайна не раскрывается, в неё входят.

Совпадение четверицы покоится в одинокости мира. Оно совершается в том же самом; здесь нет последовательности.

Отказ от темпоральности как последовательности. Четве-

рица не развёртывается во времени; она есть вместе-взятость (*Zumal*).

Вместе-взятость одиночества совпадения определяет сферическое кружение. Здесь одно не причиняет другое. Здесь нет также сознавательного причинения в смысле диалектического опосредования; например, между сбережением и свободным; между землёй и небом.

Автор фиксирует терминологическое решение против гегелевской диалектики. *Bewirken* — причинение, эффективность. *Dialektisches Vermitteln* — опосредование через отрицание и снятие. В мире нет причинно-следственных связей и нет диалектического опосредования. Земля и небо, сбережение (*Sparnis*) и свободное (*Freie*) не опосредуются друг через друга; они одновременно присутствуют в сферическом кружении.

Совпадение есть мирское падение четверицы в сферу различия.

Einfall — падение, но не катастрофа, а событие вхождения. Четверица «падает» в сферу различия — то есть обретает в нём свою событийную определённость.

Тишина и у-держание.

Тишина и у-держание. У-держание и изъятие.

Verhalt — у-держание, то, что себя удерживает, не выдавая сразу. *Entzug* — изъятие, уход. Тишина не противоположна изъятию; она есть способ изъятия.

Тишина тишит раз-лично в не-сказанную не-избежность — освобождая, сберегая, ширя в ширь, произрастая в горный хребет — тишит у-тайнивая — забывая.

Перечисление модусов тишания. *Verheytend* — у-тайнивая, от *Hehle* (убежище, тайник). Тишина не есть простое отсутствие шума; она есть событийное действие, которое освобождает, сберегает, расширяет, даёт расти и у-тайнивает.

В этом присутствует у-держание — что собственно событие как раз мирски удерживает себя.

An sich hält — удерживает себя, не расплывается. Событие не есть процесс, который можно наблюдать; оно удерживает себя в себе.

Лишь в у-держании из вместе-взятости образуются отношения.

Verhältnisse — отношения, но также и условия, обстоя-

тельства. Отношения не первичны; они образуются внутри у-держания.

Не-сказанная неизбежность.

Не-сказанная неизбежность «есть»: сокровищница; укрывающая, широчайшая, сокровеннейшая собирающая местность со-бытия — у-тайнивающее себя в забвение само со-бытие.

Hort — сокровищница, хранилище, тайное место. Местность (*Ortschaft*) не географическая, а событийная. Со-бытие у-тайнивает себя — то есть не скрывает себя от кого-то, а в своём существовании есть это у-тайнивание в забвение.

Одиночество и сокровищница; но мирски.

Не психологическое одиночество, не мистическая сокровищница. Всё — мирски (*weltisch*), то есть принадлежит со-бытию мира.

Сокровищница мира и тишина языка. Только мир, в сокровищнице со-бытийствования, одинок.

Мир не одинок сам по себе; он одинок, потому что он есть сокровищница, в которой со-бытийствование хранит себя.

В сокровищнице покоится со-бытийствование охранения. Сокровищница и у-держание. Мир есть сокровищница со-бытия.

Тождества: охранение (*Wahrnis*) покоится в сокровищнице; сокровищница есть у-держание; мир есть сокровищница со-бытия.

Отношения в у-держании забвения различия (О[хранение]) и соответствия в собеседовании языка.

Entsprechungen — соответствия, ответные соответствия, ключевое понятие для отношения человека к событию.

Равнина сокровищницы. Сокровищница тишины. Сокровищница: сокровенно-сберегающее: тайна. Сокровищница и пастырь. Пастырь как смертный.

Hirt — пастырь, хранитель. Смертный (*Sterbliche*) — человек, понятый не как разумное живое существо, а как тот, кто умирает и чья смертность есть событийная принадлежность к миру.

Сокровищница того же самого мира и вещи: пра-ствол не-сказанного различия забвения.

Urstock — пра-ствол, корневой ствол, от которого всё растёт. Не-сказанное различие забвения есть исток, но исток, который сам остаётся не-сказанным.

Соответствия.

В мирском собеседовании языка существуют соответствия со-бытия.

Wesen — глагол: существуют, присутствуют по-существу. Соответствия не привносятся извне; они существуют в самом собеседовании.

Соответствие и рас-своение. Соответствие существенно отлично от аналогии.

Аналогия — метафизическая категория (ср. *analogia entis* у Аристотеля и схоластики). Соответствие (*Entsprechung*) не есть пропорция или отношение подобия; оно есть событийная со-настроенность.

Поворот и то же самое.

Поворот хранит то же самое не-собственного и собственного забвения; хранит со-бытие уязвления запустения; мир-ует не-собственное собственного.

Uneigentlichen и *eigentlichen* — не-собственное и собственное, термины из «Бытия и времени». Забвение имеет два модуса, и поворот хранит их то же самое, не устраняя различия. Не-собственное собственного — собственное является в модусе не-собственного, не как противоположность, а как его собственный способ.

Поэтому в нём сохраняется дифференция (трансценденция) и различие выноса; сохраняется в видимости, которая упрочивается через говоренное представления (не через существо языка).

Дифференция (между сущим и бытием) и трансценденция (выход за пределы сущего к бытию) не отбрасываются, а сохраняются в повороте — но как видимость (*Anschein*), а не как истина. Эта видимость упрочивается (*verfestigt*) языком представления (метафизикой), а не существом языка.

Только в различии мир-ует то же самое. То же самое мира и вещи.

Раз-личие не есть нечто, что стоит между миром и вещью; оно есть то, в чём мир-ует их то же самое.

То же самое и своеение.

В мирски-различных [того же самого] хранит себя то же самое того, что поворот уязвляет и во что он это уязвляет.

Автор вводит рефлексивную структуру: то же самое хранит себя в том, что поворот уязвляет (*verwindet*). Уязвление не есть уничтожение; это есть переход из одной формы в другую.

Уязвление в свиве сферического мира.

Gewind — свив, навив, кручение; то, что свито вместе. *Splürischen* — сферического (вариант *sphärisch*). Мир свит в сферу; уязвление есть вхождение в этот свив.

С миром совместно-сущие в охранении и щажении чистое в-слышание в со-бытие и высочайшее предписание не-предписанного. Такое предписание более послушно, чем любой вид служения.

Selbig — совместно-сущие, то же самое, но как глагол: быть совместно-сущим. *Gelören* — в-слышание, принадлежность-через-слышание. Предписание (*Befehl*) не-предписанного — парадокс: то, что не приказывает, приказывает высочайшим образом. Послушание (*gehorsamer*) — не подчинение, а событийная со-настроенность.

Это то же самое укрывается в оставлении, которое легко выступает в видимости бездеятельной беззаботности.

Lassen — оставление, отпусkanie, позволение. Бездеятельная беззаботность (*untätigen Unbekümmernng*) — видимость, под которой укрывается то же самое. То, что выглядит как пассивность, есть высочайшая активность события.

То же самое и своеение. | Собственность | Своение и самое мое мира.

Eignen — своеение, присвоение, приведение к своему. Самое мое (*Selbsthafte*) — то, что имеет самую себя, но не как субъект, а как событийное.

Четверица мира-существа.

Открытая четверица мира-существа. Мир в языке. Язык в тишине.

Четверица не закрыта, не огорожена; она открыта. Мир не вне языка; он в языке. Язык не вне тишины; он в тишине.

Простое мышления покоится в музыке того же самого. Это (то же самое) мир-ует четырежды в различии; поэтому нет непосредственно простого.

Musik — музыка, не метафора гармонии, а указание на событийную слаженность, не сводимую к понятию. Простое (*Einfache*) не есть непосредственное (*unmittelbar*); простота достигается через четырёхкратное различие.

Сказывая родственное, всё существо в со-бытии, со-бытие же к миру. Сказывай язык. Он мир-ует.

Verwandte — родственное, то, что принадлежит к одному роду. Необходимо сказывать родственное, а не чужеродное. Язык не описывает мир; он мир-ует.

Язык есть земное небо мира — вместе с тем: родство бога и человека.

Земное небо — не трансцендентная сфера, а имманент-

ная возвышенность. Родство (*Sippschaft*) — не аналогия, а событийная принадлежность.

Свободное и непринуждённость.

Свободное: ширь непринуждённости щажения в различие.

Freie — свободное, открытое пространство. *Gelassenheit* — непринуждённость, отпущенность, спокойствие. Щажение (*Schonung*) — бережное обращение.

Непринуждённость: возвращающееся (в рас-своение) собрание в оставление различия в то же самое.

Непринуждённость не есть состояние; она есть возвращающееся собрание, которое удерживает различие, отпуская его в то же самое.

Оставление есть подлинное приведение-в-путь.

Zuwege-Bringen — приведение-в-путь, доставание, осуществление. Оставление не есть пассивность; оно есть высшая форма активности, которая не принуждает.

Четверица — не число.

Четверица не есть число. Она есть различно событийствующее то же самое мира. Однако Сбытие не имеет имени.

Четыре здесь не количество; это структура события. *Seyt* — сбытие, то, что совершается, не может быть названо, потому что всякое имя уже предполагает метафизическую предикацию. Автор фиксирует терминологическое решение: Сбытие остаётся без-ымянным.

Земля и опасность её существования.

Земля — с тех пор как планета завоёвывается как глобус, сущностная опасность земли, что её существо будет чисто отказано, возросла до высочайшей; ибо со всех сторон метафизика (забвение различия) способствует тому, что существо земли истолковывается ложно.

Planet и *Globus* — не просто небесные тела, а способы представления земли как объекта техники. Сущностная опасность (*Wesensgefahr*) — не угроза уничтожения, а угроза того, что существо земли будет *чисто отказано* (*rein verweigert*) — то есть полностью утрачено. Метафизика способствует (*verhilft*) ложному истолкованию, даже когда думает, что защищает землю.

Только мирски оно приходит к языку.

Irdische — земное, но не как противоположность небесному. Земное может прийти к языку только мирски (*weltisch*) — то есть через событие мира, а не через метафизические категории.

Земное $\neq$ сотворённое, также не противоположность небесному. И это также земное.

Земное не есть творение (божественное или челове-

ское). Небесное не противоположно земному; небесное тоже земное — то есть принадлежит событию земли.

Земля есть в себе мирски — и через мир на себя обратно-отнесённая; «самостное» — не из я-образного и рефлексированного представления — но самостное как мирское из различия.

Земля не есть материя или ресурс; она в себе мирски, то есть её существо есть событие мира. Обратная отнесённость (*zurückbezogen*) — не рефлексия, а событийная структура. Самостное не имеет ничего общего с субъективностью «я».

Свободное и сбережение.

Свободное вынуждает сбережение к себе прочь: $\uparrow W$. Сбережение врывается в свободное и увлекает его: $\downarrow$.

Стрелки указывают на встречное движение. *Sparnis* — сбережение, щадящее сохранение. Свободное и сбережение не находятся в покое; они вынуждают и врываются друг в друга.

Вынуждающий отрыв есть тишание. Тишина озвучивает язык. $\leftarrow W \rightarrow$ Тишание по-коит землю.

Wegriß — отрыв, вырывание. Тишание не есть молчание; оно есть событие, которое озвучивает язык — даёт языку звучать. *Be-ruht* — по-коит, успокаивает, даёт покой, но не как прекращение движения, а как его событийное основание.

Мир низвергается в свободное обитания.

Stürzt — низвергается, падает. Обитание (*Wohnen*) — не физическое проживание, а событийная принадлежность к миру.

Поворот забвения.

Забвение различия есть начально выпадение выноса. Забвение различия поворачивается в событийствующее мирование у-тайнивания.

Entfall — выпадение, не потеря, а событие, в котором вынос (*Austrag*) выпадает из себя. *Verheyerung* — у-тайнивание, сокрытие-как-убежище. Поворот забвения есть переход от выпадения выноса к мир-ованию у-тайнивания.

(Ug: не-сказанное не-избежное) (ср. примечания V, 70).

Ug — сокращение для *Ungesprochene Unumgängliche*.

Забвение различия: выпадение выноса. Различие забвения: мир-ование со-бытийствования.

Два модуса одного события. Первый: вынос выпадает (теряется различие). Второй: само забвение становится различием — то есть в нём начинает светить его собственное событие.

Оба вместе с поворотом заслоняются запустением.

Verstellt — заслоняются, преграждаются. Запустение (*Verwahrlosung*) не есть просто забвение; оно есть активное заслонение поворота.

У-тайнивание и исцельное.

У-тайнивание и исцельное. В-нут-реннее мира есть различие у-тайнивания.

Heile — исцельное, целое, неповреждённое. *In-wendige* — в-нут-реннее, не внутреннее как противоположность внешнему, а повёрнутое внутрь. Мир не имеет внешнего; его в-нут-реннее есть различие у-тайнивания.

Четырежды распростираясь, совместно-сущее есть мир.

Zerspreitet — распространяется в разные стороны, но не теряя единства.

Человек в оставлении.

При-сущий, обитающий человек — в оставлении как в деянии; ибо то дарует прибытие, это же занимается прохождением. Это производит в состоятельность, то отпускает к близости.

Двойное различие: оставление (*Lassen*) и деяние (*Tun*). Первое дарует прибытие (*Ankunft*), второе занимается прохождением (*Vergehen*). Производство в состоятельность (*Bestand*) — техника. Отпускание к близости — событие.

Поворот из «зрения» в «слышание». Превращение лика в слух. (Примечания V, 72)

Метафизика связана со зрением (теория, эйдос). Поворот переводит мышление в слух, который способен внимать тишине.

Мир и раннее.

Раннее — ἀλήθεια — есть более забытый мир-отзвук — первой подвижности тишины — и всё же уже внезапно забытое: без-охранное и преданное махинации.

Frühe — раннее, начало греческой мысли. *Alétheia* (нескрытость) была забыта не позднее, а уже в самом начале. Мир-отзвук (*Weltanklang*) — эхо мира, которое было слышно, но не удержано. Без-охранное (*wahr-los*) — лишённое охранения. Махинация (*Machenschaft*) — технически-вычисляющее отношение к миру.

Самостное и то же самое.

Самостное — «самость» (*καθ' αὐτό*) — определяется не из я-образного (ср. Бытие и время), а из мирского. Самость qua человеческое присутствует из свободного вот-бытия; есть мирское.

kath' hautó — «само по себе» у Аристотеля. Автор переопределяет самость: она не есть субъект, рефлектирующий себя. Она происходит из свободного (*Freye*) вот-бытия (*Dasein*) — из того, что *Dasein* есть открытое пространство, а не замкнутое я.

Самостна также земля.

Земля имеет самость — не как субъект, а как событийное средоточие.

Самостное и то же самое в | со-бытии |.

«Само-по-себе» присутствующего.

«Само-по-себе» присутствующего как забытый отзвук самостного мирского мира. Также «для-себя» — и всё затем перенесено в субъект-объектное-отношение представления.

An-sich и *Für-sich* — категории, введённые Кантом и развитые немецким идеализмом. Автор показывает их происхождение: они суть забытые отзвуки (*vergessener Anklang*) более изначального самостного мира. Метафизика переносит их в субъект-объектную схему, утрачивая их исток.

Единое и то же самое, со-бытие мира есть бедность расхождения в различии. Оно есть само малое.

Armut — бедность, не отсутствие, а событийная скудость, которая не нуждается в избытке. *Geringe* — малое, незначительное, но именно в этой малости — всё.

Собственность бедности (вещь/мир).

Бедность имеет собственность — не владение, а принадлежность к вещи и миру.

Кто мыслит это единое, легко попадает в подозрение, что он притязает знать всё. Но единое не есть ни всё, ни пустота.

Автор защищается от возможного непонимания. Единое

не есть тотальность (всё) и не есть нигилистическая пустота.
Оно есть малое, которое не знает себя как всё, но и не есть
ничто.

Чтобы мы стали сознавать забвение Сбытия.

Чтобы мы стали сознавать забвение Сбытия (Ss), мы должны сначала забыть сущее в его бытии; т.е. отрешиться от того, что мы гонимся только в обмене сущего и бытия, который заслоняет от нас вынос.

Inne werden — стать сознающим, внутренне воспринять. Парадокс: чтобы сознавать забвение, нужно сначала забыть (*vergessen*) сущее в его бытии — то есть выйти из привычного обмена (*Wechsel*) между сущим (вещами) и бытием (их общим признаком). Этот обмен есть работа метафизики, которая всё время переходит от сущего к бытию и обратно. Вынос (*Austrag*) — то, что несёт и разносит, событийное различие — заслонён (*verdeckt*) этой циркуляцией. Отрешиться (*entschlagen*) — не просто отказаться, а высвободиться из захваченности.

Мир со-сваивает Сбытие, как которое человеческое-существо использовано, не в меньшей мере, чем сбережение божественности.

Vereignet — со-сваивает, приводит к собственному через событие. Сбытие (Ss, сокращение для *Seyn* или *Seyt*) не

есть нечто, чем человек распоряжается; человек *использован* (*gebraucht*) Сбытием. То же самое относится к сбережению (*Sparnis*) божественности — бережному хранению божественного. Ни человек, ни бог не господа над Сбытием; оба использованы им.

С-бытийствует (*Sreignet*), со-сваивая в мир, который, мируя, рас-сваивает различие в не-сказанное не-избежное.

Sreignet — вариант написания *ereignet* (со-бытийствует) с начальным *S*, указывающим на связь с *Seyn*. Со-бытие со-сваивает себя в мир; мир, мируя, рас-сваивает (*enteignet*) различие — то есть отпускает его в не-сказанную неизбежность. Не-сказанное (*Ungesprochene*) и не-избежное (*Unumgängliche*) — два измерения одного: то, чего нельзя избежать и что нельзя высказать прямо.

Шаг назад человека и промах божественности.

Шаг назад (человеческого-существа) и промах (божественности) — одновременно уравнивание земли и неба в предметное махинации из запустения — разрешают.

Schritt zurück — шаг назад человека из метафизического господства. *Fehl* — промах, неудача, ошибка божественности, её неспособность явиться как божественное. Уравнивание (*Einebnung*) земли и неба — сведение их к предметам (*Gegenständige*) махинации (*Machenschaft* — технически-вычисляющего отношения). Запустение (*Verwahrlosung*) — состояние, в котором различие забыто. Всё это *разрешают* (*lösen*) — не отменяют, а высвобождают, дают событию произойти.

Так впервые собственно игра мира.

Игра (*Spiel*) — не произвол, а событийное движение, которое само себя упорядочивает. Игра мира не начинается после шага назад и промаха; она есть их событийное единство.

Сбытие не есть нечто, что сначала было абсолютным, а затем когда-то по какой-либо причине или без-основанию изъывается и рас-ъывается.

Полемика с гегелевским пониманием абсолюта, который сначала есть в себе, а затем переходит в инобытие и возвращается к себе. *Ab-solut* — от-решённое, от-вязанное. *Entäußert* — рас-ъявляется, отчуждается. Сбытие не есть субстанция, которая затем проявляется. Оно есть событие с самого начала.

Бы-вщее Сбытия есть со-бытие различия.

Ge-wesen — бы-вщее, то, что было, но не как прошлое в линейном времени, а как событийная основа. Приставка *ge-* указывает на собранность, завершённость. Бы-вщее Сбытия — не его прошлое состояние, а его существо как собранного события.

Простое мира.

Ein-fältige — простое, но не как противоположность сложному, а как складка (*Falte*), которая не развёртывается в множество.

Тишина и настраивание.

Тишина тишит звучание в звук. Это тишание есть настраивание.

Klingen — звучание, как процесс. *Klang* — звук, как свершившееся. Тишина не есть отсутствие звука; она есть то, что превращает разрозненное звучание в единый звук. *Stimmen* — настраивать, но также и «быть верным», «соответствовать».

Настраивание настраивает прочь. От-настраивая, оно определяет.

Stimmt ab — настраивает прочь, отклоняет, даёт тон, который исключает другие тона. Определение (*Bestimmen*) здесь не есть логическая операция подведения под род; оно есть событийное настраивание.

Определение присутствует из тишины со-бытия — не из *determinatio* логического $\delta\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\upsilon\nu$, которое относится сначала и уже к $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$.

Автор фиксирует терминологическое решение против аристотелевской традиции. *Horizein* — ограничивать, определять, устанавливать границы; *eidos* — вид, форма. Логическое определение всегда уже относится к виду, к форме.

Определение же из тишины со-бытия не имеет дела с видами и родами.

Настраивание есть голосу тишина.

Голос (*Stimme*) не есть нечто, что производит тишину; голос есть тишина — то есть тишина даёт голосу быть голосом, а не шумом.

Голос и настроение. Примечания V, 87 и далее, 142.

Stimmung — настроение, но также и настрой, лад. Голос и настроение принадлежат друг другу; настроение есть способ, каким голос звучит из тишины.

Звук и язык. Язык звучит. (Примечания V, 72)

Язык не есть система знаков; он звучит. Звучание языка не сводится к акустике; это событийное звучание, в котором мир себя сказывает.

Звук и мир. Сокрытый звук и письмо.

Звук принадлежит миру, не как свойство, а как событие. Сокрытый (*geborgener*) звук — тот, что не дан непосредственно, но хранится в письме. Письмо не записывает звук; оно даёт сокрытому звуку быть.

Звук есть нечто иное, чем просто звучание, которое производится в говорении (шум). В звуке звучит голос тишины.

Laut — звучание, фонема. *Schall* — шум, акустическое событие. Звук (*Klang*) — не физическое, а событийное. Голос тишины — не метафора; тишина говорит, но не как источник, а как событие.

Сказание есть звук продуманного, не озвучивание речевого процесса.

Сказание (*Sage*) не есть озвучивание (*Verlautbarung*) — производство звуков, соответствующих мыслям. Продуманное (*Gedachte*) звучит в сказании, но не как продукт мышления, а как событие.

Тишина есть пра-вечно в сказании мышления. Язык событийствует тишину. Тишина есть сокровищница.

Urkundlich — пра-вечно, изначально-свидетельственно. Язык не производит тишину; он событийствует её — даёт ей совершиться. Сокровищница (*Hort*) — место хранения, но не склад, а событийное средоточие.

Язык хранит и даёт произрастать и приходить в упадок и выпадать уже «в тиши» продуманное (всё через однозначность).

Четыре модуса языка: хранение (*wahrt*), произрастание (*läßt gedeihen*), упадок (*verfallen*), выпадение (*entfallen*). Всё это совершается «в тиши» — не как в тихом месте, а как событийная стихия. Однозначность (*Eindeutigkeit*) — требо-

вание метафизики и науки — убивает это четырёхмодусное движение.

«В тиши» не только также принадлежит к языку — но в нём присутствует существо языка — также его звук — ибо его звук есть голос Сбытия (*Wh.* — возможно, *Wahrnis*).

«В тиши» (*im Stillen*) — не локальное определение, а событийное. Существо языка есть тишина. Звук языка есть голос Сбытия. *Wh.* — вероятно, *Wahrnis* (охранение).

Тишина тишит со-бытие в мир.

Тишина слова есть мир-ующий просвет со-бытийствования.

Lichtung — просвет, расчистка в лесу. Тишина слова не есть закрытость; она есть открытость, но открытость, которая не ослепляет, а даёт видеть через просвет.

Слово просветляет различие; ибо оно тишит тишину мира.

Слово не создаёт различие; оно просветляет его — даёт ему быть видимым в просвете. Тишит (*stillt*) — не уничтожает, а успокаивает, приводит в событийный покой.

Ясность есть звон тишины. Всякая тишина про-ясняет — от-звучивает в вещи.

Helle — ясность, светлота. *Hall* — звон, резонанс. Тишина не беззвучна; она звонит, но этот звон есть ясность. *Verhellt* — про-ясняет, но также и за-свечивает, делает неясным через избыток света. *Verhallt* — от-звучивает, затихает, оставляя след в вещи.

Мировой звон. Тишина да слышится, но как тишина.

Welthall — звон мира, не акустический, а событийный.

Тишина должна слышаться (*erklinge*) — то есть не оставаться беззвучной, но и не превращаться в шум. Она слышится *как тишина* — то есть в своём отличии от звука.

Всякий образ и образованность покоятся в без-образном тишины.

Bild — образ, картина. *Gebild* — образованность, формация, культура. Всё это покоится в без-образном (*Bildlosen*) — не в бесформенном хаосе, а в событии, которое не может быть схвачено как образ.

Тишина собирает. Её собирание отпускает в непринуждённость.

Собирание (*Versammeln*) не есть принуждение к единству; оно отпускает (*entläßt*) в непринуждённость (*Gelassenheit*) — в событийное спокойствие, которое не сковано.

Язык как пра-весть пра-дела.

Язык как сказание забвения различия.

Забвение различия не есть тема, о которой можно рассказать; язык как сказание и есть это забвение, событийно.

Пра-дело есть четырёх-складный спор мира, как который, со-бытийствуя собственность, вещь присутствует.

Ur-Sache — пра-дело, изначальная причина, но не причинность, а событие. *Vierfältige Streit* — четырёх-складный спор (земли, неба, смертных, божественных). Спор не есть конфликт, а событийная напряжённость, в которой вещь обретает свою собственность и присутствует.

Светлое из ясности, ясность из звона. Звон из тишины, тишина из мира.

Цепочка происхождения: мир → тишина → звон → ясность → светлое. Не причинная, а событийная. Мир тишит себя в тишину; тишина звонит; звон даёт ясность; ясность делает возможным светлое.

В просветлённом мы обитаем слыша.

Lichten — просветлённом, том, что стало просветом. Обитание (*wohnen*) не есть пребывание в пространстве; это со-

бытийное слышание. Мы не сначала обитаем, а затем слышим; обитание есть слышание.

Обитание и привычка.

Обитание и привычка: повседневное разлагает существо. Чем? Присутствие теряет прибывающее.

Gewohnheit — привычка, обычай, но не в положительном смысле обычая (*Brauch*). Повседневное (*Alltägliche*) разлагает (*zersetzt*) существо, потому что оно делает присутствие (*Anwesen*) привычным, лишая его прибывающего (*Ankünftige*) — того, что прибывает как событие.

Существо есть то же самое. То же самое попадает в видимость без-различного; это становится пустым; пустое отказывает в любой опоре и делает вялым. Вялость порождает пресыщение. Оно отвергло то же самое и отрезало себя от всего происходящего.

Einerlei — без-различное, однообразное, то, что не содержит различия. То же самое (*Selbe*) подменяется без-различным; без-различное пусто; пустота не даёт опоры (*Anhalt*) и делает вялым (*ermattet*). Вялость (*Mattigkeit*) порождает пресыщение (*Überdruß*) — не физическое, а событийное отвращение. Пресыщение отвергает то же самое и отрезает себя от происходящего (*Herkünftigen*) — от того, что приходит из истока.

Обитание как пребывание-внутри в удалении.

Innebleiben — пребывание-внутри, не как статичное нахождение, а как длящееся удержание. Удаление (*Entfernung*) — не расстояние, которое нужно преодолеть, а событийная даль, в которой обитание пребывает.

Всякое со-бытийствование проходит через свободное. Его обитатели однако щадят сбережение.

Freye — свободное, открытое пространство. Обитатели (*Bewohner*) — те, кто обитает в свободном. Они не используют его, а щадят (*schonen*) сбережение (*Sparnis*) — бережно хранят то, что сберегает себя.

Всякое со-бытийствование мир-ует различно.

Со-бытийствование не есть единообразный процесс; оно каждый раз мир-ует (*weltet*) различно (*unterschiedlich*) — то есть производит различие.

Поскольку со-бытие единственно нераздельно сохранено в не-сказанное не-избежное, оно одно сообщающе в образе мир-ования.

Ungeteilt — нераздельно, не рассечено на части. *Mit-teilend* — сообщающе, делящее-с-кем-то, но не как передача информации, а как событийное со-участие. Сообщает только со-бытие, и сообщает оно в образе (*Weise*) мир-ования — то есть тем, что мир-ует.

Простое и складка.

Простое, складка, вздымает и складывает в «образе» «существа» как со-бытийствование. (Простое не есть пустота без-определенного, причём определенное представляется как особенное обособления общего.)

Einfache — простое. *Einfalt* — складка, но также и просто-та как собранность. *Facht und faltet* — вздымает и складывает (как веер или складку ткани). Существо (*Wesen*) здесь в кавычках — не сущность, а событие. Простое не есть пустота неопределённого, которое затем определяется через общее и особенное. Это критика гегелевской диалектики: определённое не есть результат обособления общего; простое не есть абстрактное.

Повторение простого.

Ещё остаётся это единое: из каждый раз более глубокого источника простого повторять: Сбытие (Sst) есть со-бытие различия. (Примечания V, 72)

Повторение (*wiederholen*) — не копирование, а событийное возвращение к истоку. Более глубокий источник — не хронологически более ранний, а событийно более исконный.

Различие да мир-ует.

Повелительное (*welte*) — не команда, а событийное позволение. Различие не управляет миром; оно даёт миру быть мир-ующим.

Пра-весть мира есть язык. → Пра-весть со-бытийствует в не-сказанном не-избежном.

Стрелка указывает на движение: от пра-вести мира (язык) к её со-бытийствованию в не-сказанном. Язык не есть средство; он есть пра-весть.

Не-сказанное не-избежное — тайна игры зеркала тишины.

Ratsal — тайна, загадка, но не требующая разгадки. *Spiel des Spiegels* — игра зеркала, отражение, которое не удваивает

предмет, а создаёт событие. Тишина зеркально играет сама с собой.

Ничего логического и ничего фактического здесь не предполагается; пред-посылки не имеют здесь места, ибо здесь не местность предложений.

Логическое и фактическое — два столпа метафизического мышления. Пред-посылки (*Voraussetzungen*) требуются для построения систем. Здесь нет местности (*Ortschaft*) предложений (*Sätze*), потому что событие не есть предложение.

Никакой системы не строить; никакого полагающего субъекта не полагать; нигде подступа, где «простое» событие.

Система требует субъекта, который полагает (*setzt*) основания. *Ansatz* — подступ, начальная точка, предположение. Даже для «простого» события нет подступа — не потому, что его нет, а потому что оно не может быть взято как пред-посылка.

Бытие и иметь.

Бытие и иметь: всякое иметь есть Сбытие.

Sein und Haben — традиционное различие (быть ≠ иметь). Здесь оно переворачивается: всякое иметь (обладание, владение, принадлежность) есть Сбытие — событие, а не состояние.

Мир-ование есть игра зеркала тишины.

Повторение и усиление: мир-ование не есть производство; это игра, отражение, в котором ничто не удваивается, но всё событийно присутствует.

Конечность Сбытия — это есть: четверица мира; означает: в Сбытии есть различие игры зеркала; однако это отнюдь не означает: бытие стоит под богом — ибо и бог принадлежит в Сбытие и присутствует из четверицы.

Конечность (*Endlichkeit*) не есть недостаток; она есть четверица. Различие игры зеркала не есть иерархия. Бог не стоит над Сбытием и не является его основанием; бог принадлежит в Сбытие (*gehört in das Sst*) и присутствует из четверицы — то есть из того же события, что и земля, небо и смертные. Автор фиксирует терминологическое решение против теизма и пантеизма: бог не есть верховное сущее и не есть

тождественный миру.

Мировая веретено.

Мировая веретено; скрещена в четверицу.

Welt-Spindel — мировая веретено, образ из «Государства» Платона (которое вращает космические сферы). Здесь веретено скрещено (*gekreuzt*) в четверицу — не плоскостное, а пространственное пересечение четырёх линий.

Экстатическое вот-бытия.

Экстатическое вот-бытия и соответственно экзистенции есть лишь обращённый к человеческому-существу передний план четырёх-и-мир-ующего различия.

Ekstatische — экстатическое, вы-ступающее из себя, характерное для Dasein в «Бытии и времени». Здесь оно низводится до переднего плана (*Vordergrund*) — не обманчивой видимости, но не самого существа. Четырёх-и-мир-ующее различие — различие, которое мир-ует как четырёхчастное.

Экстатическое присутствует событийно в мир-овании.

Экстаз не есть свойство субъекта; он есть событийное присутствие в мир-овании.

Мир-ование борется в квадратуре в-повёрнутого забвения. Эта мир-ность со-существует то же самое различия.

Ringt — борется, как в борьбе, которая не стремится к победе, а есть способ бытия. *Quadratur* — квадратура, построение квадрата, равновеликого кругу; здесь — образ для события, в котором четырёхчастность обретает свою меру. В-повёрнутое забвение (*eingekehrte Vergessenheit*) — забвение, которое повернулось внутрь, стало в-хождением. Мир-ность (*Weltnis*) — событийность мира.

В этом же самом однако присутствует единственно самое со-бытия.

Selber — самое, субстантивированное «сам». Не самость субъекта, а событийная самость.

Это со-бытие-самое есть более существенное, чем любая самость: самостное «я» и «ты».

Ereignis-Selber — со-бытие-самое. Любая самость (Ich, Du) есть лишь ослабленная производная от этого событийного самого.

Самое есть собственность (как царственность) со-бытия — мир-ующий мир не-сказанного не-избежного.

Königtum — царственность, достоинство царя. Не владение собственностью, а событийное достоинство быть самим собой. Мир-ующий мир — тавтология, подчёркивающая, что мир не есть нечто статичное.

Четверица мира не объединена.

Четверица мира не объединена в со-бытии различия и тем самым впервые объединена, но она единое, и притом единое, потому что со-бытийствует.

Ver-einigt — объединена (приставка *ver-* указывает на завершённость действия). Четверица не есть разрозненное множество, которое затем получает единство извне. Она есть единое (*Eines*), потому что она со-бытийствует.

Еди-ность тоū ēv присутствует из со-бытия; не наоборот.

Ein-heit — еди-ность, единство. Греческое *to hen* (единое) не есть первое начало, из которого происходит всё остальное. Еди-ность присутствует из со-бытия. Автор переворачивает платоновско-неоплатоническую схему: не единое порождает бытие, а со-бытие даёт быть единому.

В со-бытии присутствует есть (*istic*) (есть его «есть») Сбытие (*Sy*). Не-измыслимо со-бытийствование —; никакое «становление» сначала и уже не предшествует всякому «иметь».

Istic — архаичная или неологизмированная форма глагола «есть», указывающая на событийность предикации. Сбытие (*Sy*) есть в со-бытии, но это «есть» не может быть понято из

становления (*Werden*) или из иметь (*Haben*). Со-бытийство-
вание не-измыслимо (*unausdenklich*) — не может быть до-
мыслено до конца.

Мышление как сказание различия.

Мышление есть сказание различия. Мышление говорит четырёх-смысленно. Но это не распадается, а едино в событийствующем мир-овании.

Vierdeutig — четырёх-смысленно, имеет четыре смысла, но не как двусмысленность (порок), а как событийное изобилие. Четыре смысла не распадаются (*zerfällt*) в бессвязность; они едины в мир-овании.

Четверичное однозначного есть само мир-ование; не однозначное дефиниции только пред-ставленного в понятии.

Однозначное (*Eindeutige*) здесь — не противоположность многозначности, а событийное единство, которое выше дихотомии однозначности/многозначности. Дефиниция имеет дело с пред-ставленным (*Vorgestellten*) в понятии (*Begriff*). Мир-ование не есть понятие.

Четверичное есть существующее; от мышления требуется более исконная простота, которая никогда не может быть получена через объяснение слов.

Wesende — существующее, то, что пребывает по-существу. Исконная простота (*ursprünglichere Einfachheit*) не достигается этимологией или семантическим анализом

(*Wörtererklärung*).

Однозначное вспоминающего мышления никогда не может быть представлено как предмет.

Вспоминающее мышление (*andenkendes Denken*) не имеет объектов; его однозначность не есть свойство, которое можно было бы представить.

В четырёх-смысленно мир-ующей однозначности того же самого есть ясное и тёмное вместе-взято, свет и тень.

Zumal — вместе-взято, одновременно. Ясное и тёмное не исключают друг друга; они принадлежат одному событию.

Тишина тишит четырёх-грубую мир в простое.

Vierschrötige — четырёх-грубая, четырёх-глыбистая, массивная в своей четверичности. Тишина не разрушает эту грубость; она тишит её — приводит к спокойствию, в котором простое может явиться.

Тишина со-бытийствует слово.

Тишина со-бытийствует слово. Слово со-мир-ует язык. Язык есть собеседование мира. Собеседование дарует говорённое. Говорённое уязвляет речь и молчание.

Erweltlet — со-мир-ует, делает мир-ующим. Слово не принадлежит языку как его элемент; слово со-мир-ует язык — то есть даёт языку быть мир-ующим. Говорённое (*Gesprochene*) уязвляет (*verwindet*) и речь (*Reden*), и молчание (*Schweigen*) — не уничтожает их, а преодолевает их противоположность.

Где идёт сказание различия? Как мышление со-своено в мир?

Вопросы остаются открытыми. Сказание различия не есть деятельность, которую можно локализовать. Мышление со-своено (*vereignet*) в мир — то есть не принадлежит себе, а приведено к своей собственности через мир. Ответ на эти вопросы не может быть дан в форме утверждения; он может быть только событийно свершён в самом мышлении.

Вопросы об истине языка.

Какая истина лежит в языке? Что означает в этом вопросе «истина», что означает «язык»? Какой кредит даёт словоупотребление? Кто или что «использует»? Что предлагает предание? Как передаёт себя язык? Ср. примечания V, 97.

Автор ставит под вопрос саму возможность традиционного вопрошания об истине языка. *Kredit* (кредит) — доверие, которое мы оказываем слову, когда полагаем, что оно указывает на нечто истинное. Словоупотребление (*Sprachgebrauch*) не есть нейтральная данность; оно уже предполагает некоторое понимание того, кто или что «использует» (*braucht*) язык. Предание (*Überlieferung*) — способ, которым язык передаёт себя от поколения к поколению. Вопрос «как передаёт себя язык?» отсылает не к механизмам трансляции, а к событийному само-передаванию языка, которое не совпадает с исторической традицией. Отсылка к примечаниям указывает, что эти вопросы остаются открытыми и требуют иного способа мышления, нежели метафизический.

Мышление как памятование со-бытия.

Мышление: памятовать со-бытие: принадлежать со-сво-
енным в рас-своение к зеркалу тишины.

Gedenken — памятовать, помнить, но не как воспоминание о прошлом, а как событийное удержание в мысли. Со-бытие (*Er-eignis*) не есть предмет, который можно представить или пережить (*Erleben*). Ему можно только *памятовать*, то есть принадлежать ему в модусе со-своенности (*vereignet*) в рас-своение (*Enteignis*). К зеркалу тишины (*zum Spiegel der Stille*) — не как к цели, а как к событийной стихии.

Не: мыслить со-бытие в смысле представления или переживания; но: памятовать со-бытие, будучи забытым в рас-своение.

Автор фиксирует решительное различие. Представление (*Vorstellen*) и переживание (*Erleben*) — два модуса метафизического отношения к событию. Памятование же есть парадокс: оно требует быть забытым (*vergessen*) в рас-своение. Забвение здесь не есть недостаток; оно есть событийный способ принадлежности.

Язык — собеседование мира.

Язык есть собеседование мира. Он говорит из игры зеркала тишины. Собеседование не опредмечивает.

Повторение основного тезиса с добавлением: игра зеркала (*Spiel des Spiegels*) — событие, в котором ничто не отражается как предмет, но всё событийно присутствует в своём различии. Опредемчивание (*Vergegenständlichung*) — операция метафизики и науки.

Если мы полагаем, что говорённое есть только высказанное высказывания и это высказывание как предложение производит предметное полагание, если мы сообразно с этим взваливаем на язык, что он только опредмечивающе сказывает сущее, тогда мы предполагаем, всякое означивание есть представление; тогда мы привносим нашу привычку поспешного представления в существо языка.

Aussage — высказывание, суждение. *Satz* — предложение, как логическая единица. *Gegenständliche Setzen* — предметное полагание, операция, посредством которой высказывание создаёт предмет (в кантовском или раннем феноменологическом смысле). *Bedeuten* — означивание, отсылка к значению. Привычка поспешного представления (*Gewohnheit des eiligen Vorstellens*) — не психологическая черта, а мета-

физическая установка, которая всегда уже интерпретирует язык как репрезентацию.

Но существо языка есть мирское. Пока Сбытие остаётся забытым, язык есть жертва нашего представления.

Weltisch — мирское, принадлежащее событию мира, а не субъект-объектной схеме. Жертва (*Opfer*) — не просто инструмент, а то, что приносится в жертву чуждой власти. Представление приносит язык в жертву, превращая его в средство.

Со-бытие приносит мир.

Со-бытие приносит мир. Его четверица рас-сваивает различие.

Bringt — приносит, не производит, не создаёт. Со-бытие не есть причина мира; оно есть его принесение. Четверица рас-сваивает различие — то есть отпускает его, не удерживает как нечто своё.

Рас-своеение вы-рывает непринуждённость зеркала.

Entringt — вы-рывает, как вырывают из захвата. Рас-своеение не создаёт непринуждённость (*Gelassenheit*); оно вырывает её из того, что её удерживает (из метафизического присвоения). Непринуждённость зеркала — зеркало не есть инструмент; оно непринуждённо отражает, не принуждая.

Что есть бытие? — Что Сбытие есть.

Что есть бытие? Что Сбытие есть. Но «есть» определяется с этим «что» прежде из Сбытия. В «что» присутствует внезапность мира. (Примечания V, 72)

Вопрос «что есть бытие?» — основной вопрос метафизики. Ответ: *что Сбытие есть (daß Seyt ist)* — не сущность, а факт события. Но само «есть» (*ist*) определяется из этого «что» (*daß*). В «что» присутствует внезапность (*Jähe*) мира — не постепенное развёртывание, а событийный рывок. Автор фиксирует терминологическое решение: бытие не есть сущее, даже высшее; оно есть событийность, которую можно уловить только через «что».

Вспоминание как возвращение.

Вспоминание есть возвращение. Оно идёт в бы-вшее. Однажды должно поэтому уже «существо», что Событие есть, покоиться собранным в своём охранении.

Andenken — вспоминание. *Rückkehr* — возвращение, не в прошлое, а в бы-вшее (*Ge-Wesen*) — собранное существо события. *Einst* — однажды, не во времени, а в событии. Существо (*Wesen*) События, что оно есть, должно уже покоиться собранным (*versammelt*) в охранении (*Wahrnis*). Вспоминание не создаёт это охранение; оно возвращается к нему.

Возвращение есть наше в-хождение в поворот забвения различия.

В-хождение (*Einkehr*) — не действие субъекта, а событие, в котором мы оказываемся. Поворот (*Kehre*) не есть нечто, что происходит с забвением; забвение различия само есть поворот.

Памятовать Сбытие означает: что мы из бы-вшего достигаем обитания в прибытие поворота.

Из бы-вшего (*aus dem Ge-Wesen*) — из собранного существа события. Достигаем обитания (*Wohnen*) — не как места проживания, а как событийной принадлежности. Прибытие

(*Ankunft*) поворота — поворот не есть прошлое или будущее; он прибывает как событие.

Сбытие мыслить — иное.

Сбытие мыслить означает, среди прочего: более не искать Сбытие как бытие в качестве сущности (εἶδος) в противостоянии представления, но впускать сказание мира в покой со-бытийствования; ещё скорее: испытывать Сбытие в этой в-пущенности в мир.

Сущность (*Seiendheit*) как *eidōs* (вид, форма) — основа метафизики от Платона до Гуссерля. Противостояние (*Gegenüber*) — структура представления: субъект представляет противостоящий ему объект. Впускать (*einlassen*) — не активное действие, а событийное позволение. Покой (*Ruhe*) со-бытийствования — не бездействие, а событийная непринуждённость. В-пущенность (*Ein-Gelassenheit*) в мир — состояние, когда мы отпущены в мир и мир отпущен в нас.

Мир как непринуждённость вещи.

Мир не есть сумма вещей; он есть способ, каким вещь непринуждённо пребывает в своей вещности.

Вспоминать: принадлежать прибытию.

An-denken — вспоминать, но здесь: направлять мысль к прибытию (*Ankunft*) как к событию, которому мы принадлежим.

Что есть, если различие ещё не недостаёт?

Что есть, если различие ещё не недостаёт? Тогда есть забвение. Это ещё-не-недоставање есть отказывающе со-бытийствовано из него.

Игра слов: *das Mißliche des Unterschieds* — то, что в различии может недоставать, быть ущербным. *Vermißt* — недостаёт, не хватает. Если различие ещё не недостаёт (то есть не ощущается его отсутствие), то есть забвение. Но это «ещё-не-недоставање» не есть простое отсутствие; оно отказывающе (*verweigernd*) со-бытийствовано из самого различия.

Недоставаемое различия состоит в раннем в том, что присутствие и присутствующее в *öv* проходят мимо друг друга и одно тем не менее замещает другое, и обмен остаётся сокрытым.

В ранней греческой мысли (*Frühe*) присутствие (*Anwesen*) и присутствующее (*Anwesende*) в *öv* (сущем) проходят мимо друг друга (*aneinandervorbei wesen*) — не встречаются событийно. Одно замещает (*ersetzt*) другое, и этот обмен (*Wechsel*) остаётся сокрытым. Так работает метафизика: бытие и сущее меняются местами, но само различие не становится явным.

Недоставать: не давать пройти мимо, в «при» присутствия удерживать существующее как отсутствующее, удерживая, присутствовать к нему — ср. 94.

Vermissen — недоставать, но здесь: активно удерживать то, что иначе прошло бы мимо. «При» (*Bei*) присутствия — то, что делает присутствие присутствием. Удерживать существующее (*Wesende*) как отсутствующее (*Abwesendes*) — парадокс: отсутствующее не перестаёт быть отсутствующим, но оно удержано в этом качестве. Присутствовать к нему (*anwesen zu ihm*) — быть в событийном отношении к отсутствующему.

Ἀλήθεια и поворот.

Может ли не-сокрытость не-сокрытого быть представлена как непосредственность, поскольку её место и тем самым она как место (со-бытийствовавшее) ещё не представлена и остаётся забытой в пользу восприятия присутствующего?

Unverborgenheit des Unverborgenen — не-сокрытость не-сокрытого, то есть истина самой истины. Непосредственность (*Unmittelbarkeit*) — философское понятие (у Фихте, Гегеля, раннего Хайдеггера). Вопрос: можно ли понять истину как непосредственное усмотрение? Место (*Stätte*) не-сокрытости ещё не представлено; оно остаётся забытым, потому что внимание сосредоточено на восприятии (*Vernehmen*) присутствующего сущего.

Или должен всякий взгляд на средство и опосредованность и опосредование, должна субъектность само-сознания представления здесь отсутствовать?

Альтернатива: если истина не есть непосредственность, то она не есть и опосредованность (диалектическая, как у Гегеля). Субъектность (*Subjektivität*) само-сознания (*Selbstbewußtseins*) — основа новоевропейской метафизики от Декарта до Гегеля. Автор предлагает: всё это должно отсутствовать (*wegbleiben*) — не быть отвергнутым, а просто

не иметь места.

Иного существа есть забывание выноса и тем самым со-бытийствования, тем самым уже сокрывающе-сберегающего принесения просвета и его охранения (Свободного).

Vergessen — забывание, не как пассивное состояние, а как событийный модус. Вынос (*Austrag*), со-бытийствование, принесение (*Bringen*) просвета (*Gelichtes*) — всё это имеет иное существо, чем опосредованность или непосредственность. Свободное (*Freie*) — открытое пространство.

Это забывание как (со-бытие) запустения.

Забывание не есть недостаток; оно есть со-бытие запустения (*Verwahrlosung*). Запустение не есть просто упадок; оно событийно.

Непринуждённость — более не человеческая установка.

Непринуждённость, теперь уже не имя для человеческой установки в отношении к существу — но мир-ование рас-своения.

Автор фиксирует решительный поворот. Ранее (в «Беседах на просёлочной дороге» и др.) *Gelassenheit* описывалась как человеческая установка. Теперь это имя уже не для установки (*Haltung*), а для мир-ования (*Welten*) самого рас-своения. Непринуждённость не есть то, что человек может практиковать; она есть событие.

Кольцо четверицы.

Кольцо четверицы вы-рывается из скрещённого мирового веретена в тишину.

Ring — кольцо, круг. *Entringt sich* — вы-рывается, освобождается из захвата. Мировое веретено (*Weltspindel*) скрещено (*gekreuzten*) — не круглое, а с пересечением. Кольцо не окружает веретено; оно вырывается из него в тишину.

Непринуждённость присутствует в игре зеркала. Мир мир-ует непринуждённость вещи.

Непринуждённость не есть свойство вещи; она есть событие игры зеркала, в которой мир мир-ует.

Не-принуждённость: собрание из середины игры в рас-сваивающее зеркаление как покаяние в собственности.

Ge-lassenheit — разбор слова: *Ge-* (собрание), *lassen* (оставление), *-heit* (состояние). Собрание (*Versammlung*) происходит из середины (*Mitte*) игры. Зеркаление (*Spiegeln*) рас-сваивает — не удваивает, а отпускает. Покаяние (*Beruhem*) — не статика, а событийная устойчивость.

Непринуждённость: существующее вещи.

Сущность вещи не есть род или форма; вещь есть непри-

нуждённость.

Крайний удержание непринуждённости есть предметность сущего как состоятельного.

Vorenthalt — удержание, удерживание при себе. Предметность (*Gegenständigkeit*) есть крайняя форма этого удержания: вещь удержана как предмет, противостоящий субъекту. Состоятельное (*Beständige*) — постоянное, устойчивое.

Произведённая опостоянение: постоянное само-произведение опостоянения. (Вечное возвращение того же самого.)

Beständigung — опостоянение, превращение в состоятельное. Техника производит эту опостоянение. Вечное возвращение того же самого (Ницше) есть крайняя форма: становление подчинено постоянству. Автор отсылает к критике Ницше как завершителя метафизики.

Вещевание.

Мируя, вещевает вещь вещи. Вещи у-словливают друг друга.

Dingt — вещевает, действует как вещь. *Bedingen* — у-словливают, но также и «обусловливают» как причинность. Автор использует игру слов, чтобы показать, что причинное обусловливание есть лишь вырожденная форма вещевания.

Вещевание как мир-ование не есть причинение (вызывание), не есть производящее обуславливание. Но повод из непринуждённости.

Bewirken — причинение (как в каузальности). *Herstellendes Ermöglichen* — производящее обуславливание (трансцендентальная философия: условия возможности). Всё это не есть вещевание. Вещевание есть повод (*Anlaß*) — не причина, а событийный импульс, исходящий из непринуждённости.

Язык как ковчег Сбытию.

Как язык есть ковчег Сбытию? Как он хранит и теряет просвет сбережения?

Schrein — ковчег, хранилище святынь. Язык не есть инструмент; он есть ковчег, в котором Сбытие хранится. Хранит (*wahrt*) и теряет (*verliert*) — язык может как удерживать просвет (*Gelicht*) сбережения (*Bergens*), так и утрачивать его.

Он остаётся много-смысленным в четырёх-смысленном скрещённого веретена четверицы.

Vieldeutig — много-смысленный, но это не хаос; его многосмысленность определена четырёх-смысленностью (*Vierdeutigen*) скрещённого веретена.

Однако в четырёх-смысленности мирского присутствует еди-ность того же самого. Единость есть простое игры зеркала. Примечания VI, 53.

Четырёх-смысленность не распадается; она есть единость (*Ein-heit*) того же самого (*Selben*). Единость не есть абстрактное единство; она есть простое (*Einfache*) игры зеркала — не то, что можно выразить в понятии.

Напротив, однозначность понятия обоснована в единости бытия *qua* сущности; она поймана в понятии, есть цель вы-

числяющего представления.

Eindeutigkeit — однозначность, требование науки. Она обоснована в единости бытия как сущности (*Seiendheit*). Вычисляющее представление (*rechnendes Vorstellen*) стремится к однозначности как к цели.

Язык есть мирской, но одновременно выдан предметному, произведённое представленное и само представляющее. Так он говорит против себя самого и против своей мирской тишины.

Ausgeliefert — выдан, предан, отдан во власть. Язык раздвоен: по своему существу он мирской; но он выдан предметному миру техники и науки. Он сам производит представленное и сам представляет. Поэтому он говорит против себя самого (*gegen sich selbst*), предавая свою собственную тишину.

Мышление: стоять в игре-ветра зеркала тишины.

Мышление: стоять в игре-ветра зеркала тишины: это есть точка пересечения в кресте веретена мира. Но точка здесь есть имя непринуждённости различия.

Wind-Spiel — игра-ветра, нечто лёгкое, подвижное, непредсказуемое. Точка пересечения (*Kreuzungspunkt*) — не геометрическая точка, а событийное место. *Kreuz* — крест, пересечение четырёх линий. Непринуждённость различия есть эта точка — место, где различие не напряжено, а свободно.

Стоять в игре тишины: сказание мира. Сказание из складки. Оно есть настроение мышления. Ср. примечания V, 89.

Складка (*Einfalt*) — не развёрнутое множество, а собранное единство. Сказание есть настроение (*Stimmung*) — не субъективное чувство, а событийный лад мышления.

Язык: в одном — игра тишины и звучание скорлупы.

Язык есть в одном: игра тишины и звучание скорлупы. Когда остаётся он этим, когда становится тем? Когда есть дом и когда — оболочка?

Schall der Schale — звучание скорлупы, пустой звук, эхо без содержания. Язык может быть как игрой тишины (событийной), так и пустым звучанием. Дом (*Haus*) — место обитания; оболочка (*Gehäuse*) — пустая форма, скорлупа. Вопрос: когда язык есть дом, а когда — только оболочка?

Язык присутствует в мире; есть пра-весть из мира.

Urkunde — пра-весть, изначальное свидетельство. Язык не о мире, а из мира.

Вспоминать: присутствие человеческого-существа к прибытию; принадлежать этому как со-бытию; слышание как сказывание.

An-denken — вспоминать, но здесь: присутствие (*Anwesen*) человеческого существа к прибытию (*Ankunft*). Принадлежать этому (*diesem als Er-eignis angehören*). Слышание (*Hören*) не есть восприятие звуков; оно есть сказывание

(*Sagen*) — событийный ответ.

Вспоминать: присутствие к присутствию — Но «существовать» в смысле со-бытийствования.

Присутствие (*Anwesen*) направлено к присутствию (человеческое присутствие к событию присутствия). Но это не тавтология; «существовать» (*wesen*) здесь понимается как со-бытийствование.

Это в его полноте существа — мышление не из восприятия как представления — но как принадлежность-слухом в слышании, в от-вечании в сказывании при-бытия — кунфта как со-бытие, к со-бытийствовавшему миру — при-бытие как в-хождение поворота в мировую-тишину. Ср. примечания V, 41.

Ant-worten — от-вечать, давать ответ, но также и «слово-против». *Kunft* — кунфта, прибытие (как в *Zukunft* — будущее, *Herkunft* — происхождение). При-бытие (*An-Kunft*) есть в-хождение (*Einkehr*) поворота (*Kehre*) в мировую-тишину (*Welt-Stille*). Полнота существа мышления не есть представление; она есть событийное от-вечание.

Вспоминающее мышление есть пред-строящее.

Вспоминающее мышление есть пред-строящее. Оно строит у близости как охранения всякого различного удаления (всё про-властвующая пред-стройка); оно строит пред: оно готовится, предваряя; оно строит пред: предо-храняет от просмотра поворота. Примечания V, 131.

Vorbaueide — пред-строящее, то, что строит вперёд, заранее. *Vorbau* — пред-стройка, архитектурный термин: выступ, передняя постройка, то, что стоит перед основным зданием. Мышление строит не стены, а близость (*Nähe*) как охранение (*Wahrnis*) удаления (*Entfernung*). Оно строит пред (*baut vor*) — готовится (*bereitet*), предваряя (*im vorhinein*). Оно предо-храняет (*ver-hütet*) от того, чтобы поворот был просмотрен (*Übersehen*). Мышление не есть реакция на поворот; оно есть его пред-строящее приготовление.

Сущее как вещь.

Сущее как: присутствие, творение, предмет. Сущее как: вещь. Но вещь из мира; мир: из со-бытийствования.

Три метафизических определения сущего: *Anwesen* (присутствие, греч. *ousia*), *Geschöpf* (творение, креационизм), *Gegenstand* (предмет, новоевропейская наука). Им противопоставляется вещь (*Ding*). Вещь не есть сущее среди прочих; её исток — мир. Мир же не есть нечто, из чего вещь возникает как следствие; мир сам из со-бытийствования (*Ereignen*). Автор фиксирует решительный отказ от метафизических дефиниций сущего в пользу событийного генезиса вещи.

Со-бытийствование: в-хождение забвения различия к миру.

Einkehr — в-хождение, возвращение домой. Забвение различия не есть нечто, что нужно преодолеть; оно в-ходит в мир, и это в-хождение и есть со-бытийствование. Мир не предшествует забвению; он есть событие этого в-хождения.

Вещь и истина, когда истина — это охранение и охранение — держание как хранение и хранящее сохранение.

Wahrheit (истина) переосмысливается как *Wahrnis* (охранение) и *Wahren* (охранение-как-действие). *Halten* (держание)

— не удержание в неподвижности, а *Hüten* (хранение, пастьба) и *Hütendes Erhalten* (хранящее сохранение). Истина не есть соответствие; она есть событийное держание, которое одновременно хранит и сохраняет.

Единственно охранение есть в себе после-устойчивое, ибо со-бытие всё удерживает пред, потому что оно мирски уже вещевает Сбытие. Только так после-устойчивое есть пребывающее; это мы более не должны представлять от присутствующего и его длительности.

Nach-Haltige — после-устойчивое, то, что имеет устойчивость после (как память, как след). *Hält vor* — удерживает пред, предъявляет, но также и «выдерживает». Со-бытие вещевает Сбытие (*dingt Scyg*) — не производит его, а даёт ему быть вещью. Пребывающее (*Bleibende*) не есть длительность (*Andauer*) присутствующего; это событийная устойчивость, не измеряемая временем.

Вещь и добротность. [Ср. Примечания V, 128].

Gediegene — добротность, чистота металла. Вещь добротна, когда она не разбавлена примесями метафизических определений.

Пред-стройка строит пашню для равнин мира.

Пред-стройка строит пашню для равнин мира. Она строит не на домах как зданиях; мирской дом Сбытия имеет своё существо не из здания, а из обитания как охранения тишины.

Vorbauen — пред-стройка, выступ, передняя постройка. Пашня (*Acker*) — возделанное поле, почва для роста. Равнины (*Fluren*) — открытые пространства мира. Строить не на домах — не возводить архитектурные сооружения. Обитание (*Behausen*) — не проживание в доме, а событийное пребывание. Дом Сбытия есть само обитание, понятое как охранение тишины.

Что значит ясно мыслить Сбытие?

Что значит ясно мыслить Сбытие? — Так сказывать, что в языке остаётся знак со-бытия различия.

Deutlich — ясно, отчётливо. Ясность здесь не есть логическая или феноменологическая очевидность. *Winken* — знак, подавать знак, намекать, но также и маячить. В языке должен оставаться знак — не сообщение, а указание, которое не переходит в содержание.

Ясным может быть только то, что, знача, со-бытийствует мир в четверице.

Знак (*Wink*) не есть произвольный сигнал; он есть событие, в котором мир со-бытийствует в четверице (земля, небо, смертные, божественные). Ясность есть свойство этого значащего со-бытия.

Это раз-мечание Сбытия внезапно отлично от *distinkte perceptio*.

Deutende — раз-мечание (от *deuten* — указывать, толковать). *Distinkte perceptio* — различённое восприятие (термин Лейбница: ясное и различённое восприятие отлично от смутного). Внезапно (*jäh*) — не постепенно, а скачком. Ясность Сбытия не есть градуальное улучшение восприятия;

это иной род ясности.

Сказывай Сбытие из его ясности — и ты сказываешь его существо.

Ясность не есть акциденция, которую можно отделить от существа; ясность есть само существо, но существо, понятое событийно.

Ясное есть сказуемое, ибо оно есть тишина игры зеркала; этот, существуя в четверице, значащ.

Sagbare — сказуемое, то, что может быть сказано. Тишина игры зеркала есть то, что может быть сказано — не потому, что её можно описать, а потому что она даёт себя сказывать в знаке.

Знак даёт и отказывает и так хранит не-сказанное тишины.

Двойное движение знака: он даёт (*gibt*) указание и одновременно отказывает (*versagt*) в полноте высказывания. Это хранение (*verwahrt*) не-сказанного — не утаивание, а событийное удержание.

В каком смысле со-бытийствование есть значащее? Как мирское — вещевающее.

Ответ: со-бытийствование значаще в той мере, в какой оно мирски и вещевающе (*dingend*). Знак не добавляется к

вещи; вещь сама значаща.

Мир и ясность.

Ясность зеркалящей четверицы; то, что прежде было названо только как контекст отсылок и единство значимости, со стороны вот-бытия и его экзистенциальной аналитики, — это, с тех пор как поворот событийно испытан, из различия продумано как раз-мечающе-значащее мир-ования — четырёх-смысленность знака.

Автор указывает на собственную раннюю терминологию из «Бытия и времени»: *Verweisungszusammenhang* (контекст отсылок) и *Bedeutsamkeit* (значимость). Эти понятия были описаны со стороны *Dasein* (вот-бытия) и его экзистенциальной аналитики. После поворота (*Kehre*) то же самое явление мыслится иначе: из различия, как раз-мечающе-значащее (*Deutend-Winkende*) мир-ования. Четырёх-смысленность (*Vierdeutigkeit*) знака — не хаос, а событийное изобилие.

Тишина и существо просветлённого.

Тишина и существо просветлённого — как это то же самое вызывает вещи в их существо, как только они стали свободны от остова и закона предметного.

Lichten — просветлённое, ставшее просветом. Остов (*Gestell*) — техническое понимание бытия. Закон (*Gesetz*) предметного — метафизическая определённости. Вещи становятся свободны от этого, и тогда то же самое (тишина/просвет) вызывает (*rufft*) их в их существо — не принуждает, а зовёт.

Дары вещей отучают от страстей.

Süchte — страсти, пристрастия, зависимость. Вещи даруют себя как дары (*Gaben*), и эти дары отучают (*entwöhnen*) от страсти обладания, использования, вычисления.

Открываемость в абсолютном идеализме и открытость вот-бытия в со-бытии.

Открываемость внутри абсолютного идеализма и открытость вот-бытия в со-бытии. Ср. 103 и далее. Та слишком легко принимается за эту.

Offenbarkeit — открываемость (то, что может быть открыто). *Offenheit* — открытость (состояние). Автор предостерегает от смешения: открытость *Dasein* в событии не есть открываемость в смысле гегелевского абсолютного идеализма. Внешнее сходство обманчиво.

В «Феноменологии духа» есть, вероятно, пре-зенция само-показа и тем самым явление как идея идеи — но существенное остаётся: 1) в каком измерении происходит явление и пре-зенция; 2) как «есть» само явление.

Präsenz — пре-зенция, присутствие как характеристика явления. *Idee der Idee* — идея идеи: у Гегеля абсолютная идея есть само-являющаяся идея. Два вопроса, на которые гегелевская феноменология не отвечает: измерение (*Dimension*) явления и способ бытия самого явления.

Ответ: пре-зенция есть повсюду пре-зенция ре-презента-

ции безусловного, диалектического само-сознания; открываемость принадлежит целиком и полностью в само-представляющее представление предметности. Явление же как знание-о-себе есть достоверность и как таковая бытие субъектности и тем самым здесь властвующей открываемости.

Repräsentation — ре-презентация, представление заново. Безусловное (*unbedingten*) — абсолют. Само-представляющее представление (*Sichvorstellende Vorstellen*) — представление, которое само себя представляет. Предметность (*Gegenständlichkeit*) — предметный характер. Знание-о-себе (*Sichwissen*) — самосознание как форма знания. Достоверность (*Gewißheit*) — certainty. Субъектность (*Subjektivität*) — не субъективность в психологическом смысле, а метафизическая структура субъекта.

Пре-зентация принадлежит в ре-презентацию *ego cogito res cogitans* в широчайшем смысле.

От Декарта до Гегеля: всё присутствие (пре-зентация) есть ре-презентация для *ego cogito* (я мыслю) как *res cogitans* (мыслящей вещи).

Для событийно-исторического, по-двигающего мышления, напротив, пре-зентация вместе с ре-презентацией и *ego cogito* принадлежит в измерение не-сокрытости в смысле сокрывающегося сокрытия.

Seynsgeschichtlichen — событийно-исторического (от *Seyn*). *Be-wegenden* — по-двигающего (дающего путь). Несокрытость (*Unverborgenheit*) как *alétheia* понята здесь не как простое открытие, а как сокрывающееся сокрытие (*Sichverbergens der Verbergung*). Пре-зенция и ре-презентация суть лишь модусы этой более изначальной структуры.

Пре-зенция и явление и открытое не есть сущностно-относительно на представление и знание, но пре-зенция как присутствие есть мирски со-бытийствована в различии — внутри которого впервые движется всякий род восприятия и представления и собирания.

Wesenhäft relativ — сущностно-относительно, то есть определено через отношение. Пре-зенция не есть отношение к субъекту; она со-бытийствована в различии. Восприятие (*Vernehmen*), представление (*Vorstellen*), собирание (*Sammeln*) — все они движутся *внутри* этого события, а не наоборот.

Критика гегелевского прочтения.

Если пытаться читать принадлежащую к мирскому событию (вот-бытие и сокрытие сокрытия) открытость и сообразную здесь пре-зенцию напрямую в смысле гегелевской феноменологии духа, тогда всё переносится только в «субъективность», которая сама остаётся непродуманной в отношении её бытия, и проходят мимо решающей рефлексии на событийно-историческое происхождение субъектности и презентации ре-презентации.

Автор предостерегает от ложного отождествления. Субъективность (*Subjektivität*) у Гегеля не продумана в отношении её собственного бытия — то есть не поставлен вопрос о том, как бытие субъективности событийствует. Решающая рефлексия (*Besinnung*) должна обратиться к происхождению (*Herkunft*) субъектности, а не принимать её как нечто само собой разумеющееся.

В неопределённых границах приблизительного смысла имеешь перед собой по видимости то же самое; но не мыслишь ни собственного гегелевского идеализма, ни тем более совершенно иного событийно-исторического мышления; не испытываешь посылающе-различного и потому не ищешь изначально принадлежащего вместе и начального того же самого.

Geschicklich Verschiedene — посылающе-различное, то, что различно в самом способе посылания. *Ursprünglich Zusammengehörige* — изначально принадлежащее вместе. То же самое (*Selbe*) не есть одинаковое; оно может быть различным в разных эпохах посылания. Поверхностное сравнение не схватывает этого.

Сравнение: Аристотель и Фома.

Поверхностность только исторического сравнения препятствует здесь, как и в соответствующих случаях событийно-исторически других эпох (Аристотель и Фома), входу в размежевание с посыланием Сбытия внутри того же самого. Ср. 69.

Историческое сравнение (например, Аристотеля и Фомы Аквинского) остаётся поверхностным, если не учитывает событийно-историческое различие посылания (*Geschick*). Аристотель мыслит в ином посылании Сбытия, чем Фома, хотя они принадлежат к *одному и тому же* в смысле метафизики. Размежевание (*Auseinandersetzung*) требует входа в это различие внутри того же самого.

Шеллинг.

Также шеллинговское различие основания и экзистенции в каждом сущем, сколь существенно изначально оно мыслит, чем Гегель, всё же внутри идеализма как высшего, через идеализм возвышенного реализма продумано — это означает: оно принадлежит к основной схеме *ens qua subjectum* таким образом, что в нём *subjectum* мыслится как основополагающий базис и как *ego cogito (idea)*.

Шеллинг различает в каждом сущем *Grund* (основание) и *Existenz* (экзистенцию). Это изначально гегелевской диалектики, но всё же остаётся внутри идеализма, который автор характеризует как «возвышенный реализм» (реализм, прошедший через идеализм и поднятый им). Основная схема: сущее как субъект (*ens qua subjectum*). *Subjectum* одновременно означает: 1) подлежащее, субстрат, основополагающий базис (*grundgebende Basis*), и 2) *ego cogito* как идею.

Шеллинг мыслит *subjectum* одновременно как ὑποκειμενον и как «я мыслю» — (но ὑποκειμενον от представления и я мыслю по направлению к предлежащему ему).

Hypokeimenon — подлежащее, субстрат у Аристотеля. Шеллинг соединяет аристотелевский и картезианский смыслы. Но *hypokeimenon* понимается от представления (*vom*

Vorstellen her), а я мыслю направлено к предлежащему ему (*auf das ihm Vorliegende zu*).

Различение имеет своё единое в том, что оба субъекта принадлежат в субъектность духа (любви) и означает, что здесь, как и там, в основании и экзистенции бытие властвует как воля — как само-хотение в противно-обращённости, которая, однако, в высочайшем скреплена через волю рассудка и так продуманного слова. (Лейбниц)

Субъектность духа (у Шеллинга — любовь) объемлет оба значения субъекта. Власть воли: бытие понято как воля. Противно-обращённость (*Gegenwendigkeit*) — воля направлена против себя самой. Высочайшее скрепление — через волю рассудка и слово (Лейбниц: предустановленная гармония, монадология).

В каком смысле воля qua воля вообще может составлять существо бытия и откуда происходит инстанция для характеристик бытия — не спрашивается и не может быть спрошено.

Автор указывает на предельный вопрос, который идеализм не задаёт: почему воля (а не что-то иное) есть существо бытия? Откуда берётся инстанция, определяющая характеры бытия? Эти вопросы не могут быть спрошены внутри идеализма, потому что он уже принял волю как самоочевидную основу.

Спор — дело.

Спор — мирское — есть дело. Тишина как со-бытие мира есть дело. Дело — есть спор между Сбытием и словом. Ср. 48, ср. II, 3, 6.

Streit — спор, не конфликт, а событийная напряжённость. *Sache* — дело, то, о чём идёт речь. Дело не есть предмет; оно есть спор между Сбытием и словом. Тишина не противоположна спору; она есть способ, каким спор себя удерживает.

Существо того же самого есть мирское соседство в со-бытии различия. 74, Примечания V, 111. Домашний в соседстве есть разрыв.

Nachbarschaft — соседство, близость. *Einheimisch* — домашний, тот, кто дома в этом соседстве. Разрыв (*Riß*) — не отсутствие отношения, а событийное расстояние, которое только и делает соседство возможным.

Тишина нуждается в не-покое воления.

Тишина нуждается в не-покое воления.

Un-Ruhe — не-покой, беспокойство. Тишина не есть покой как противоположность движению; она нуждается в не-покое воли (*Wollens*), чтобы быть тишиной. Воля не уничтожается; она включается в тишину как её необходимый момент.

Тишание рас-сваивает в тайну. Тишание отказывает покою, охранение того же самого.

Stillen — тишание, действие тишины. Оно рас-сваивает (*enteignet*) в тайну (*Ratsal*). Оно отказывает (*verweigert*) покою — не потому, что оно злое, а потому что покой (метафизическое успокоение) был бы смертью для события.

Без-охранно хранит тишина волю.

Wahr-los — без-охранно, лишённо охранения. Тишина не охраняет волю в смысле сохранения; она хранит её, отпуская в её без-охранность.

Обеспечение создаёт опостоянение как заслонение покоя.
63.

Gewähr — обеспечение, гарантия. Метафизика и техника создают обеспечение (достоверность, гарантию), которое превращается в опостояние (*Beständigkeit*) — постоянство, устойчивость. Это опостояние заслоняет (*Verstellung*) покой, подменяя его метафизической стабильностью.

Со-бытие как событийствующее обеспечение забвения.

Со-бытие как событийствующее обеспечение забвения. Оно без-охранно настраивается как о-стов.

Парадокс: со-бытие *обеспечивает* (*gewährt*) забвение, но это обеспечение без-охранно (*wahrlos*). Оно настраивается (*richtet sich ein*) как о-стов (*Ge-Stell*) — техническое понимание бытия.

О-стов вы-ставляет в за-пустение; вы-ставление перемещает в возможность испытывать запустение как таковое из со-бытия забвения различия. ср. II, 10 и далее.

Ent-setzt — вы-ставляет (как вы-ставление из себя). *Ver-wahrlosung* — за-пустение (пустота без охранения). Вы-ставление даёт возможность испытывать запустение как таковое — не как упадок, а как событие. Даже о-стов, будучи формой запустения, несёт в себе эту возможность.

Событийно со-бытие раз-личает то же самое.

Событийно со-бытие раз-личает то же самое. Со-бытие хранит как скрепа поворот. Тишина нуждается в не-покое воли. Воля остаётся лишена охранения различия.

Unter-scheidet — раз-личает, проводит различие. Воля лишена (*bar*) охранения различия — не потому, что различие её исключает, а потому что воля по своей структуре не может иметь охранения.

Со-бытие рас-сваивается к миру. Мир раз-личает себя в тайну.

Со-бытие не присваивает мир; оно рас-сваивается к нему. Мир не остаётся тем же самым; он раз-личает себя в тайну.

Раз-личание со-бытийствует разрыв тишины. Разрыв есть шов между соседства.

Riß — разрыв. *Fuge* — шов, соединение. Разрыв не есть простое разъединение; он есть шов — то, что соединяет, разъединяя. Между (*Zwischen*) соседства (*Nachbarschaft*) не есть пустота; оно есть этот разрыв-шов.

Раз-личение распоряжается разрывом в тишину.

Verfügt — распоряжается, располагает. Различение не создаёт разрыв; оно распоряжается им, помещая его в тишину.

О-стов и запустение.

О-стов заслоняет запустение, в нём заслоняет отказ, в этом: со-бытие.

Три уровня заслонения (*verstellt*): о-стов заслоняет запустение; внутри запустения заслоняется отказ (*Verweigerung*); внутри отказа заслоняется со-бытие. О-стов есть машина заслонения, но само это заслонение указывает на то, что заслоняется.

Но о-стов есть как устройство воли к воле.

Wille zum Willen — воля к воле (Ницше). О-стов есть не просто техника; он есть метафизическая структура, в которой воля хочет себя самое.

Как о-стов, со-бытие вы-свобождает (обеспечивает) себя в крайнее (и тем самым забытое) забвение. Ср. 64, 114.

Entbirgt — вы-свобождает, выводит из сокрытости. Парадокс: со-бытие вы-свобождает себя именно в крайнее забвение. Забвение не есть утрата; это есть способ со-бытия быть.

Забвение различия не есть ничто, но крайнее изобилие отказа; испытывать существующее этого отказа.

Fülle — изобилие, полнота. Забвение не есть пустота; оно

есть изобилие отказа (*Verweigerung*). Испытывать существующее (*Wesende*) этого отказа — задача мышления.

О-стов есть вы-ставление (со-бытийствующее) в забвение. Лишь когда о-стов становится посланием Сбытия, совершается вы-ставление; настраивает ужас. Со-бытие вы-ставляет себя как о-стов в забвение.

Ent-setzen — вы-ставление. *Geschick* — послание. Ужас (*Angst*) — не психологический страх, а фундаментальное настроение (*Grundstimmung*), в котором сущее в целом уходит в свою ничтожность. О-стов становится посланием Сбытия — не техника сама по себе, а её эпохальное явление как форма посылания.

Это вы-ставление есть настраивание из тишины; оно настраивает в настроение ужаса.

Stimmen — настраивать. Тишина настраивает ужас — не производит его, а даёт ему быть тем настроением, в котором о-стов может быть испытан как вы-ставление.

*Примечание: О-стов есть собрание действенного сталения в опостояние действительности; сталение: махинально [ср. *Holzwege*], также сущностно-определяюще для хозяйства и всей эксплуатации. Ср. Примечания VI, 62/63.*

Stellen — сталение, полагание, постановка.
Machenschaftlich — махинально, технически-вычисляюще.

Хозяйство (*Wirtschaft*) и эксплуатация (*Betrieb*) — формы современного бытия, определяемые о-стовом.

Смерть со- бытийствовала охранению.

Смерть со-бытийствовала охранению, при-ближая, соединила нас в существо, чтобы мы, смертные, строили у мира.

Смерть не есть конец; она со-бытийствовала (*ereignete*) охранению. При-ближая (*nahend*), она соединила (*fügte*) нас в существо. Строить у мира (*an der Welt zu bauen*) — не создавать мир, а быть при нём строителями.

О-стов как существо техники есть со-бытие в запустении различия.

Техника не есть просто средство; её существо (о-стов) есть событие, но событие в модусе запустения.

О-стов есть создание запустения в забвении: вы-ставление.

Erstellen — создание, произведение, но также и вы-ставление (как в музейной экспозиции). О-стов создаёт запустение, выставляя его как действительность.

В о-стове присутствует, но без-охранно, со-бытие; поэтому прежде всего отношение человека к присутствующему есть то, вокруг чего вращаются решения.

Wahrlos — без-охранно. Со-бытие присутствует в о-сто-ве, но без своего охранения. Поэтому кажется, что всё вра-щается вокруг человеческого отношения к сущему. Решения (*Entscheidungen*) — не выборы между вариантами, а собы-тийные раз-личения.

Существо техники.

Существо техники никогда не может быть схвачено в измерении инструментального и тем самым средства и тем самым целей; ибо средство-цель уже принадлежат в существо *ποίησις* и *τέχνη* и *αἰτία*.

Инструментальное понимание техники (как средства для достижения целей) слишком узко. Оно само основано на греческих понятиях *poiesis* (выведение-пред), *techne* (искусство, мастерство) и *aitia* (причина). Но эти понятия не объясняют существования техники; они сами нуждаются в прояснении из со-бытия.

Существо техники покоится в просвете и горном хребте присутствующего как такового и тем самым одновременно в отношении человеческого-существа к присутствию.

Gelicht — просвет. *Gebirg* — горный хребет (образ для со-брания). Техника не есть нечто, что человек делает с сущим; она есть способ, каким присутствующее присутствует в просвете, и каким человек относится к этому присутствию.

Всякое вопрошание об овладении техническим уже безнадёжно ошибочно; никогда не достигает сущностной обла-сти техники.

Meisterung — овладение. Попытки овладеть техникой (улучшить, контролировать, гуманизировать) остаются внутри её сущностной области, не достигая её. Ошибка (*fehl*) — промах, не попадание в цель.

Τέχνη.

Τέχνη не означает ни искусства, ни отнесена к утвари — её существо есть вы-ве-дение-пред внутри ἀλήθεια, вы-ве-дение-пред присутствующего, будь то в восхождении (φύσει), будь то в ставлении (θέσει).

Her-vor-bringung — вы-ве-дение-пред, вынесение вперёд. *Physei* — по природе (само-восхождение). *Thesei* — по полаганию (человеческое установление). *Techne* есть способ, каким присутствующее выводится в несокрытость.

Φύσει и θέσει ὄντα суть τέχνη ὄντα (сущие техники) в более широком смысле; в более узком смысле τέχνη противопоставлена φύσις; но и так оба из вы-ведения-пред и потому (как γένος) истолковываемы как ποίησις.

Даже *physis* (природа) как самовосхождение есть род *techne* в широком смысле, потому что она также выводит-пред. Узкое противопоставление *techne* и *physis* вторично.

Поскольку же ἀλήθεια никогда как таковая не была продумана в её существо, сущностная область φύσις и θέσις и тем самым также τέχνη остаётся тёмной; поэтому напрашивается ясное, которое подсказывается человеческим поведением (не как таковым субъекта). Ср. ниже 105.

Не-сокрытость (*alétheia*) как таковая не была продумана. Поэтому область *physis* и *thesis* остаётся тёмной. Напрашивается (*drängt sich auf*) видимая ясность, которая исходит из человеческого поведения — но не из поведения как субъекта, а из более изначального отношения.

Для греков поэт (*Dichter*) есть ποιητής — вы-водитель-пред, про-изводитель (*Her-steller*); он вы-водит-пред присутствующее как таковое, как ис-стояние (*Her-stand*) в ис-стоятельность (*Herstandigkeit*). Сообразно сущностному происхождению при-сутствия (бытия) из ποιήσις (в смысле сокрытого со-бытия), поэты сказывают бытие сущего — вы-водят-пред (из сокрытости) — в не-сокрытость.

Poietes — производитель, создатель. Поэт выводит-пред присутствующее в его ис-стояние (*Her-stand*) — в ту устойчивую, в которой оно может пребывать. Это не субъективное творчество; это событие, в котором бытие сущего выводится из сокрытости в несокрытость. Автор фиксирует терминологическое решение: поэзия в её греческом истоке есть не эстетика, а событийное вы-ведение-пред.

Присутствующее как предмет.

Поскольку для нас присутствующее в любое время легко может стать предметным и может им стать, нам кажется достаточным, если мы сможем объяснить предметное, относя его к представлению и так в его происхождении. Таким образом прояснённое, мы более не нуждаемся спрашивать о присутствующем как таковом; «как таковое» определилось через предметность.

Привычка новоевропейского мышления: любое присутствующее (сущее) может быть превращено в предмет (*Gegenstand*), то есть нечто, противостоящее субъекту. Объяснение (*erklären*) такого предмета состоит в сведении его к представлению (*Vorstellen*) как к его происхождению. Прояснение (*Aufklärung*) в этом смысле делает излишним вопрос о присутствующем *как таковом*, потому что «как таковое» уже определено предметностью. Автор фиксирует критику просвещенческого и трансцендентального подхода: предметность не есть последняя инстанция; она сама есть способ забвения.

Присутствующее как таковое определяется сообразно предопределению присутствия. Событийствуется ли присутствие из мира и в мир/вещь, или оно отпадает опредмечиванию и тем самым в конечном счёте о-стому.

Vorbestimmung — пред-определение, то, что задаёт меру заранее. Присутствие (*Anwesenheit*) может быть понято двояко: либо оно со-бытийствуется из мира и в мир/вещь (*Welt/Ding*), либо оно отпадает (*fällt anheim*) — отдаётся во власть опредмечиванию (*Vergegenständlichung*) и, в конечном счёте, о-стову (*Gestell*). Второе есть путь метафизики и техники.

Если происходит первое, тогда со-бытийствованы охранение и щажение; представление и восприятие, поскольку они ещё сохраняются, определены мирски.

Wahren — охранение, блюдение. *Schonen* — щажение, бережное отношение. Представление и восприятие не отбрасываются, но они более не являются господствующим способом отношения; они определены мирски (*weltisch*), то есть принадлежат событию мира.

В раннем ἀλήθεια всё остаётся нерешенным, но с клонением в забвение.

Frühe — раннее (греческое начало). *Unentschieden* — нерешенным, ещё не разделённым на альтернативы. *Neigung* — клонение, склонность, тенденция. Уже в самом начале западной мысли, в *alétheia* (несокрытости), содержалась тенденция к забвению — не как случайность, а как сущностная черта.

Ἀλήθεια || Ἐνέργεια || Creatio || Gestell || ←

Схематическое перечисление эпох: греческая несокрытость (*alétheia*) → энэргея (*enérgeia*, действительность у Аристотеля) → творение (*creatio*, христианская метафизика) → о-стов (*Gestell*, техника). Стрелка указывает направление развития: усиление забвения, утрата изначального опыта.

О-стов и эксплуатация.

О-стов и эксплуатация; (сила); машина; передача.

Betrieb — эксплуатация, ведение дел, производственный процесс. *Kraft* — сила (физическая, техническая). *Maschine* — машина. *Getriebe* — передача (механическая), также «гонение», «привод».

Поскольку о-стов повсюду опостоянняет действительное в его действенности, в действенности же «сила» производится и тем самым гонение и передача, к о-стovu сущностно принадлежит эксплуатация. Ср. Примечания VI, 82.

Beständig — опостоянняет, превращает в постоянное, устойчивое. *Wirkliche* — действительное (актуальное). *Wirksamkeit* — действенность, эффективность. *Her-gestellt* — произведено, сделано. Эксплуатация (*Betrieb*) не есть нечто внешнее по отношению к о-стovu; она принадлежит к его существу.

Присутствующее.

Присутствующее — понимают легко и обычно в смысле встречающегося, уже наличного и уже прибывшего.

Vorkommenden — встречающееся, то, что попадает. *Vorhandenen* — наличное (термин из «Бытия и времени»). *Angekommenen* — прибывшее. Обычное понимание присутствующего фиксирует его как нечто, что уже есть и уже пришло.

Напротив, в присутствии следует мыслить ещё выступление-пред в одновременно при-ступающую не-сокрытость; присутствующее как ещё в прибытии пребывающее, даже (ср. изречение Анаксимандра) в переходе от происхождения и у-хода пребывающее; лишь так, хотя и непродуманно в существе, одновременно не-сокрытость приводится в отзвук, как то-во-что присутствия, что, однако, принадлежит к нему, есть оно само, не его приготовленное вместилище.

Her-vor-kommen — выступление-пред, выхождение вперёд. *Mitkommende* — при-ступающая, одновременно приходящая. Присутствующее не есть уже прибывшее; оно есть ещё в прибытии (*Ankunft*) пребывающее (*verweilende*). Ссылка на изречение Анаксимандра (фр. 1: «...из чего вещи имеют происхождение, в то же самое они и уходят...»). *Worein*

— то-во-что, то, внутри чего. Не-сокрытость есть не вместилище (*Behältnis*), а само событие присутствия.

При-сутствие: восхождение в собрание время-пребывания.

Aufgang — восход, восхождение. *Versammlung* — собрание. *Weile* — время-пребывание, дящееся мгновение. Присутствие не есть статическое нахождение; оно есть событие восхождения, которое собирает себя во время-пребывание.

Лишь когда οὐσία становится ὑποκείμενον, от ὕλη (ποίησις) и от καθ'ὸ ἀλόφανοις (λέγειν), т.е. из существенного отпускания τέχνη, т.е. от произведённости в производстве (ἐνέργεια), также и присутствующее становится тем, что уже и только ещё пред-лежит. Это ὑποκείμενον становится скрепой поворота от едва испытанного раннего присутствия к известному, в «я представляю» и произведённому предметному.

Ousia (сущность, присутствие) становится *hypokeimenon* (подлежащим, субстратом) — процесс, начинающийся у Аристотеля. *Hylē* (материя) — из *poiesis* (производства). *kath'ho* (то, по чему) — из *apophansis* (высказывания) и *legein* (говорения). *Techne* отпускает (*Loslassung*) — не удерживает событие. *Hergestelltheit* — произведённость. *Enérgeia* — действительность. *Vorliegenden* — пред-лежащее. Скрепа (*Angel*) поворота (*Drehung*) — не сам поворот (*Kehre*), а ме-

ханизм, который преворачивает раннее присутствие в новоевропейское предметное представление.

Φύσις – ὑποκείμενον (subjectum) – Субъектность. В этом одновременно сущностное послание само-собрания к само-взятию-вместе вплоть до воления как воли к воле. (ср. Примечания VI, 62.)

Physis (природа-восхождение) → *hypokeimenon/subjectum* (подлежащее) → *Subjektivität* (субъектность). *Sichversammelns* (само-собрание) → *Sichzusammennehmen* (само-взятие-вместе) → *Wollen* (воление) как *Wille zum Willen* (воля к воле). История метафизики есть история этого перехода.

subjectum – между ὑποκείμενον как ὄν παρουσία и между субъектом как «я мыслю» – «я представляю» = «про-извожу» (her).

Subjectum колеблется между греческим смыслом (подлежащее как присутствующее) и новоевропейским (я как основание представления). *Her* — приставка, указывающая на производство, вынесение вперед.

Вот-бытие — совершенно иное.

Совершенно иначе существую, чем субъектность, есть вот-бытие, чьё существо в «Бытии и времени» пытаются мыслить. Это «существующее» есть первый отзвук уязвления того, что метафизика субъектности как человек в шеллинговском трактате о свободе, как сверх-человек в ницшевском «Заратустре», как «для нас» «опыта» в гегелевской «Феноменологии духа» должна мыслить.

Wesend — существую, пребывая по-существу. Вот-бытие (*Da-sein*) принципиально отлично от субъектности. Оно есть первый отзвук (*Anklang*) уязвления (*Verwindung*) — преодоления-через-исцеление. Метафизика субъектности вынуждена мыслить человека как: у Шеллинга — человека в его свободе (сущность и основание), у Ницше — сверхчеловека (*Übermensch*), у Гегеля — «для нас» в опыте сознания. Вот-бытие есть иное, чем все эти фигуры.

История бытия, просвет бытия.

История бытия, просвет бытия — суть имена, которые сначала звучат так, как если бы они были сказаны на языке метафизики. Понимают при этом названный родительный падеж как *genitivus obiectivus*: бытие, о существе которого полагают, что знают его, имеет тогда историю, понятие которой также уже понятно; бытие стоит в просвете, который неопределённо, возможно, принимается как не-сокрытость, без того чтобы вдаваться в мысль, где и как не-сокрытость существуют. Полагают в лучшем случае, что она принадлежит к сокрывающему поведению человека, возникает и исчезает вместе с ним. Так же требуют для истории бытия коррелят в историческом сознании человека. Незаметно представляют всё метафизически и тем самым антропологически, если не даже идеалистически.

Автор предостерегает от метафизического прочтения собственных терминов. *Genitivus obiectivus* (объектный родительный падеж) означает, что бытие есть объект, который имеет историю. Просвет бытия понимается как некое место, которое можно локализовать. Не-сокрытость (*Unverborgenheit*) сводится к человеческому поведению. История бытия требует коррелята в человеческом сознании. Всё это — антропологическое и идеалистическое искажение.

Идеализм: что *esse* сущего, *ens qua ens*, представляется как *percipi* из *perceptio* (*qua idea*); или как *idea* в смысле *εἶδος*; но *esse* сущего, но *ens qua ens* — «des» и «qua» остаются непродуманными — принимаются и терпятя. «Бытие» есть бытие сущего; сущее есть сущее бытия.

Идеализм (от Беркли до Гегеля) сводит бытие сущего к восприятию (*percipi*) или к идее (*idea*). Но отношение, выраженное родительным падежом («бытие *сущего*»), остаётся непродуманным. Автор фиксирует терминологическое решение: идеализм не может помыслить саму дифференцию.

Если говорится об истории бытия и просвете бытия, тогда «бытие» как раз есть имя для дифференции. История принадлежит к Бытию (здесь, вероятно, *Seyn*) как со-бытию различия в том смысле, что со-бытие впервые определяет существо истории как послание. То же самое действительно для «просвета» События. С опытом событийной-истории всякая возможность идеализма уже в принципе преодолена; ибо «бытие» *qua distinctum* к сущему вовсе не имеется в виду и потому также не «сущее», по отношению к чему сущность могла бы быть представлена и одновременно истолкована как пред-ставленность или «вид». — Ср. Vier Hefte II, 14.

Правильное понимание: бытие (*Seyn*) есть имя дифференции. История принадлежит не бытию как сущему, а Собы-

тию (*Ereignis*) различия. Событие определяет существо истории как посылание (*Geschick*). Идеализм преодолен, потому что бытие не есть сущее и не есть отношение к сущему. Его нельзя представить как «вид» (*eidos*).

Язык как дом бытия.

Но как быть, если язык есть дом бытия? Не ставится ли здесь на место идеализма представления ещё больший идеализм языка?

Возражение от метафизической привычки: замена идеализма представления (всё есть представление субъекта) на идеализм языка (всё есть язык) была бы лишь сменой декораций.

Но опять же: бытие здесь есть имя различия. «Дом» же или местность со-бытийствована в этом как оно само мирски; так что существо человека принадлежит в эту местность и к ней; не так, будто «язык» сводится на человека.

Ответ: бытие есть различие (*Unterschied*). Дом бытия не есть здание; он есть со-бытийствованная (*ereignete*) местность (*Ortschaft*). Человек принадлежит к этой местности, а не наоборот. Язык не сводится к человеку; человек принадлежит языку как местности события.

Внезапность со-бытия различия.

Только во внезапности со-бытия различия совершается «есть» и совершается присутствие присутствующего.

Jähe — внезапность, скачок, невыводимое событие. Глагол «есть» (*ist*) не есть логическая связка; он совершается (*ereignet sich*) во внезапности. Присутствие не есть фон; оно также совершается в этой внезапности.

Каждый раз во внезапности со-бытия просветляется присутствующее и затем одновременно, но также только затем, как уже присутствующее.

Lichtet sich — просветляется, становится просветом. Порядок: сначала внезапность, затем просветление присутствующего, и только затем присутствующее как уже присутствующее. Онтологический примат события перед сущим.

Тем не менее, если внезапность отказывает, невозможно сказать, что сущее «есть» ещё — сущее так же мало есть, как тогда есть бытие — если различие, впервые со-бытийствующее оба, уклоняется и тем самым для нас, когда человеческое-существо, т.е. собственно вот-бытие, остаётся отказанным в со-бытии.

Verweigert — отказывает (активно утаивает). *Entzieht sich*

— уклоняется, уходит. Если внезапность отказывает, то нет ни «сущее есть», ни «бытие есть». Сущее и бытие оба не «есть», потому что различие уклоняется. Человеческое-существо (вот-бытие) остаётся отказанным (*verweigert*) в со-бытии.

Поскольку ни сущее не есть, ни бытие, нет также и ничто. «Есть» как истина со-бытия отсутствует — поскольку мы говорим и так говорим в языке.

Ничто (*Nichts*) также не есть, потому что ничто есть лишь коррелят сущего. «Есть» как истина со-бытия отсутствует (*fehlt*) — не потому, что его нет, а потому что способ присутствия «есть» изменяется. Мы всё ещё говорим на языке метафизики, который не схватывает этого.

К со-бытию принадлежит мирски земля. Земля мир-ует; только когда она ширится, «есть» природа.

Земля не есть ресурс или материя; она мирски принадлежит к со-бытию. Природа (*Natur*) как предмет науки и техники появляется только когда земля ширится (*weitet*) — когда она отпущена в своё событийное измерение.

Мировая-история.

Мировая-история есть событийно посылание различия в его рас-своении. Так продуманной мировой-истории, которая столь же мало имеет дело с универсальной историей, как и с псевдо-историей природы, ничто не предшествует; ибо она впервые дарит всякое пред-шествование — как таковое для неё и в ней. Онтологически-генеалогическое представление космологии не имеет здесь более места.

Welt-Geschichte — мировая-история, не как универсальная история (все народы и эпохи в единой хронологии), и не как псевдо-история природы (историческая геология, эволюция). Ей ничто не предшествует (*geht nichts voraus*), потому что она сама впервые дарит (*verschenkt*) всякое пред-шествование. Космология с её онтически-генетическим представлением не имеет здесь места.

Время-пребывание – существовать – мир-овать – присутствовать.

Время-пребывание не исчерпывается в пребывании и не застывает в пребывание. Время-пребывание со-бытийствует местность, так что оно мирски хранит мир в вещи, но хранит в рас-своение.

Weilen — время-пребывание, длящееся присутствие. *Bleiben* — пребывание (длительное). *Beharren* — пребывание как упорство, застывание. Местность (*Ortschaft*) со-бытийствуется временем-пребыванием. Хранение мира в вещи происходит в рас-своение (*Enteignis*) — не как присвоение, а как отпускание.

Время-пребывание называет мирское вещевание; из него мы должны его мыслить.

Dingen — вещевание. Время-пребывание есть способ, каким вещь вещевает.

Такое время-пребывание есть охранение в смысле *wegen*, т.е. *wesan*. «Существо» есть не *essentia* и не мерило для глагольно продуманного *wesen*; скорее, это *wesen* принадлежит в *wegen*; но *wegen* сначала только как мыслить от время-пребывания *qua* εἶναι (εἶόν); затем же, если *wesen* употребляет-

ся ещё в повороте, из время-пребывания как событийного мирского вещевания.

Этимологическая игра: *weren* (длиться, быть), *wesan* (быть, существовать). *Essentia* — латинская сущность, производная от глагола *esse*. Автор возвращается к глагольному смыслу: существо не есть сущность, оно есть время-пребывание, понятое из вещевания.

«Существо» — говорит теперь время-пребывание *qua* мир-ование как со-бытийствование различия.

Окончательное определение: *Wesen* (существо) = *Weilen* (время-пребывание) как *Welten* (мир-ование) как *Ereignen* (со-бытийствование) различия.

В «при-сутствии» (ср. 67) не-сокрытость уже забыта; окончательно же отказана: не-сокрытость как просвет мир-ования и это как со-бытие различия.

В метафизическом понимании присутствия не-сокрытость (*Unverborgenheit*) уже забыта. В окончательном итоге она отказана (*verweigert*) — то есть активно утаена.

Генеалогия, событийная, существа присутствия.

Genealogie — не историческое прослеживание, а событийное происхождение.

Различие и различённое.

Для различия нет иного, против которого оно могло бы быть сдвинуто в различимость. Оно есть то же самое всякого соседства. Так оно есть самое далеко различённое, не-различимое как таковое против различимого.

Distinktion — логическое различение. Различие не может быть поставлено в пару с «иным»; оно есть то же самое (*Selbe*) соседства (*Nachbarschaft*). Оно есть не-различимое (*Ununterscheidbare*) — не потому, что оно смутно, а потому что его различение иного рода.

Но «различать», взятое от снимающего представления, никогда не может определить различие. Его различение есть соседственно-мирское разделение в то же самое тишины тайны.

Abhebenden Vorstellens — представление, которое «снимает» (от *abheben* — отделять, выделять). Различение (*unterscheiden*) есть *Scheiden* (разделение), которое не отделяет, а направляет в то же самое тишины тайны.

Это рас-сваивающее разделение есть собственное просвет и горный хребет со-бытия.

Gelicht — просвет. *Gebirg* — горный хребет (собрание).

Разделение не закрывает, а просветляет, и это просветление есть собственное событие.

В этом разделении раз- как вы-рывающегося разрыва — покоится выносное различия — которое в отказанном отношении Φύσις и Λόγος в Ἀλήθεια с ней укрывается. (Ср. 105 и далее.)

Austragsame — выносное, то, что несёт вынос (*Austrag*). Отношение (*Bezug*) *physis* и *logos* в *alétheia* — отказано (*verweigert*), то есть не дано в явном виде. Различие укрывается в этом отказе.

Выносное различия как мир-ование. Вы-нашивать в тишину; вы-носить в неё четверицу мира. Тишина есть просвет берегающего звона. Вы-носить как со-бытийствование.

Austragen — вы-нашивать, выносить (как беременность, как разрешение спора). *Ent-tragen* — вы-носить (в смысле извлечения). Тишина не есть отсутствие звука; она есть просвет берегающего (*bergenden*) звона (*Halls*).

Различие есть событийствующее, пред-восходяще-выносящее себя-разделение; никогда не последующее снятие; вынос и охранение разделения.

Себя-разделение (*Sich-Scheiden*) не есть результат предшествующего единства; оно первично. Не последующее снятие (*nachträgliche Abhebung*) — против Гегеля. Вынос (*Austrag*)

и охранение (*Wahrnis*) суть одно.

Раз-личие и дистинкция.

Если нечто просто есть оно само «есть» и так каждое само по себе, то различны ли тогда сами собой также друг от друга? Или различие должно сначала прийти к этому и как дистинкция? Не должно ли сначала различие совершиться в игре-зеркала как мир, в котором впервые со-существует со-своенное, некая самость, из которой единственно приходит то же самое? (60)

Вопрос о первичности. Если каждое сущее есть само по себе, то различны ли они уже? Или различие должно быть добавлено извне? Ответ: различие должно сначала совершиться как мир в игре-зеркала. Из этого события приходит со-своенное (*Ge-Eignetes*) и самость (*Selber*), а затем уже то же самое (*Selbe*).

То же самое следует (событийно) всегда только за различием; тогда как всякая идентичность, также идентичность внутри субъектности, предшествует дистинкции.

То же самое не есть идентичность ($A = A$). Оно *следует* за различием — то есть не дано до различения. Идентичность же, напротив, предшествует дистинкции: сначала полагается тождество «я», затем различаются его определения.

Дистинкция может быть формально-представляющей

внутри непосредственного опредмечивания. Она может быть, однако, и той, которая коренится в существе само-сознания и тем самым ре-флексии и мыслится Гегелем как негативность.

Два типа дистинкции: 1) формальная, в рамках опредмечивания (наука); 2) диалектическая, как негативность само-сознания у Гегеля. Оба не достигают различия.

«Единость» само-сознания, конечного и бесконечного, представляющего и любящего духа имеет своё сущностное происхождение в едином, дающем присутствие, и есть по существу «воля». Ср. Vier Hefte II, 12.

Единство само-сознания у Гегеля происходит из единого (*einenden*) Единого (*Hen*), которое даёт присутствовать (*anwesenlassenden*). И по существу это единство есть воля. Автор указывает на метафизическую природу гегелевского единства.

Мир, в-хождение со-бытия.

Мир, в-хождение со-бытия, есть существующее различия, т.е. его забвения и его поворота.

Einkehr — в-хождение, возвращение домой. Мир есть не что иное, как это в-хождение со-бытия. Забвение и поворот не противоположны; они принадлежат одному существующему (*Wesende*).

В-хождение — со-бытие, рас-сваивая себя, поворачивает себя в складку четверицы мира, из тишины этой — тишит в тайну.

Ein-Kehr — в-хождение. *Ein-falt* — складка. Со-бытие поворачивает себя в складку четверицы. Затем из тишины этой четверицы оно тишит (*stillt*) в тайну (*Ratsal*).

Для мира нет ни вовне, ни внутри. Он не может быть представлен (не *idea*). Он также не субъект как всё представляющее.

Мир не имеет внешнего и внутреннего в пространственном смысле. Он не может быть представлен как идея (ни платоновская, ни кантовская, ни гуссерлианская). Он также не есть субъект, который всё представляет.

Со-бытийствование.

Со-бытийствование (об-зреть? вспыхивать? и давание-слышать-рогу) — превращает всё из тишины.

Eräugen — об-зреть, видеть (редкое слово). *Erblitzen* — вспыхивать. *Gehörnulassen* — давание-слышать-рогу (неологизм). Автор пробует разные варианты для передачи *Ereignen*. Со-бытийствование превращает (*verwandelt*) всё, и источник этого превращения — тишина.

Так же и сказание. Оно ничего не высказывает о ...; но оно также не выговаривает — в выговаривании себя. Сказание соответствует собеседованию — со-бытийствуется как оно — но в не-счастье языка.

Сказание не высказывает о чём-то и не выговаривает себя (не экспрессирует субъект). Оно соответствует собеседованию, но находится в не-счастье (*Unheil*) языка — в том состоянии, где язык отпал от своего существа.

Мир: ни трансцендентен, ни трансцендентален.

Мир: ни трансцендентен, ни трансцендентален — ибо перед *transzendere* раз-личие.

Transzendent — выходящий за пределы возможного опыта (у Канта). *Transzendental* — относящийся к условиям возможности опыта. Раз-личие находится *перед* (*vor*) любым переступанием (*transzendere*). Оно не есть ни то, что за пределами, ни то, что делает возможным.

Мир-существо Сбытия.

Seyn (Событие) есть имя ещё не испытанного различия и притом имя, которое говорит из метафизики и её начала и в переходе к повороту.

Seyn (архаичное написание) есть имя для различия, которое ещё не было испытанно (*unerfahren*) — то есть не было пройдено как событие. Оно говорит из метафизики, но также указывает в переходе к повороту.

Seyn называет, ещё оставаясь на этом ходе, но отпуская его, поворот забвения различия.

Verbleibend — оставаясь. *Verabschiedend* — отпуская, прощаясь. Seyn находится на пути метафизики, но одновременно отпускает этот путь, указывая на поворот.

В повороте в-поворачивает со-бытие — оно есть охранение События и бывшее его отказа.

Kehrt ein — в-поворачивает, возвращается домой. Со-бытие есть охранение (*Wahrnis*) Seyn и бывшее (*gewesen*) его отказа (*Verweigerung*).

Со-бытие покоится, событийствуя различие, в мир-овании мира. Мир мир-ует вещь. (52)

Покой со-бытия — не статика, а событийная устойчивость.

«Существо» называет теперь, глагольно, т.е. событийно продуманно, образ со-бытийствования.

Окончательное определение существа: не *essentia*, а образ (*Weise*) со-бытийствования.

В мире, мирски продуманном, сохранён время-пространство между меж — раз-личия. Разделение же из рас-своения в непринуждённость вещи.

Zeit-Raum — время-пространство. *Inzwischen* — между. *Inter* — меж. Раз-личие сохраняется в мире как это между. Разделение (*Schied*) происходит из рас-своения (*Enteignen*) в непринуждённость (*Gelassenheit*) вещи.

Только забвение различия.

Только забвение различия: в полевом пути; Четыре тетради, с. 20; ...

Автор указывает на собственные тексты, где забвение различия не описывается как нечто, о чём можно говорить прямо, а скорее совершается или удерживается. «Полевой путь» (*Feldweg*) — не метафора, а указание на место, где забвение различия может быть испытанно как событие, а не как недостаток.

Даже не предварительное и пред-бывшее — ибо всё это уже и ещё в сравнении и в снятии. Сегодня уже слишком громко; шум с простым и не-броским. Без исторического представления и доказательства.

Vorläufiges — предварительное, то, что предшествует. *Vorheriges* — пред-бывшее, то, что было раньше. Всё это — категории сравнения (*Vergleich*) и снятия (*Ablebung*), то есть диалектики. Шум (*Lärm*) современной эпохи несовместим с простым (*Einfachen*) и не-броским (*Unscheinbaren*). Историческое представление (*historisches Darstellen*) и доказательство (*Belegen*) — методы науки и историографии — здесь неуместны.

Вместо этого повсюду из ясного со-бытия и само со-бы-

тийствование.

Lauteren — ясное, чистое, не замутнённое примесями. Не из метафизических принципов, а из ясного со-бытия. И не о со-бытии, а само со-бытийствование (*das Ereignen selbst*).

В забвении различия — только со-бытие. В со-бытии — только мир.

Два редуktивных шага: забвение различия не есть пусто-та; в нём присутствует только со-бытие. Со-бытие, в свою очередь, не есть нечто сложное; в нём присутствует только мир.

Сбытие мыслительно испытывается как: мир ширится. Мир-ование: со-бытие не-сказанного не-избежного.

Sst — Сбытие. *Denkend erfahren* — мыслительно испытывается, не через чувственное восприятие и не через логический вывод. Мир не есть; он *ширится* (*weitet*) — со-бытийно расширяется, даёт себе пространство. Мир-ование есть со-бытие не-сказанного не-избежного (*Ungesprochenen Unumgänglichen*).

Ясность мира.

Когда нам становится что-то ясным, оно становится многозначным. Оно включает нас в соединение «более», которое столь же бесчисленно, как единое событийствующего единения.

Парадокс ясности (*Deutlichkeit*): она не ведёт к однозначности, а к многозначности (*Mehrdeutigkeit*). *Gefüge* — соединение, структура, склад. *Zahl-los* — бесчисленно, не поддаётся счёту. Единое (*Eine*) событийствующего единения (*Einens*) имеет бесчисленные модусы.

Но ясное не безгранично. Ясность мира покоится в четверице различия. Ср. 56.

Grenzenlos — безгранично, неопределённо. Ясность имеет границу — не внешнее ограничение, а внутреннюю структуру: четверицу (*Vierung*) различия. Четыре не есть число; это событийная структура.

Из дела в дело: забвение различия [Четыре тетради] поворачивается в различие забвения (ср. 60 выше).

Движение мысли: не от дела к чему-то внешнему, а из дела (*Sache*) в дело. Забвение различия не устраняется; оно поворачивается (*kehrt sich um*) в различие забвения.

без обстоятельств (а во внезапности поворота)

Ohne Umstände — без обстоятельств, без околичностей, напрямик. Внезапность (*Jähe*) поворота не имеет опосредований.

без впечатлений, поучения и воспитания —

Исключение эмпирического (впечатления), дидактического (поучение) и педагогического (воспитание) подходов. Мышление различия не есть результат образования.

без высоких слов (они принадлежат в метафизику)

Hohle Worte — высокие, пустые, громкие слова. Метафизика оперирует такими словами (дух, бытие, абсолют, ценность и т.п.). Мышление различия обходится без них.

без сегодняшнего

Heutiges — сегодняшнее, злободневное, актуальное. Мышление не подчиняется повестке дня.

без методического

Methodisches — методическое, процедурное. Нет метода, который можно было бы применить.

без «метафизики»

Метафизика в кавычках — не как дисциплина, а как спо-

соб мышления, который нужно оставить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.